

Мансуров Андрей

Тёмное фэнтези, тёмная фантастика

Сборник фантастики

Андрей Арсланович Мансуров

Тёмное фэнтези, тёмная фантастика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30473185

SelfPub; 2018

Аннотация

За годы работы у меня набралось несколько рассказов, которые оказались слишком мрачными, чтоб включать их в цикл "Разрешённая фантастика", но и недостаточно "крутыми и неполиткорректными", чтоб включать в "Запрещённую фантастику". Поэтому я и собрал их в эту книгу. Написаны они в разные годы: "Добрый учитель" и "Юлия" – в 2013-14, "Вам бы там не понравилось" – в 1986, "Конан и Королевство Воздуха" – в 2018. Надеюсь, любителям динамичного экшена, мистики, ужасов, и тайн и загадок эта книга понравится. Интересного чтения!

Тёмное фэнтэзи, тёмная фантастика.

Добрый учитель

С трудом сглотнув липкий и непослушный комок, Лессан оглянулся назад.

Нет, слышалось. Никто за ним не идёт. Да и не смог бы никто из простых смертных пройти там, где только что пробрался он! Это всё расшалившиеся нервы...

Вздыхнув поглубже, и уже жалея, что не захватил хотя бы флягу с водой, Лессан поднял выше посох с крошечной точкой-бусинкой света на конце, и оглядел всё: узкий мрачный коридор со стенами из огромных и почти необработанных камней, неровный пол из ржавой утрамбованной земли, и потолок – из тех же камней, уложенных в виде арки.

Нет, здесь он, вроде, ещё не был. Наверное, стоит двигаться поосторожней.

Опустив посох светящимся концом поближе к полу, он осветил грязные ноги в стоптанных сандалиях, и сырую поверхность пола, на которой, впрочем, почти не оставалось отпечатков подошв.

Нет, следов не видно. Ни его, ни вообще – чьих-либо. Зна-

чит – он свернул правильно.

Лабиринт не только пугал Лессана, но временами уже и раздражал. Честно говоря, он предпочёл бы в виде итогового экзамена за год просто продемонстрировать всё то, что освоил, и делал уверенно: зажигать стеклянный шарик на конце посоха, искать подземные реки, замораживать воду... Ну и всё то, что он нагло зазубривал из Книги, пока чёртов старикан занимался своей бижутерией.

Учителя своего Лессан не любил. Да и посмотрел бы он на того, кто полюбил бы *такого!*..

Ворчливый, вечно придирающийся, как бы хорошо ты то или иное дело не сделал. Постоянно шаркающий ещё более стоптанными, чем у самого Лессана, подошвами сандалий. Со слезящимися глазами, с кривыми ногами, и согнутой многовековым радикулитом спиной. Но хуже всего, конечно – волосатая бородавка на лоснящемся жиром носу.

А уж характер!.. Мерзкий, злобный, вспыльчивый... К малейшей промашке придирающийся так, словно он, Лессан, загубил всю Вселенную тем, что превратил кусок угля не в алмазы, а в хрусталь! Если бы ещё Лессан понимал, в чём принципиальная разница между этими двумя, выглядевшими на его мальчишеский взгляд, абсолютно одинаково, прозрачными камешками.

Ладно, хватит стоять – поддержание огня отнимает силы. И если он хочет наконец отделаться от дурацкого экзамена, лучше бы ему найти чёртов алтарь с кувшином поскорее.

Настороженно оглядываясь, и поминутно пробуя ногой выглядящий вполне надёжно (Ага – два раза! Знаем мы эту «надёжность»!) пол, Лессан двинулся дальше по коридору, поджимая губы и мысленно матерясь.

И как это его угораздило попасть в ученики к чародею! Да не к чародею даже, а к жалкому старику, воображающему, что знает магию.

Впрочем, трезво оглядываясь на своё прошлое, приходится признать, что профессия карманника-попрошайки интересна ещё меньше. А вот если, как он тогда подумал, к его ловкости и сметливости добавить ещё пару-тройку волшебных трюков и финтов, позволивших бы вынимать кошельки из-за пазух, или срезать с пояса, находясь в уютной безопасности за углом!..

О, он вполне оценил перспективы тогда, когда вляпался на первой же попытке самостоятельного ограбления целого дома! И с чего он надумал, что готов к такой работе?! Словно сам Кашшагет тогда под локоть толкнул!

И вот, нате: он – в сыром и глубоком зиндане, куда скатился после срабатывания ловушки, установленной хозяином! Хорошо хоть, хозяином оказался его теперешний учитель. И пришёл он на его крики и завывания раньше, чем Лессан подох от жажды...

А выбор после этого был невелик: или остаться на дне зиндана, и сдохнуть-таки от жажды... Или пойти в слуги и ученики! Так что ко второму приходу чародея, «обдумав» сде-

ланное ему предложение, и хрипя запекающимся горлом, он повторил слова клятвы, и разрезал себе левую руку сброшенным кинжалом, чтобы поставить кровавый отпечаток большого пальца на длинном листке пергамента... А уж что там было написано, пришлось поверить на слово.

И после этого речи о том, чтобы сбежать, не шло: кому охота провести остаток жизни в теле осла!..

Лессана прошиб пот: земля под ногой вдруг предательски подалась, и только быстрая реакция позволила ему удержаться от падения, вцепившись в камни стен! Что за!..

Открывшаяся его взору яма имела в ширину метра два – перепрыгнуть можно, а вот перейти...

Опустив шарик пониже, он оценил «юмор»: всё дно пятиметрового провала топорщилось, словно дикобраз, деревянными колышками, заострённые верхушки которых ещё и явно прокоптили на костре – видать, для долговечности. А ещё приглядевшись, он заметил...

Что там, внизу, валяются две сандалии, и нечто, напоминающее скелет в полусгнившей тряпке.

Чёрт! Неужели?.. Или это – только средство, «так сказать» (Любимая присказка чёртова магрибского колдуна!), от души напугать незадачливого, но излишне самоуверенного ученика? А что – с мага станется. По части иллюзий и злых выходок с ним мало кто сравнится. Вернее, Лессан таковых и не знает!

Так что выяснять – иллюзия ли этот бедолага там, в глу-

бине, или настоящий труп, у него нет никакого желания.

Скривившись от приторно-сладкого запаха разложения, и вездесущей плесени, Лессан перепрыгнул яму, чуть поскользнувшись на краю.

Похоже, особым богатством изошрённого воображения маг не страдает. Это уже второй капкан такого типа. А ещё были – с падающими сверху камнями, с отравленными дробиками, вылетавшими из стен и...

Так, стоп. Это уже что-то принципиально новое.

Лассан тщательно ощупал все стены тупика руками, и даже попинал ногами.

Нет, кладка монолитная, и щелей, и, соответственно, предательских сквозняков нет. Значит – он верно понял. Путь через вон тот колодец является единственным.

Вздохнув, и посветив вниз (Дна всё равно не видно! Да и как его разглядишь, если оно, как и всё вокруг, чёрное, и «весёлое», почти как дохлая чёрная кошка?! И воняет точь в точь так же...), Лессан засунул посох себе за пояс на спине, чтобы высвободить обе руки. И стал спускаться.

Каменный мешок оказался узок: только-только шевелить локтями и коленями – а осклизлые скобы из чего-то вроде железа, вделанные в его стены через каждые четверть метра, выдерживали его вес, вроде, неплохо. Лессан спускался, спускался, спускался...

Что за дьявол!.. Не в подземелья же Мардука он лезет!

Впрочем, спуск кончился раньше, чем его терпение. (Ин-

тересно, а вот как же он попадёт обратно на поверхность, когда всё закончится? Неужели – придётся опять лезть?! Нет, не может быть. Сам маг никогда бы до такого не унился – значит, есть другой путь. Короткий и простой.)

Но вот он и на месте. Уняв дрожь в руках и коленках, (Возникшую только от напряжения, конечно!) Лессан неторопливо и обстоятельно огляделся. (Мало ли!..)

Ещё коридорчик. Короткий. Обычный, каменный.

Всё с теми же предосторожностями Лессан двинулся вперёд: там угадывалось большое и открытое пространство – вроде пещеры. И точно! Своды терялись во мраке, разогнать который не мог, конечно, крошечный шарик света, который Лессан к тому же даже не в силах уже заставить светить поярче.

Пещера оказалась даже побольше зала во дворце вазира Сулаймон-бека, куда Лессан однажды случайно (Ну как – случайно. Вазир, заслушав его очередное «дело», осудил его на сто плетей на базарной площади... Было больно. А главное – унизительно. Его срам видели и женщины!..) попал.

В дальнем её конце, на возвышении, находилась высокая как бы тумба: похоже, это и есть алтарь! А на ней стоял и вожделенный кувшин! Лессан невольно облизал пересохшие губы.

Нет, вот *теперь* напролом идти и действовать нельзя никоим образом!

Старикашка коварен, как камышовый кот, и непременно

но захочет поунижать Лессана, если сейчас тот вляпается в какую-либо из наверняка подготовленных хитрых ловушек! Нельзя дать ему повод для насмешек. Он – кое-что знающий, пусть и молодой, Маг!

Но где *тут* могут быть ловушки?!

Лессан наудачу стукнул по полу перед собой концом посоха. Ага, два раза... Ничего не случилось. Пол всё так же и оставался грязной утоптанной буро-рыжей землёй. А что со стенами?

И они не изменились: из грубых необработанных камней. Странно.

Но кто же, и когда выложил все эти бесконечные коридоры под домишкой колдуна, и прорыл весь гигантский Лабиринт, который потребовал от Лессана не менее пяти-шести часов, и почти всех сил и способностей?!

Не может же быть *такое* – иллюзией?! Или – может?.. Лессан поневоле почувствовал неуверенность. Нет! Он не должен!.. Он – способный и сильный. И он многое уже умеет! Старик сказал, что не будет ничего такого, с чем он не смог бы справиться!

Впрочем, вот его словам-то как раз доверять особо не...

Лессан медленно двинулся вдоль полукруглой стены, простукивая её и пол перед собой концом посоха – почти как профессиональный слепой нищий там, на базаре...

Ага! Есть первая! От толчка посохом, похоже, сработала скрытая пружина, и в стене открылась глубокая ниша. Лес-

сан имел неосторожность посветить туда, и заглянуть.

О, Бэл! Ну и тварюга! С виду – тигр. Но – не полосатый, а ярко-оранжевый. И голова... Скорее уж, как у медведя. А вот зубы...

И зубы и когти ясно сказали Лессану, что более близкое знакомство с их хозяином нежелательно! И даже морально (Не говоря уж о багаже знаний!) он не слишком готов!

Поэтому, уже ничего не ощупывая, он со всех ног кинулся назад, к спасительной тесноте колодца, надеясь от души, что в его узкое жерло тварь не пролезет. А если и пролезет – карабкаться по скобам не сможет!

Проклятье! Колодца на месте не оказалось! Свод пещеры оказался сплошным! Вот ведь д...мо!..

Если не сказать сильнее.

А что он успел выучить из средств борьбы со зверями?! Так, спокойней, спокойней...

Прижавшись спиной к шершавому камню, он смотрел со всё нарастающим глубоко – да и не глубоко! – в душе, страхом, как зверь неторопливо, с чисто кошачьей грацией, выходит из ниши и поворачивает к нему зубатую морду.

Принюхивается. Глаза-бусинки сверкают голодным блеском... Вот он провёл по полу лапой с выпущенными когтями... Звук ударил по ушам: словно рвётся ткань!

Нет, спокойней. Спокойней! Ведь, как говорил учитель, работать придётся не в идеальной, «кабинетной», обстановке. А вот так – в пылу битв, и непривычных условиях... Ну

вот – это они и есть! Так что надо сосредоточиться и...

Лессан сложил ладони перед собой, перенёс концентрацию энергии в них. Громко выкрикнул заученное заклинание, и развёл руки! И... Ничего! Что за!.. А где же шар огня, столько раз вылетававший из ладоней вперёд, тогда, на тренировках?!

Ещё раз! Снова – ничего. Но... Тогда, может, попробовать... Или...

– Можешь не стараться. Ты уже проиграл, когда побежал. Заколебавшийся или струсивший маг – мёртвый маг. – да, сомнений нет: это именно из уст огромной медведе-кошки звучал голос его учителя, – Твоей самоуверенности хватало только на то, чтобы про себя посмеиваться надо мной, «глупым и растерявшим силы старикашкой», да таскать цукаты из горшка, когда ты думал, что я сплю... Однако на прощанье, так сказать, не могу не показать, как выгляжу на самом деле!

За доли мгновения перед Лессаном возник нагой юноша.

Бэл раздери!

Он казался просто... Лучезарен!

Тело, словно у атлета. Или – Бога Атона. Лицо – мужественное и... И в то же время с какой-то хитринкой. Лицо коварного обольстителя. Не к месту Лессан подумал, что при необходимости маг легко мог бы совратить любую женщину... А может, он и... Ведь перед таким устоять невозможно!

– А сейчас – время расплаты. Ты вволю посмеялся надо

мною, теперь моя очередь.

Так же мгновенно произошла обратная трансформация. Запоздало Лессан подумал, что учиться-то, оказывается, можно, и нужно бы, ещё ох, многому...

Потом он кричал, кричал, стонал, тщетно взывая к...

Следующая не к месту – когда его, сбитого с ног, уже начали, ещё живым, поедать – возникшая мысль, была о том, что он так и не выяснил, кто, всё-таки, его родители... Теперь уж не узнать.

Адская боль затмила сознание, вытеснив все остальные мысли...

Милош подпрыгнул.

Сварог! Лучше видно не стало. Значит, придётся лезть.

Разбежавшись по уже проверенному участку пола, он мощно оттолкнулся, помог себе руками, и почти до пояса выскочил на уступ. Так, хорошо... Теперь надо бы восстановить сбитое дыхание...

Чёртово подземелье. Отняло непозволительно много сил. И наверняка стоило нескольких седых волос – так близко к смерти он никогда до этого...

Так, нормально. Подтянув ноги, он перекатился по узкой полке. Оглянулся назад. Нет, там, в ещё полыхающем зелёными сполохами угасающего огня, коридоре, никого больше нет.

Вот и хорошо. Ещё одного нападения чёртовых крыс он

не пережил бы! А бегать по лабиринту с такими тварями за спиной – не лучшая перспектива. Волшебник коварен и любит устраивать ловушки. Плохо, или совсем невидимые. Так что прощупывать – надёжней. А с толпой голодных озверевших хищниц за спиной не больно-то нащупаешься...

Отталкиваясь локтями и коленями, Милош пополз по широкому, но низкому лазу.

Через каких-то двести шагов ткань рукавов и штанин оказалась протёрта до дыр о шершавый камень. Проклятье! Теперь, после экзамена, ему же и придётся всё это зашивать и штопать: от старикашки дожидаться новой одежды, всё равно, как от облака – пирогов!

Так что – как попал он в услужение и ученичество к кудеснику, так и ходит уже второй год: выросшие ноги и руки торчат из штанин и рукавов на добрый дюйм! Ладно, он не в претензии. Хоть чародей и ворчлив, и вечно придирается, но хоть кормит от души. Чего нельзя было при всём желании сказать про родного дядьку, который и сдал Милоша в обучение.

С другой стороны, дядю тоже понять можно: ему после смерти родителей пятилетнего Милоша пришлось взять лишний рот к своим девяти сорванцам... И ещё двум дочкам. Конечно, работать Милошу пришлось вот с этих самых пяти лет. И спрос с него был само-собой куда строже, чем с родных.

Так что в свои одиннадцать попав в ученики и слуги к за-

езжему чародею, Милош поначалу даже обрадовался: хоть не надо вставать в четыре утра... Однако вечное ворчание, капризы, и то, что пришлось почти любое дело переделывать по три-четыре раза, со временем стало раздражать куда сильнее, чем нудная и тяжёлая, но хотя бы привычная и простая работа на ферме.

Милош оглянулся: точно! Какая-то тварюга, с вожделением топая, сопя и облизываясь, догоняет его! А здесь он никак не сможет дать ей отпор! Здесь и с живота-то не при-станешь!

Чёрт!..

Пришлось ускорить «поползновения», и вскоре впереди замаячил... Как бы выход.

О-о-о!.. Пола-то нет! Во всяком случае, внизу ничего не видно – только слепяще-белое пространство, уходящее, кажется, в бесконечность во все стороны! Хм! Ну и куда ему...

А-а – вот! Если подняться по этим скобам наверх, может и удастся отделаться от странного чёрно-зелёного спутника, уже явственно скребущего когтистыми лапами, и с аппетитом причмокивающего в каком-то десятке шагов сзади!

Милош с трудом развернулся в сузившемся лазе, и дотянулся кончиками пальцев правой руки до скобы. Так, она, вроде, из металла. Держит. (А то – мало ли!.. Чародей обожает «шутить» – под ним уже три раза проваливался пол, и раз – чуть не погребло под лавиной камнепада!) Но куда же деть посох? А, он засунет его за пояс, на спину!

В последний момент поджав ногу, чтобы избежать контакта с высунувшейся из проёма когтистой лапой, Милош что было сил полез вверх.

А это не просто! Вскоре пот с него лил ручьём. Хорошо хоть, не надо было поддерживать свет в шарике: всё пространство вокруг освещал рассеянный жемчужно-серый свет.

Взобравшись по, казалось, уходящей влево и вправо на сотни миль, серой стене, Милош решил-таки глянуть вниз.

А очень зря. Вид деловито взбирающейся по скобам всего в пяти шагах ниже, явно плотоядной твари, улучшению настроения и спокойствию духа отнюдь не способствовал!

То, что она похожа на сильно увеличенную ящерицу, вида её грозных зубов и двухдюймовых когтей отнюдь не портило... А уж взгляд!.. То есть – он казался сильно устрашающим!

Задыхаясь, и пытаясь изо всех сил внушить себе, что для мага главное – спокойствие духа, и вера в свои силы, Милош тем не менее продолжил быстро карабкаться вверх.

До магических выкрутас дело дойдёт только там, где он сможет уверенно встать на ноги, и освободит руки! И пусть маг полтора года втулял ему, что «работать» нужно уметь в любых, самых непривычных, условиях – пока он не совсем... Вернее – совсем к такому не готов!

Вертикальная стена кончилась внезапно. Милош, отдуваясь, рухнул животом на верхнюю кромку. Однако быстро

вскочил, когда его голой лодыжки коснулся липкий и холодный раздвоенный язык!

Здесь не до отдыха: нужно быстро разобраться с чёртовой ящерицей! Пока она ему чего не откусила. А учитель предупредил, что если его ранят, лечиться Милош будет сам! А он не слишком... Вернее – то, что он себе залечил сам, до сих пор болело на сырую погоду!

Встав наконец лицом к поднимающейся твари, Милош прокричал заклинание. Развёл руки и опустил ладонями к ящерице... Шар обжигающего слепяще-белого пламени ударил прямо в омерзительную раскрытую пасть!

Милош поморщился от запаха горелой плоти... Да и зрелище обугливающегося языка и машущих в воздухе потерявших опору лап, отнюдь взор не услаждало. Вскоре быстро уменьшавшаяся тварь, нелепо сучившая лапками по воздуху, растаяла в пучинах ослепительного сияния дна. Милош выругался. Он ощущал усталость. Однако несколько радовало и утешало осознание того, что он – жив! И он победил: в первую очередь – себя!..

Показалось ли ему, или он расслышал... нечто вроде скептического смешка?!

Ага, он и не сомневался, что чёртов старикашка будет пристально наблюдать за ходом экзамена, и уж потом, при разборе, не примянет ткнуть ученика носом в его «так сказать» ошибки...

Ещё раз кинув взор в глубину колоссального серого про-

вала, и окончательно убедившись, что никакая тварь, что эта, что другая, оттуда больше не лезет, Милош развернулся, наконец, к тому, что терпеливо ждало его за спиной.

Хвала Богам!.. Здесь, вроде, никого живого и кровожадного не было. Пока, во-всяком случае. Может, передохнуть? Да, пожалуй. А то он уже часов шесть проходит чёртов Лабиринт – проголодался. Да и нервы... Что ни говори, не каждый день у него экзамен Первой Ступени.

Ломоть хлеба и половина содержимого фляги с водой частично утолили голод и возместили то, что вышло из него в виде пота. Особенно много он потел во время битвы с крысами...

Вот уж где ему пригодились всё, что вызубрил! И всё равно: он уверенней чувствовал бы себя не с посохом-клинком в руках, а с обычным клинком. Но!

Но, может, именно это имел в виду маг, когда говорил, что магу нельзя колебаться: в его руках должна быть только Магия! Иначе он – не Маг, а человечешка! И, значит – проиграл! Стало быть – никакого *обычного* Оружия!

Через полчаса Милош чувствовал себя куда лучше, и смог идти дальше.

Вот только – куда идти-то? Перед ним простиралось от самой кромки обрыва уходящее в бесконечность, ровное пространство, казавшееся зеркальным отображением той стены, по которой он влез – но не вертикальным, а горизонтальным!

Никаких ориентиров! Только сверху – пепельно-розовое... Небо? Неважно. Главное – он выбрался из проклятых подземелий. Свет шарика поддерживать больше не нужно.

Раздумывая на досуге, как кудеснику удаётся поддерживать иллюзию такого, огромного и сугубо материального, Мира, Милош неторопливо двигался вперёд, не забывая, впрочем, простукивать пространство под ногами концом посоха. Поэтому то, что произошло буквально через три минуты, явилось для него неожиданностью.

Сверху стали стремительно опускаться странные... Палки – не палки... Брусья? Какие-то, вроде, длинные, и тёмные, предметы! Увернувшись от ближайшего, он застыл в позиции номер один, готовый ко всему...

Ах, вот оно что...

То, что он принял за брусья, оказалось нижними торцами гигантских зеркал.

И теперь они возвышались вокруг него, расположенные без видимой системы, отражая только его, казавшуюся гротескно маленькой и незащитной, фигуру.

Постучав по ближайшему посохом, он подошёл ближе. Сварог!

Неужели *это* – он?! Нет, не может быть! Здесь же отражается глубокий старик! Голова и длинная борода – совсем седые! Да и посох в руке похож, скорее, на извивающуюся змею...

Чёрт! Зря он так подумал: это и оказалась змея!

Мало того – она как бы выпала из пространства зеркала прямо к его ногам!

Вот это зубы! Не иначе – ядовитые!

О-о!.. И вот это он тоже – подумал зря! Потому что раскраска тела, до этого тускло-серая, превратилась в причудливо-яркую! Боевую. И два огромных клыка с капающей с кончиков мутной жидкостью – уж явно не молоком! – нацелились прямо ему в ногу! А нога – даже без сапога! Дохленькие сандалии явно не спасут здесь!

Милош опасно ткнул в быстро приближающееся туловище, толщиной в добрую руку, концом посоха. Змея сердито зашипела, и приподнялась над полом чуть ли не до его пояса!

Ого! Капюшон! Да ещё с характерным рисунком...

Милош понял, что перед ним – настоящая кобра! И, похоже, он «воплотил» её себе сам!

Так, сожалеть и сомневаться по этому поводу некогда – надо просто убить очередную тварюгу! Пусть и «свою»!

Сконцентрироваться... Заклятье! Он старался выговаривать чуждые слова чётко.

Ага! Вот так...

Замёрзшая и застывшая в смертельном броске пасть с дюймовыми белейшими иглами зубов всё равно вызывала невольную дрожь... Превратив снова кончик посоха в лезвие, Милош на всякий случай рассёк четырёхсаженное тело на три куска... Теперь-то уж не оживёт, даже когда отмёрз-

нет!

Стараясь не глядеть в окружавшие его со всех сторон зеркала, Милош торопливо двинулся вперёд. О коварстве учителя он теперь думал с содроганием – это же надо дойти до такого! То есть, он чуть было не убил себя сам! Хорошо, что он не подумал о...

Нет! Молчать! Блокировать память!.. Он – не должен! Не должен ни думать, ни представлять себе... Иначе тот образ, о котором он подумает, и воплотится перед ним во плоти страшными зеркалами!

Однако не может же человек, будь он хоть трижды ученик мага, не думать вообще!..

На этом его, как он с огромным сожалением понял, и подловили...

Потому что достаточно сказать: «Не думай о жёлтой обезьяне!», как человек невольно сразу же...

А он пока – не Мастер, полностью контролирующий свой Разум.

Так что поставить перед ним, всего лишь учеником, такую задачу – подло и нечестно!

Но, похоже, к его учителю понятия честности и чести не слишком применимы...

Это только и успел запоздало подумать Милош, пока его разгрызало на кровавые кусочки самое страшное из чудовищ, являвшихся к нему в ночных кошмарах!..

На очередном холме Вадак почему-то задержался дольше обычного.

Ратибор даже подумал, что кудесник что-то заметил такое, чего не видит он, молодой, и глазастый... Но нет – при внимательном изучении лица ведуна оказалось, что взор его обращён не к красотам степи, а как бы вовнутрь, в себя.

Как вести себя в случаях, когда его спутник думает, или выясняет что-то в окружающем Мире, Ратибор знал отлично. Поэтому очень внимательно ещё раз огляделся по сторонам – ничего подозрительного! – и молча придерживал своего коня, оставаясь чуть позади напарника.

Вадак, словно очнувшись ото сна, вдруг тряхнул седой гривой. Ратибор снова отметил, что ни разу не видел, чтоб Вадак хоть что-то делал с волосами, а они оставались всё так же отлично расчёсаны и чисты... Вот бы и ему так – а то проклятые вши совсем озверели... Да и на голове не причёска, а настоящее воронье гнездо.

– Нам придётся ехать быстрее. – сообщил вдруг кудесник.

– Хорошо. – довольно равнодушно отозвался Ратибор, направив коня вслед за устремившимся по дороге ровной рысью, конём Вадака. Лишних вопросов он старался теперь не задавать. Зачем? Если что-то сможет помочь ему в борьбе с тем, что им встретится, Вадак прояснит. А нет – тоже неплохо. У него есть и свои глаза. И мозги.

– Я доволен. – буркнул Вадак примерно через полчаса мерной и быстрой езды, – Доволен, что ты больше не суете-

тишься. Не задаёшь лишних вопросов. Неплохо для вчерашнего отрока. Однако сейчас мне придётся поставить тебя перед выбором.

Ратибор... Напрягся. Похоже, им предстоит что-то очень серьёзное. И точно!

– Дело, которым мне, – кудесник выделил последнее слово, – придётся заняться, действительно опасное. И я могу погибнуть. А ты, – он со значением поглядел прямо в глаза Ратибору, – никакого отношения к этому делу не имеешь. Оно может сильно задержать нас. Твои земляки верят, и надеются на тебя. Поэтому я предлагаю тебе отбросить... скажем так: твою привязанность, и ложное чувство долга в отношении меня – и ехать дальше одному!

Поскольку Ратибор к чему-то такому и был готов, его эмоции проявились лишь в пожатии плечами:

– Дело не только в привязанности. Рядом с тобой я куда лучше стал понимать Мир... Да и себя. И пусть я в ответе за моих людей, но... Но я уже в ответе и за тебя. И никакое это не чувство долга. Это – обычное боевое Братство. Никуда я не уеду.

– Ты не понимаешь. Это – *не* проверка твоего чувства товарищества. Или совести... Речь идёт о твоей жизни. Если ты погибнешь сейчас, в совершенно чужих кровавых разборках, это лишит даже того, крохотного, огонька надежды доверившихся, и надеющихся на тебя друзей!

– Я знаю, что это не проверка. – уж это-то Ратибор по-

нял, – Но я всё равно никуда без тебя не поеду. И не потому, что боюсь не справиться, – Вадак криво усмехнулся, – А просто потому, что Росичи своих в беде и в битве не бросают. Твоя война – моя война.

– Храбро. – сердито, но в то же время, как показалось Ратибору, и удовлетворённо, проворчал кудесник, дёрнув плечом, – Глупо, но храбро. Возможно, из вашего... Хм-м... Племени... со временем выйдет толк. Стратегия биться всем до последнего иногда... Приносит свои плоды.

И, помолчав ещё с полверсты, добавил:

– Спасибо.

Ратибор только кивнул.

Всеслав перекрестился.

Хотя здесь это вряд ли могло помочь.

Сотрясающее заклятье, превратившее в груды сверкающих осколков все чёртовы зеркала, отняло почти все силы... И всё равно – действовало только там, куда достигал его голос.

Правда, похоже, этого хватило. Впереди не было видно ни одного целого зеркала.

Зато было видно нечто другое. И оно отнюдь не способствовало успокоению духа.

Да, всё верно. Дойдя до края обрыва, Всеслав убедился, что двадцатисаженный ров тянется поперёк всего доступного взору пространства, и на дне его бушует дьявольский –

словно действительно, из Преисподней! – огонь!

Ну, с этим-то он знает, как справиться. Вроде. Главное – верить в себя!

А уж веры-то в себя у него вполне... Особенно после того, как он опробовал на быке злобного соседа, а затем и на самом соседе, свои новые знания и способности.

Ведь всё это – он уверен! – только иллюзия. Мираж, созданный и питаемый его учителем исключительно для него! А чтобы экзамен не казался мёдом, его могут даже и по-настоящему сжечь, или растерзать на кусочки, или... У проклятого бородавчатого магрибца тысячи способов не дать ему заскучать или расслабиться!

Воздев руки, с посохом в правой, он нарочито спокойным тоном чётко выговорил заклинание. Он не сомневался теперь, что маг нагло подглядывал за тем, как он, вначале – по наивности, надеясь, а затем – и просто нагло, уже не сомневаясь, что колдун не спит, штудировал его Большую Книгу.

Но – раз не возражал, значит – одобрял. А вот теперь – проверял, как Всеслав усвоил!

А усвоил, вроде, неплохо... Хрустальный мост, призрачно дрожа, и переливаясь гранёнными плоскостями, вначале расплывчатым маревом, а затем – и монументальной аркой, возник над пропастью. Всеслав оборвал себя – рано радоваться! Нужно поддерживать свою иллюзию, пока он не перейдёт на ту сторону!

На это ушло всего полминуты – он почти перебежал, бук-

важно ощущая, как растёт давление на мозг, на тело, на Дух – давление старающегося выбить его из состояния Концентрации, мага. Но вот мост позади. Он выкрикнул отменяющее приказание. Ф-ф-у...

Куски сверкающего моста величественно обрушились в пропасть, пламя жадно вспухло над краями рва, и с шелестом серебряных колокольчиков вернулось на место. Все-слав вытер со лба обильно выступивший пот. Откупорил флягу и сделал скупой глоток. Нужно двигаться дальше. И не мешкать. Ночевать здесь... Желания нет никакого!

– Придётся ехать ещё быстрее. – тон Вадака не оставлял сомнений в том, что им и правда, лучше поторопиться. Они перевели коней в галоп. Через пять минут скачки Вадак придержал коня, чтобы поравняться с Ратибором, держащимся, как обычно, чуть сзади и справа.

– Запомни главное: колдун, с которым нам предстоит биться – величайший мастер иллюзий! Так что если увидишь даже свою Мать – не верь!.. Вот, возьми! – на всём скаку Ратибор забрал странный матерчатый треугольничек на шёлковом шнурке из сухой и жилистой руки, – Одень на шею, и спрячь под кольчугой! И – не снимай, что бы не происходило!

– Далеко ещё? – только и спросил Ратибор, сделав, как приказал Вадак.

– Две версты прямо. И триста саженей вниз...

– Вниз?!..

– Да, вниз! Этот мерзавец обожает устраивать пещеры, где бы ни жил! Он наивно полагает, что земля не позволит другим магам обнаружить его чёрные дела!

Больше Ратибор ничего не спросил, даже когда они вихрем пронеслись по улочке небольшого городка, раскинувшегося на берегу медленной и широкой степной реки, и, проскочив открывшиеся под грозным окриком ведуна сами, дубовые ворота двора, соскочили с коней у крыльца ничем не примечательной, хоть и большой, избы.

О том, что кудесник не забыл позаботиться о беспрепятственном преодолении возможной задержки в виде стражи у массивных, окованных железом, ворот тына города, Ратибор понял по реакции шести стражников: они словно и не слышали оглушительного топота, и в упор не видели явно не с миром пожаловавших всадников. Как и их храпящих коней, с которых хлопьями падала пена...

– Быстрей! – только и выдохнул Вадак, что-то сделав руками с запором двери, после чего та поддавалась на усилия Ратибора, и отворилась под напором его плеча.

– Ищи! Люк должен быть где-то здесь! – действительно, когда Ратибор легко откинул к стене огромный сундук, крышка лаза в подпол нашлась.

– А ты... поздоровел, – как бы походя отметил Вадак, сунув в лаз посох со вспыхнувшей на кончике яркой звёздочкой, и смело ныряя в него сам, – Но пока я не прикажу –

ничего не делай! И, главное – не отставай!

Ратибор вдохнул полной грудью, окинул настороженным взглядом полупустую огромную комнату, и нырнул за кудесником.

Лес рос стремительно. Буквально за несколько минут Всеслав уже не видел его краёв – поле зрения сузили буквально до нескольких саженей кусты и подлесок.

Плохо. В-смысле, плохо, что поле зрения так ограничено!

Услышав за спиной грозный не то рёв, не то – рык, Всеслав не раздумывая кинулся вперед. Бежать жутко мешали папоротники, (на них сандалии скользили) и ежевика – она просто кололась. Через поваленные замшелые стволы полусгнивших лесных исполинов приходилось перепрыгивать. На какое-то время рёв преследователя отстал.

Но вот впереди замелькало светлое пятно – открытое пространство.

Всеслав выскочил на... просеку? Нет, это – не просека. Это чёртова пустыня!

По песку не больно-то набегаешься! Но поскольку громкий треск ломаемых ветвей стремительно приближался – пришлось!

Лишь отбежав от опушки на пару сотен шагов, Всеслав решился оглянуться.

Тьфу ты!.. И чего он суетился! Впрочем... Нет, он правильно бежал: в лесу, где столько укрытий, стая волкольвов

имела бы неплохие шансы: у него же нет глаз на затылке!

Всеслав покрепче упёрся ступнями в предательски уходящий из-под ног песок, и воздел руки.

Стена из сверкающего стекла полезла прямо из песка. Хорошо, что он знает, что стекло как раз и выплавляют из песка – усилий поэтому ушло немного...

И пусть это – только иллюзия. Зато как приятно смотреть на растерянные морды, словно слепые, тычущиеся в прозрачную, но твёрдую пятисаженную преграду на пути к возделенной добыче... А что – неплохо, туды его... Он – справился!

Повернувшись спиной к лесу, он двинулся вглубь необозримой жёлтой равнины, покрытой невысокими барханами и редкими колючими кустами.

Бежать по тёмному коридору, круто уходящему вниз, было не трудно. Трудно было не тыкаться в спину кудесника каждый раз, когда тот останавливался, чтобы преодолеть очередное защитное заклинание.

А такое происходило вот уже пятый раз! Ну и тип им попался – перестраховщик чёртов! Чтобы остановить простого человека за глаза хватило бы и первого Барьера!

Вадак не то творил заклинание, не то – тоже ругался. Но не про себя, как настороженно взглядывающийся во мрак впереди Ратибор, а вслух! Да ещё на дюжине неизвестных языков.

Наконец что-то с сухим шелестом, словно осенние листья, опало с земляного потолка туннеля, и они припустили дальше. Свет от шарика на конце посоха высветил очередной поворот. А за ним...

Вот это да!.. Такой роскоши Ратибор не видал даже в палатах у Земского князя!

Канделябры с сотнями свечей – явно из чистого золота! С потолков свешивались помпезные златотканые занавеси-драпировки, а на столах...

Чего только не было! Осетрина! Икра! Кувшины с вином! Каравай белейшего хлеба! Не говоря уж о всяких привычных маринованных-грибочках-огурчиках, пирогах с зайчатиной и утятиной...

Вадак оглянулся и кинул короткий взгляд на Ратибора. Тот, кое-что вспомнив, засунул левую руку под кольчугу, и обхватил матерчатый треугольничек.

Всё исчезло.

Они стояли в большой и мрачной пещере, с потолка и стен которой капала вода, собираясь на полу в зловонные лужи. Вадак ринулся вбок, к темнеющему в стене круглому лазу, ранее прикидывавшемуся великолепным зеркалом с резной рамой.

Протискиваться пришлось по одному. Но дальше тоннель снова расширился, и они вновь смогли бежать. Ратибор ни о чём не спрашивал, и только с сожалением вспоминал о призывных аппетитных ароматах...

Пришлось отпить снова – солнце жгло немилосердно. А во фляжке уже почти ничего не...

Ладно, будем надеяться, что осталось немного. Вон – впереди замаячило что-то чёрное.

При ближайшем рассмотрении оно оказалось высоченной стеной – ну почти такой же, как он воздвиг для волкольников. Но не из стекла, а из гранита. И высотой – не пять саженей, а пятьдесят.

О том, что тянулась стена во все стороны, насколько хватало глаз, можно и не упоминать. Всеслав недовольно сплюнул: вот уж в основательности вредному старику не откажешь – ясно, что стену придётся преодолевать! А летать он пока не умеет. В Книге эти страницы были вырваны. И он даже догадывается, кем. И зачем.

Потерев ладони друг о друга, Всеслав начал творить стальные клинья.

Когда первые оказались надёжно вбиты в низ скалы, он сосредоточенно полез по ним, не переставая творить и вонзать над головой новые. Так лучше видно, куда вбить следующий кол.

Лезть пришлось куда дольше, чем он рассчитывал. И сил ушло непозволительно много. Но выпрямившись во весь рост на вершине, он понял, что этого и ждал маг – чтобы он обессилел.

Прямо перед ним стоял, широко расставив когтистые ла-

пы, легендарный враг всего рода человеческого – Его Величество Грифон.

Вадак вдруг словно налетел на невидимую преграду – раздался глухой удар.

Ратибор не врезался в кудесника только потому, что предусмотрительно держался в трех шагах позади. Теперь, пользуясь возможностью, он молча пытался отдышаться.

Вадак, как ни странно юному воину было осознавать это, казался растерянным. (Вот уж чего Ратибор никогда не видел за всё время их приключений!) Ратибор видел, как ведун водит руками по невидимой преграде, что-то бормоча, и похлопывая по ней.

Совсем не так было с предыдущими преградами: те уступали после буквально нескольких секунд воздействия – или от голоса, или от посоха. Но тут...

Впервые Ратибор почувствовал некоторую неуверенность.

Нет! Он не должен сомневаться! Только в его вере и состоит сейчас вся его сила! Мало ли что там покажет ему «мастер иллюзий»! Да и Вадак не полез бы в тёмные и вонючие катакомбы, если бы не был уверен в своих силах!

Схватив снова в кулак матерчатый амулет, Ратибор с облегчением увидел, что на самом деле Вадак вовсе не водит руками по прозрачной преграде, а держит руки ладонями вперёд к земляной стене тоннеля. Ого!..

С гулом и скрежетом пласты начали... Раздвигаться!

Господи! Вот ниша достигла добрых пяти саженей в глубину! От дикости зрелища волосы на затылке стали шевелиться... Но когда Вадак двинулся в глубину, Ратибор последовал за ним.

– Держись как можно ближе! – только и буркнул кудесник, продолжая направлять руки теперь уже вбок от нового тоннеля – туда, куда они спускались. Ратибор встал за спиной Вадака, с содроганием глядя, как смыкаются за ними стены, и сырая крошащаяся земля с отвратительным чавканьем возвращается на то место, где лежала сотни веков...

Страх быть стиснутыми этими черно-коричневыми пластинами, если вдруг что пойдет не так, вызывал невольную дрожь! И не будь Ратибор столь уверен в своих и кудесника силах, этот страх мог бы сковать его ужасом до полного паралича.

На возвращение в основной тоннель ушло не больше пяти минут, (это Ратибор только потом, успокоившись, осознал) но они показались часами! Причём – самыми страшными в его жизни! Быть погребённым заживо, да ещё на глубине ста саженей – это, это... Не самая приятная смерть. Хорошо, что с ним Вадак!

Двигался Ратибор теперь так, чтобы оставаться не больше, чем в двух локтях позади перешедшего на спокойный шаг кудесника. Похоже, приближается время схватки с самим факиром-иллюзионистом!

Грифон не торопился. Дал себя рассмотреть во всей грозной мощи.

Ну и правильно, отметил крохотный наблюдатель в мозгу юного мага: если имеется что-то, чем можно запугать и заставить сдаться и признать себя побеждённым ещё до начала битвы, нужно показать это так, чтобы противник увидел во всех деталях!

И мощные лапы, толщиной с ногу юноши, и хвост с пастью змеи на конце и явно ядовитыми зубами. И основную, «так сказать», пасть, звонко клацающую стальным клювом... И горящие пламенем лютой ненависти глаза. Странно только, что противник иногда встряхивает головой – словно у него болят уши... Или это – отвлекающий манёвр?..

Всеслав заставил себя не дрожать, и не потеть, словно мышшь под метлой, а припомнить всё, что удалось прочесть про стоящую перед ним машину для убийства.

Так. Грифон, как и все создания из плоти, уязвим. Но самые уязвимые места – шея и сердце – прикрыты мощными мышцами и чешуёй. Явно непроницаемой для обычного стального лезвия. Да и не годится магу пользоваться обычным оружием! Сам же учитель не уставал повторять: «Как только ты подумал об оружии людей – ты мёртв! Маг полагается только на свои знания и магию!»

Сконцентрировав волю в железный кулак, Всеслав воздел руки кверху:

– Арах! Матикон! Спер-рсена!

Над самой головой грифона почти мгновенно возникло серое, быстро почерневшее, а затем окрасившееся в фиолетовый, облако. Из него сплошной стеной хлынул могучий ливень.

На теле грифона, там, куда попадали капли, сразу вспучивались волдыри пузырящейся плоти, и кожа и чешуя начали словно бы таять... Отвратительный смрад ударил в ноздри юноши.

Грифон соизволил наконец приоткрыть рот:

– Неплохо, неплохо. Для смертного, второй год постигающего азы, очень даже изобретательно... Но дождь из кислоты мне тоже не страшен.

Действительно, Всеслав увидел, как кости, обнажившиеся было под потоками шипящей кислоты, снова покрываются, буквально на глазах, новыми розовыми мышцами, и серо-стальной кожей, и обрастают сверху сверкающей бронёй чешуи.

Но сдаваться нельзя! Закусив губы, юноша выкрикнул новое заклятье!

В низкой пещере, открывшейся теперь их взору, прямо посередине, стоял грубо сколоченный деревянный лежак. На нём недвижно лежали два тела. Глаза обоих были закрыты.

Ратибор перекрестился. Мерзкий старик, гнусно ухмыляясь, вцепился, словно паук в муху, крючковатыми когтями

лап-рук в худого и измождённого юношу. Он словно бы... Да, Ратибор каким-то образом почувял, что старик что-то высасывает из несчастного! Что-то очень важное!..

Но не это поразило Ратибора в первую минуту, а странный зверёк, изо всех сил вцепившийся в ухо старика, и сейчас что было сил треплющего это ухо! Напоминал зверёк бурундука, но окрашена щёрстка была в ярко-оранжевый цвет. А зубы...

Ратибор, хмыкнув, подошёл поближе. Колдовство-колдовством, но зверушка-то...

Похоже, пытается спасти хозяина – зубы крохи продолжали злобно жевать остатки острого уха, оказавшегося снаружи, в то время как огромные глаза напряжённо следили за пришельцами! Ратибор обернулся к кудеснику, замершему на полпути к лежаку, оперевшись на посох:

– Вадак! Что здесь... происходит?! И что это за зверушка?

– Происходит здесь чёрное злодейское колдовство. Маг в трансе, и парень тоже. Старик забирает постепенно его жизненную силу. А зверёк... Похоже, пытается спасти хозяина, отвлекая, и мешая сосредоточиться вампиру!

– Ну так давай просто убьём чёртова старикашку, пока он не в состоянии сопротивляться!

– Нельзя. Тогда малец навсегда останется там, куда его занесло злодейское сознание мага: в дальних, и, похоже, не слишком приятных, Мирах тёмных Кошмаров.

– А если... Вот – зверёк пытается разбудить. Что, если разбудим мы?

– Хм-м!.. А об этом я... Я-то собирался последовать туда, в эти Миры, за сознанием чародея, и биться там... А если разбудить... Это будет сложнее. Он слишком сильный маг! К тому же сейчас подпитавшийся чужой силой.

– А вот посмотрим, настолько ли он сильный, когда у него кое-чего не достанет!

Сам недоумевая, откуда у него родилось такое решение, Ратибор подошёл, и со всего размаху ударил мечом по тощей ноге, обтянутой похожей на продублённый пергамент кожей!

Ступня с неприятным треском – словно переломили корягу! – отделилась, и повисла на тоненькой полоске оставшейся непрерывленной кожи! Из обрубка потекла почти чёрная густая кровь. Зрелище не для слабонервных. Но они таковыми и не были.

– Чёрт! Такой способ побудки мне в голову не пришёл. – буркнул Вадак, становясь в основную стойку, – Вот что значит – надеяться только на Магию... Забываешь элементарнейшие вещи: что тело Мага – тоже из плоти!

По телу колдуна пробежала мелкая дрожь. Зверёк вдруг коротко пискнул, и они только и увидали его короткий хвост, и белое пятно под ним, мелькнувшее в выходном зеве коридора.

Глаза мага между тем дрогнули, открылись, и он расплёл руки, обвивавшие паренька.

Однако Вадак не стал ждать, пока враг придёт в себя, встанет с ложа, и сможет достойно сопротивляться. Это только в

дурацких сказках герой уравнивает шансы с драконом, другим витязем, колдуном... А в жизни – главное убить мерзавца так, чтобы он никому не успел причинить вреда!

То есть – наиболее простым и надёжным способом!

Синее сияние возникло между поднятыми и разведёнными в стороны руками Вадака, а затем неторопливо, как-то даже слишком спокойно, как показалось Ратибору, перетекло к магу, и окутало его с ног до головы.

Лицо чародея исказила гримаса – не то боли, не то страха. Он даже не попытался подняться – развёл руки прямо сидя на ложе. Но ярко-оранжевое пламя, которое на мгновение возникло меж его рук, почти тут же пропало – маг заскрежетал зубами, и из горла его донёсся хрип.

Вадак удвоил усилия – Ратибор видел, как напряглась его фигура!

Теперь кудесник выкрикнул какое-то заклинание. Фигура мага стала подниматься над ложем, разворачиваясь головой вниз...

Наверное, это был очень действенный способ борьбы со злым колдуном: лицо того сразу посинело, а руки, вместо того, чтобы пытаться противопоставить огню врага свой, вскинулись (Вернее, теперь – опустились!) к горлу!

Но сдаваться чародей явно не собирался! Одни его горящие ненавистью глаза могли, казалось, прожечь насквозь! Ратибор просто-таки чувствовал враждебную энергию, истекающую от ложа к его напарнику...

Вадак пошатнулся. Ратибор, инстинктивно почуяв, что делать, подбежал сзади, и поддержал фигуру кудесника за пояс. Теперь они оба стояли на земляном полу прочно, и тело Вадака казалось таким напряжённым, словно Ратибор держал ствол дерева – мышцы живота напарника буквально задеревенели!

Однако этот поступок обернулся для юного россича непредвиденными последствиями!

Он словно бы стремительно пронёсся над неизмеримой бездной, и попал...

В Мир, где и происходила сама Битва волшебников!

Всеслав захрипел – чёртов хвост стискивал кольца так постепенно, что воздух, который он пытался набрать в лёгкие, жёг, словно огнём!

Но он не сдастся! Пока он в сознании – его не утратить, и не убить! Из последних сил он выкрикнул заклинание окаменения!

Да! Да, да, да!!! Чёртовы кольца послушно превратились в твёрдый камень!

Твёрдый – но хрупкий! Ударив жезлом, и выкрикнув Имя стали, Всеслав разбил на куски чёртов хвост Грифона! Пасть твари вскинулась к небу. У Всеслава заложило уши: зверь заревел от боли, и невольно отскочил от человека, который шатаясь, снова поднялся на ноги...

Однако рано он радовался... Буквально через мгновение

у Грифона вырос новый хвост.

Всеслав сдержал крик досады – некогда отвлекаться и сожалесть! Надо работать!

Грифон уже снова заходил сбоку – пришлось развернуться, держа новый огненный щит на вытянутой руке остриём к противнику.

А тот...

Внезапно с Грифоном стало происходить нечто удивительное!

Задняя лапа со страшными трёхдюймовыми когтями, уже напружиненная для прыжка, вдруг отвалилась – как отрезанная!

Всеслав недоумённо посмотрел на посох – нет, никакого лезвия мрака внутрь не втягивалось! Да и не думал он делать ничего такого! Или... Его враг пытается его обмануть! Отвлечь!

Не на такого напал! Всеслав, вдохнув во всё ещё горящую грудь побольше воздуха, замер в основной стойке. Но Грифон...

Как-то подозрительно начал растворяться, словно таять в воздухе! Что за!..

В уши Всеслава ударил чей-то отчаянный крик:
– Не дай ему уйти! Хватайся за хвост!

Не рассуждая, и подсознательно чувствуя, что надо так и сделать, Всеслав ринулся к врагу, и ухватил за хвост – прямо у мерзко хлопающей зубатыми челюстями головы змеи!

И началось!

Со скоростью падающей звёзды, и рёвом, словно от сотен водопадов, они понеслись назад: сквозь все те пространства и миры, через которые он с таким трудом прошёл! Причём Всеслав так и не понял – летят ли они – над, или – прямо *сквозь* все эти места, чудеса и иллюзии...

Перед ними застыл, изготовившись к прыжку, огромный... Грифон?! А Ратибор-то считал, что этих тварей в жизни не существует!

Однако – вот он! Созданный ли силой мага, или это – сам маг, воплотившийся в отлично подходящее для доброй драки тело, и – реальный до дрожи! Омерзительное зловоние явно шло из грозно раскрытого клокочущего злобными криками, клюва...

Утешало только одно: одной из задних лап у твари не было!

Ратибор напряжённо думал: как и чем он может сейчас помочь своему напарнику: отпустить тело и начать рубить – Грифон исчезнет, так как исчезнет Контакт. Не отпускать – обе руки останутся занятыми!

Господь! Ну и болван же он! Ведь колдуны воюют не мечами! И вообще – не предметами! Их оружие – сила Духа!

Может стоит попробовать...

Но как?!

Изо всех сил он попытался представить, что стоит рядом

с Духом Вадака, и направляет всю свою ненависть на врага! Он даже глаза закрыл! О-о! Как трудно воевать...

Не мечом, а мыслью!..

Ух ты!.. Неужели... Не останавливаться! Продолжать, продолжать!..

Вадак не растерялся, и послал убийственную молнию прямо в инстинктивно открывшуюся на нового врага пасть!

Ратибор поспешил отпрыгнуть (Мысленно!) от передней лапы Грифона, которую собирался перерубить огненным мечом, и даже кинулся на пол, и откатился – настолько сильным оказался взрыв!

Взрыв, разнёсший тело Грифона на омерзительные, склизкие и вонючие, ошмётки, потоками чёрной крови забрызгавшие одежду, и кусками гнилого мяса посыпавшиеся на них...

Вадак, отплёвываясь, выругался.

Ратибор выпучил глаза – никогда прежде он не слышал, чтобы кудесник бранился.

Пусть даже на незнакомом языке...

– Давай руку! – Вадак протянул Ратибору ладонь.

Ратибор, ничего не спрашивая, ухватился.

Лететь пришлось недолго и недалеко – за пару ударов сердца управились.

И вот они опять в пещере, перед лежаком, на котором ле-

жит уже только юноша. Тело колдуна, лежащее навзничь, завалилось под топчан, так, что волчий оскал зубов оказался обращённым к потолку. Омерзительная бородавка на носу налилась кровью и посинела.

– Как ты нашёл меня? – с кривой улыбкой, и ещё задышавшись, спросил кудесник. Но голос его уже звучал куда теплее, чем обычно. (Или это Ратибору на радостях так показалось?!)

– Это оказалось не так уж и трудно... Я просто подумал... Представил, что лечу туда, где сейчас нужнее всего! Хочешь – верь, хочешь – не верь, но я летел на шум! Вы там здорово шумели и грохотали, хоть и не знаю, чем... в этом... ну, – том, Мире!

– Хм-м... Пожалуй, в этом есть смысл... Хотя сам я так, наверное, не смог бы. Но – сработало.

Ты молодец вдвойне – что вообразил себе и меч! Так что спасибо, ты здорово помог!

Ратибор покачал головой:

– Меч... Я о нём даже не подумал... Кто-то вложил его мне в руку! Так что заслуга – не моя. Может, это – наш парень? Помог нам против учителя?

– О-о!.. А знаешь, пожалуй, ты прав... Вот он, как раз очушивается. – в голос Вадака вернулось обычное спокойствие, – Значит, всё в порядке. Успели!

Веки не то отрока, не то – юноши поднялись. На них уставились два глаза. Ярко-голубые! Ратибор аж прищурился –

настолько ярко сверкали поистине огромные глаза парня. Такие... Бывают только у кудесников.

Вадак, вдоволь наглядевшись на не спешившего открывать рот парня, спросил:

– Это ты дал Ратибору меч?

– Да, я. – голос слабый и охрипший, но чего ещё ждать от явно недоедавшего в последнее время, и жутко измотанного недавней мысленной битвой паренька. Да и в пещере прохладно.

– Молодец. А когда ты догадался, что твой так называемый «учитель» хочет убить тебя по-настоящему?

– Ну-у... Врать не буду: только в самом конце – когда он уже стискивал моё горло. Да он и сам, похоже, был так уверен в успехе, что прошипел что-то вроде: «Ну вот и третий!»

– Верно. Ты у него – третий. А вот если бы ему удалось убить ещё четвёртого!.. Все страны, которые оказались бы внутри четырёхугольника, в углах которого он приносил вас, невинных отроков, в жертву, оказались бы полностью под его властью!

– Ой! Простите, ради Господа... Я ведь забыл поблагодарить вас за спасенье!

– Пожалуйста, паренёк. Но ты ведь тоже помогал... Кстати, я – Вадак. А это – Ратибор.

– А я – Всеслав. Спасибо, Вадак. Спасибо, Ратибор. – Ратибор чуть улыбнувшись, кивнул.

– Ты молодец, Всеслав. Что продержался до нашего при-

хода. А ведь это наверняка было непросто! – Вадак соизволил даже похвалить парня.

Надо же!.. Ратибор... Почувствовал что-то вроде укола ревности. Сам он нечасто достаивался хотя бы одобрительного хмыканья... Но ведь парень и правда – молодец! Упорный.

– Да уж!.. – Всеслава передёрнуло, – Даже не знаю, как удалось! Может, это вы...

– Нет! Я пытался, но маг поставил Защитный Занавес... Так что в твоём спасении твоей заслуги даже больше, чем нашей. А ещё – молодец, что дал Ратибору меч.

– Я сразу понял, что меч ему будет привычной. – юноша наконец сделал слабую попытку подняться с ложа. Получалось плохо. Он поморщился, – О-ох... Всё тело болит, словно меня... били палками!

– Ничего, это пройдёт. – Вадак сам заботливо и нежно (А вот по отношению к себе Ратибор никогда от него такого не видывал! С другой стороны, он никогда в «магических» поединках раньше и не участвовал. Это – явно куда хлеще, чем добрая сеча!) помог юноше сесть на край лежака, – Но первое время тебе лучше только... Есть да спать!

Юркая огненная молния, проскользнув под ногами кудесника, вдруг оказалась на груди паренька – зверёк, что-то тихо вереща, взобрался и устроился на худеньком остром плече.

– О! Она тоже говорит спасибо! – перевёл удивлённо Все-

слав, – А ещё она спрашивает, мёртв ли... колдун.

Ратибор усмехнулся, Вадак почесал в затылке.

Странно. Обычно в их паре всё происходило с точностью до наоборот!

– Кто это у тебя? – Вадак, впрочем, не делал попыток ни погладить, ни потрогать зверька.

– Это – Тенна. Она... Ну, не знаю уж кто по роду. Я со-творил её как-то случайно. А колдун сколько раз пытался её... Но она очень шустрая – каждый раз умудрялась удрать или спрятаться! – Всеслав, радостно улыбаясь, почесал ног-тем пушистое брюшко. Зверёк смешно сощурил мордочку – очевидно, это означало, что ему приятно.

– Тебе повезло. Я чувю – в ней есть кое-что и из магии. Только поэтому ей и удавалось... прятаться. И, кстати, на твоём месте я бы поблагодарил и её. Если б на она... – ку-десник рассказал о сильной помощи, которую зверёк, ин-стинктивно чувявший, что его хозяину пытаются навредить, старался оказать в меру сил и ума. И зубов. – ... наверняка сильно отвлекало. Погрызаны были даже пальцы на ногах!

– Ах ты, моя умница! – на глаза Всеслава навернулись слё-зы, – И не побоялась ведь!

– Да, она молодец. Да и Ратибор... Тебе, Всеслав, это должно быть особенно понятно, как магу, – Вадак произнёс это слово без тени иронии, – Сегодня впервые пробился в Мир Кранаха.

– О-о! Правда? Вот уж не думал... Спасибо ещё раз, Ра-

тибор! Ты – чертовски смелый... И умный Воин! До тебя в этот Мир пробиться не мог никто из... обычных Людей!

Ратибор то краснел, то бледнел. Но заставил себя снова только вежливо кивнуть. И сдержался, чтоб чего не сказать не к месту. Кудесник давно внушил ему: молчание – золото.

Но всё равно – приятно...

Ну вот он и – «необычный» человек. Впрочем, поживёшь с чародеем подольше, похоже, и не такому научишься...

– Ратибор! Тебе придётся сделать ещё одно неприятное, но *очень* важное дело... – Вадак придвинулся вплотную к телу мага, – Подойди.

Ратибор приблизился, с трудом подавляя нервную дрожь во всём теле. Даже после смерти остекленевшие глаза мага... Казалось, живут своей жизнью. И грозят отмщением!

– Выглядеть будет... кощунством. Но – только так можно быть окончательно уверенным, что колдун мёртв. А то колдуны, они... Словом: отруби-ка ты ему голову!

Ратибор, даже не глянув пристально в глаза кудесника, как всегда делал, пытаясь понять, не шутит ли тот, достал меч, и размахнулся...

– Отлично. Теперь возьми за волосы... И привяжи к поясу. Нет, с другой стороны от ножен! Да, хорошо...

С привязанной к поясу скалящейся головой Ратибор чувствовал себя... глупо. Но если это приказал кудесник – значит, нужно сделать так, и только так!

Выпрямившись, он почуял... *нечто*.

А Вадак-то прав: что-то улетело сейчас из этой пещеры – улетело куда-то навсегда... Душа мага? Неужели она – боится поясов?! Или – его мужского Достоинства? Или...

Что же ещё ему предстоит узнать?..

Однако до того, как что-либо ещё полезное узнавать, Ратибору пришлось буквально волочить на себе Всеслава, лёгонькой былинкой охватывавшего его за плечи, пока Вадак замуровывал и заколдовывал проход за ними... Теперь по подземному туннелю шли легко – все защитные преграды исчезли, словно их никогда и не было.

Тенна, поняв, что новые друзья её хозяина сейчас поднимут наверх, и помогут тому прийти в себя, ускакала вперёд – может, что-то хотела сделать для них?.. Ратибор с интересом следил, как светлое пятно между двух шустрых лапок скрывается в темноте, а Вадак всё пел, и пел там, сзади...

Уже только когда Ратибор вытаскивал Всеслава из люка в полу, кудесник догнал их.

Обычное настроение, похоже, вернулось к чародею, и он только буркнул:

– Мог бы двигаться и побыстрее.

Ратибор собрался возмутиться. Но потом глянул в горящие чистой радостью глаза, и понял, что это – шутка. Да – Вадак *пошутил!* Ого! Дело будет...

Еды, и всего, что могло понадобиться для восстановления

сил, и спокойного отдыха, в избе оказалось предостаточно. Хватило бы на добрый отряд на неделю.

Пока Всеслав отсыпался на теплой печке после сытной трапезы, они смогли успокоиться, и, наконец, поговорить.

За неимением других лежаков, Ратибор растянулся прямо на огромной скамейке, стоящей у обеденного стола, а кудесник, само-собой, занял ложе колдуна.

– ... на самом деле, очень старый магрибский колдун. Не знаю, что он такое освоил недавно, но усиление его... м-м... скажем так – ауры – стало ощущаться даже за две тысячи вёрст.

– А почему мы сожгли его голову?

– Вот поэтому и сожгли. Чтобы окончательно избавиться от ауры. Конечно, она происходит в-основном от мозга. И у обычного человека со смертью мозга же и умирает... – Ратибор боялся поверить в это чудо: Вадак впервые спокойно и обстоятельно отвечал на его вопросы. А не помалкивал себе, пряча ироничную усмешку в седые усы, – Но маги – не обычные люди... Часть силы колдуна сохраняется даже в черепе! Хоть там, вроде, только кости.

Объяснить более доступно для тебя – не могу. А кое-чего я и сам не понимаю...

– Ладно, я переживу и без объяснений. Главное – мы его убили?!

– Да. Убили. Тут никаких сомнений быть не может.

Ратибор словно почуял – сейчас последует главный во-

прос. И точно: кудесник даже повернулся к нему:

– Ратибор... Прости, что спрашиваю. Но – я должен знать.

Вот раньше... Ты считал, что убивать: детей, (даже если они – злые колдуны, или, там, вурдалаки...) старух, (ну, о том, что это ведьмы, я и не говорю) и стариков – гнусно и бесчестно. Я отлично помню – ты так и сказал тогда, ну, когда я... Утопил колдунью из Болота.

Почему же ты сейчас... Сам отрубил ногу «беспомощного», спящего старика?!

У Ратибора в душе творилось страшное.

Да, он понимал, разумеется, что если толковать его поступок с точки зрения обычного человека, людской и Господней морали – он ни в какие ворота не лезет! Подло, гнусно, бесчеловечно!.. Все равно что в бою – удар в спину!

Но! Как можно говорить о... Человечности, применительно к тем... Да, тварям, нечисти, чёрным магам, воплощённому Злу, которое противостоит сейчас всем им – Людям?!

А больше всего его напрягало осознание, что применяя к такому противнику его же методы, он и сам... Становится как бы на одну доску с ними.

Мерзким и бессердечным. Коварным. Хладнокровным убийцей.

– Я отвечу. – сдержав рвущийся наружу комок ярости и ненависти, Ратибор продолжил тем не менее, абсолютно ровным тоном, – После того, что сделал Прол, я многое передумал...

Я... Понял, что ведя войну не на жизнь, а на смерть с нелюдьё, нельзя победить, воюя «по-честному»! Моя... «честность» уже стоила жизни двум ни в чём не повинным детям!

И вот что я решил: пусть меня считают негодяем, мразью и сволочью, но...

Если я увижу шанс, пусть даже и не вяжущийся с людским кодексом честности и чести, но – позволяющий убить очередного мерзкого Колдуна, или какую-то поганую *нечисть* – я воспользуюсь! Чтобы убить!..

И пусть потом – ну, уже после того, как тварь будут мертва! – меня ткнут мордой в то, что я сделал это «не по правилам Чести и Совестьи» – мне наплевать на такое мнение! Главное – чтобы колдуны, их прихвостни, и их твари – были мертвы! А уж со своей... Совестью я как-нибудь... Сам разберусь!

Долгое молчание прервал вздох, и слова вновь повернувшегося на спину Вадака:

– Слова не мальчика – но мужа... Ты прав в том, что нельзя бороться со Злом, и не запачкаться... по самые уши. Но!

Есть всё же грань – где кончается борьба со Злом, и начинается... само Зло.

Помни об этом!

– Я... Запомню, Вадак!

На третий день Всеслав почувствовал себя окрепшим настолько, что даже смог сходить к соседям и купить вполне

здоровую лошадь. Деньги взяли из запасов самого «учителя» – Вадак с помощью лозы нашёл, где тот хранил свои «оборотные средства».

Во избежание всяческих пересудов и проблем, кудесник снова закрыл глаза стражников городской стены на трёх выезжавших из массивных крепостных ворот всадников.

И вот уже город с опустевшей избой, где Всеслав провёл худшие полтора года своей юной жизни, скрылся в пыли за гребнем очередного холма. Всеслав даже не оглянулся.

– Вадак. – он старался держаться с другого бока, и тоже чуть сзади коня кудесника, – Я долго думал над твоими словами. Но у меня и правда – никого нет! Мне не к кому поехать! А как недоучка я могу быть очень... опасен. И себе... И окружающим. Поэтому...

Может быть, ты... согласишься взять меня в ученики? Пока я как следует не окрепну, и не... закончу хотя бы начальный цикл?

Вадак покачал, словно бы в возмущении, седой головой. Вздыхнул. Коротко зыркнул исподлобья на Ратибора:

– Понял теперь, напарник, как надо действовать, чтоб отказать было... Хм. Трудно? – и, повернувшись уже к настороженно глядевшему Всеславу, проворчал, – Хорошо. – и, после паузы, – Все бы были такие «неокрепшие» и «недоученные»...

Но – не больше чем на год.

И кормёжка – за свой счёт!

– Согласен! – в тоне Всеслава звучало явное облегчение. Он похлопал себя по плотно набитой котомке за спиной: всё немаленькое достояние чародея Вадак с Ратибором честно отдали ему – как главному потерпевшему. И – единственно-му наследнику!

– И ещё одно условие. Расскажешь, как тебе удалось создать твою... Тенну!

Всеслав счастливо пошкреб пушистое брюшко крепко вцепившейся в его плечи огненной малышки. Та, как всегда, довольно сощурила глазки.

– Согласен! Если, конечно, сможешь вспомнить – где и что я напутал с заклинанием!..

Вадак только возмущённо фыркнул. Ратибор... Заржал во весь голос.

Вскоре к нему присоединились и спутники.

Конан и Королевство воздуха

– Прошу меня простить, Ваше Величество, но всё это звучит... странно.

Убелённый сединами старец на троне поджал губы. Затем вернул их в первоначальное положение, на чело вновь опустилось выражение горделивого превосходства:

– Я понимаю, Конан, что во всё, что я тебе рассказал, поверить трудно. Особенно тому, кто не жил в наших землях, не встречался сам с демонами воздуха. И не выплачивал им дани. Ну а мы – привыкли. И «рассказни» о бестелесных существах нам не кажутся досужими домыслами старого ма-разматика, как наверняка сейчас думаешь ты!

Конан смутился. Не думал он, что его недоверие и скепсис так заметны. Да и определение, которое подобрал для себя старый король было лишь чуть-чуть мягче, чем дал ему (Про себя, разумеется!) сам варвар.

Значит, придётся лучше следить за мимикой: брови не хмурить, и рот в пренебрежительно-ироничной усмешке не кривить!

– Прошу прощения, Ваше Величество, если своим видом дал понять, что не... э-э... Скажем лучше так: верю не всему, что вы мне рассказали. Как вы без сомнения знаете, я – киммериец. То есть – варвар. А мы, варвары, люди простые.

Так уж устроены, что пока сами не увидим, не пощупаем руками, не понюхаем, не откусим и не прожужём – не поверим.

И ещё кое что: обычно мои наниматели платят мне вполне конкретные деньги за вполне конкретные дела! А тут складывается, как бы это выразиться, по-меньшей мере *странная* ситуация: я должен пойти туда, не знаю куда, подняться на невидимые взору простого смертного пространства неведомого и неосязаемого царства, и отрубить голову... Которую тоже не видно!

Как же я смогу сделать это? А потом и доказать вам, что работа выполнена? Более того: как я сам узнаю, что отрубил именно то, что надо?! И именно у того, у кого надо?

– Ну, с тем, отрубил ли ты то, что надо, у того, у кого надо, проблем быть не должно. Поскольку Король Тумсс Восьмой двойников не признаёт, и никому не позволяет сидеть на своём троне. Так что можешь быть уверен: тот, кто окажется в его тронном зале на троне – и есть Тумсс Восьмой. Но ты прав: проблема есть. Проблема, как сделать твоё нахождение на небесных землях, или лучше сказать – пространствах, возможным. А главное: как его обитателей сделать видимыми. Для тебя. И – осязаемыми. Потому что мы-то их видим. И ярмо на своей шее уж осязаем... – человек на троне зябко поёжился.

– Прошу прощения ещё раз, Ваше Величество. Вы сказали, что они тут – везде! – Конан подумал, что за время этого странного разговора он только и делает, что извиняется.

Потому что – ну совершенной чушью представляется то, о чём ему поведал король крохотного пограничного королевства Турсинии, Павел Третий, – Так не хотите ли вы сказать, что и *сейчас* здесь кто-то из них есть?!

– Нет, Конан-киммериец. Иначе мы с тобой не вели бы этот разговор. Мы – в защищённой заклиниванием и пентаграммой, как бы – камере. Сюда не могут проникнуть агенты и демоны Тумсса. И никому кроме нас ничего из сказанного нами не слышно.

– Но почему бы тогда вам не поступить гораздо проще, чем нанимать меня? Почему не распространить действие такого защитного заклинания на всё ваше королевство, сделав его так же недоступным, как нашу «камеру»?

– Это, к сожалению, невозможно, Конан. Даже после часа поддержания весьма маленького пространства вне зоны доступа демонов воздуха мой придворный чародей вынужден неделю отлёживаться и отсыпаться: на *такое* уходит слишком много сил!

Конан выразил обуревавшие его чувства традиционно: почесал в затылке.

Человек, сидевший на троне с весьма обшарпанными занавесями-драпировками на заднем плане, тяжело вздохнул. Повёл рукой:

– Да, Конан. Никто кроме нас, турсинийцев, демонов воздуха не видит. И поэтому дани им не платит. Для остальных людей они – фантомы, несуществующие и нереальные при-

зраки! Сказочные существа, которых придумали, и про которых рассказывают турсинийцы. Страшилки, годные только для того, чтоб ими пугать на ночь непослушных детей!

А вот для нас они – вполне конкретное зло! Могущее навредить, наказать, а то и – убить непокорных. Или отказавшихся платить дань. А для обеспечения совсем уж... покорности, они и берут в заложники или заложницы детей правителя и аристократии. В моём случае – мою дочь. Далайну. И ещё пятерых дочерей – моих графов и баронов.

Конан подумал, что вероятно, баронетством, дающим в таком крохотном королевстве право на громкий титул, считается надел... Который может обработать, скажем, одна семья землепашцев. Смехотворно. Но это – не его дело. Его дело – договориться о цене, как бы по-идиотски не выглядела работа. И выполнить её.

– Вот это ты и должен будешь сделать: освободить из того места, где содержатся заложницы, наших дочерей, и для гарантии предотвращения угнетения нашего народа в будущем, убить короля Королевства воздуха. А лучше бы – и всех его приближённых.

Демонов.

– Но как они хотя бы выглядят, эти... Демоны?

– Выглядят они почти как люди, Конан. Есть, конечно, и кое-какие отличия. Например, все демоны, да и сам король, куда меньше нас ростом. Головы у них непропорционально большие – как у карликов. А, да – зубов у них во рту не трид-

цать два, как у нас, а сорок восемь. (Впрочем, может их и больше – никто точно не сосчитал!) И устроены эти зубы, как у волков, или тигров: острые, крепкие. Такими хорошо рвать и откусывать куски от добычи. Вот этого-то мы и боимся больше всего, Конан: что они съедят, как едят и коров и баранов, которыми мы платим им дань – и наших детей! Именно такое наказание они предпочитают для непокорных и строптивых: съесть человека, и всю его семью, заживо! Причём – на глазах свидетелей!

– Хм-м... Жестоко. Но, вероятно – наглядно и действительно? – Конан смотрел в чёрные глаза короля, горящие теперь неукротимой яростью. Своему лицу придал каменно-равнодушное выражение. Он знал, что это-то выражение у него неплохо получается. Король Павел Третий...

Перестал играть желваками на скулах. Вздохнул. Моргнул. И чуть откинулся в кресле. Постарался расслабить спину. Сказал:

– Ты прав, Конан-киммериец. Это и правда – действительно. Даже слишком действительно. Желаящие бунтовать, или уклоняться от дани у нас быстро перевелись. И вот, почитай, уже двадцать восемь лет мы – покорные и кроткие... рабы. Выращивающие скот и птицу для прокорма своры... Бездельников и мерзких вырожденков!

– Понятно. – Конан вступил в разговор, убедившись, что король, вновь сжавший подлокотники своего кресла так, что побелели костяшки пальцев, больше ничего не скажет, – Я

вот ещё что хотел бы знать: может быть, вашему Величеству известно, хотя бы приблизительно, сколько этих... Подданных короля Тумсса сейчас обитает там, в его «землях»?

– Э-э... Никогда особо не интересовался этим вопросом, но сейчас, когда ты спросил... Думаю – немного. О! Мы можем примерно подсчитать их количество косвенным путём: по съедаемому за месяц оброку. Так вот: им требуется двадцать коров и сто баранов. И около двух сотен кур и уток каждый месяц. Это получается, если исходить из того, что они чуть мельче людей, и едят *только* мясо...

– Не больше трёхсот человек. Тьфу ты – демонов!

– Думаю, Конан, ты близок к истине. Мы никогда не видели их больших скоплений. Но они всегда ходят группками: по пятнадцать-двадцать демонов. Чтоб и недоимки собрать, и, при необходимости, и наказать нерадивых. Они не столь сильны, как обычный человек, но берут числом и умением. Во владении оружием им равных нет. Ну, тут, у нас!

Конан представил, как землепашцы и пастухи пытаются сладить с обученным и хорошо вооружённым отрядом профессионалов, и невольно усмехнулся. Про себя. Вслух же спросил:

– Но как же их королевство сообщается с вашими землями, если они живут... В воздухе?

– Они живут не только в воздухе, а и под землёй тоже. Но не беспокойся, Конан. Дорог или проходов туда – много. Даже слишком много. Дело в том, что их земли – не все нахо-

дятся в воздухе или под землёй. Кое-где они пересекаются и соприкасаются с нашими: так, что можно свободно переходить из Королевства Воздуха к нам, в Турсинию. Или наоборот – но нам это категорически запрещено. А тебе – нет! Но...

Ты и сам всё отлично увидишь, когда выпьешь Зелье.

– Какое ещё зелье, Ваше Величество? – Конан насторожился. Мало ли каких заколдованных напитков ему не подсовывали! От некоторых он падал буквально замертво, сморённый колдовским сном. А от других и правда – начинались *такие* галлюцинации!..

Впору и самого Повелителя Недр Мардука увидеть!

– Зелье, которое уже приготовил для тебя мой чародей. Оно даст тебе возможность увидеть то, что мы видим с рождения. И начать ощущать ту реальность, что существует здесь, рядом с нашей. Как объяснил мне мой маг, у нас, живущих здесь, в *этих* местах, появился как раз лет тридцать назад в пище и воздухе некий элемент, которого нет в других местностях. К нам в тело он попадает через дыхание, и с пищей, и молоком матери.

Но у тебя в теле, как у чужака, прибывшего издалека, его наверняка нет. (И вряд ли ты захочешь, чтоб раз попав, он остался в тебе надолго!) Поэтому к тебе в тело он попадёт через Зелье Видимости. Он, этот элемент, как нам кажется, больше нигде в Ойкумене не встречается. Но этот-то элемент и даёт нам... И наверняка даст и тебе – возможность контак-

та. С Королевством воздуха и его обитателями.

Должен предупредить тебя сразу, Конан! Маг сказал, что действие Зелья очень непродолжительно. Всего три дня! Потому что после этого его составные элементы... э-э... Покинут твоё тело. – Конан ничего не сказал, но прекрасно понял намёки, которые дал король: всё зелье выйдет из... Ну, словом, обычным путём!

– И чтобы потом снова видеть их земли и самих демонов, придётся пить новую порцию Зелья. А это очень опасно! Неподготовленный с детства, не имеющий такой привычки, то есть – иммунитета к этому яду, человек, может попросту умереть! Поэтому, если возьмёшься за эту работу – тебе придётся всё делать быстро. Очень быстро!

– Понятно, Ваше Величество. Но... Хотелось бы узнать: насколько велико это Королевство Воздуха?

– Та его часть, что находится на поверхности, совсем не велика, Конан. Размером с небольшой город. Именно там и находится замок Тумсса. Про ту же, что уходит под землю, мы ничего не знаем. А ещё мы знаем – из случайных фраз и косвенных улик! – Королевство Воздуха построил какой-то там древний маг. Для себя. Но его убили, и он не успел расширить его границы на всё Средиземье. И вот так уж сложилось, что это именно нам повезло граничить с этим, – Павел третий дёрнул плечом, – Королевством!

– Что ж, Ваше Величество. Задача вполне понятна. Главная цель – убить короля Королевства Воздуха. И освободить

заложниц. Живыми. А если получится – поубивать и всех подручных короля, и обитателей этого... Королевства Воздуха.

– Да, Конан. Именно так. А теперь, когда ты знаешь всё, дай свой ответ: согласен ты выпить Зелье, и сделать эту работу?

– Ответ, Ваше Величество – прошу простить мне мою прямоту и конкретную постановку вопроса! – зависит только от вас. То есть – от той цены, что вы готовы заплатить!

– Хм-м... Вот теперь я понимаю, почему тебя называют королём наёмников, – человек на троне чуть улыбнулся, – Да, риск велик. И работа непривычна. Потребуется напряжения всех сил, и боевых навыков... Но всё это можно компенсировать с помощью звонких, блестящих, и чертовски нужных для жизни, золотых кругляшек! Знаешь что, Конан?

Думаю, будет лучше, если ты сам назначишь цену!

– Как прикажет Ваше Величество. – Конан назвал цену.

– Пусть будет так! – Павел Третий даже не сделал попыток поторговаться, чем иногда не брезговали люди и побогаче и породовитей его. Из этого варвар сделал вывод, что король и правда – в отчаянии. Хотя владеет собой прекрасно, – Такую сумму я смогу набрать в нашей подистощившейся казне! А сейчас скажи, когда ты сможешь приступить.

– Приступить, Ваше Величество, я готов хоть сейчас!

Конан, отлично позавтракавший бараньей ногой и двумя кружками пива в главном зале местного постоянного дво-

ра, справедливо считал, что раз уж чародей Павла Третьего создал вокруг них непроницаемый кокон, об их встрече, и об этом Коконе уже наверняка известно и шпионам Тумсса Восьмого. Стало быть, скоро об их сделке так и так узнает и король Королевства Воздуха.

А поскольку слава киммерийца именно как наёмника зачастую сильно обгоняет его самого, Тумсс Восьмой наверняка и без дополнительных подсказок догадается, что за дела у Павла Третьего с могучим северянином. И, значит, чем скорее варвар начнёт саму «работу», тем меньше возможностей будет у врагов, чтоб успеть подготовиться достойно и капитально.

– И, думаю, Ваше Величество, что вы и сами так считаете.

– Ты прав, Конан. Тумсс Восьмой вовсе не дурак. И он сейчас наверняка уверен, что вопрос – только в цене...

Так что вот оно: Зелье! – Павел Третий достал ис-под складок мантии немаленький кубок, и протянул киммерийцу. Тот подошёл, и, не колеблясь, взял кубок.

– Здоровье Вашего Величества!

– Благодарю, Конан.

На вкус, да и на запах Зелье напоминало растворённый в помоях птичий помёт. Но выбирать особо не приходилось.

Конан, стараясь не морщиться, выпил жёлто-зелёную воющую жидкость до дна. Кубок поставил на ступеньку трона. Покачнулся, потому что в глазах потемнело. Да и в голове зашумело: словно тысячи волн накатываются на прибрежные

утёсы! Затем звук усилился до рёва, но вдруг пропал вообще, и остался только мерзкий привкус во рту.

Но тут Конану пришлось опуститься на колени – потому что зал вокруг него начал раскачиваться, совсем как старый добрый «Вестрел» в шторм! И вращаться... Человек на троне молчал – только смотрел, вроде как с сочувствием. Затем...

Не было никакого затем: навстречу глазам вдруг ринулся ковёр, устилавший пол тронного зала, и варвар провалился в чёрную звенящую пучину забвения!

Голова разламывалась.

Ого! Вот так похмелье! Где это он вчера так...

А, нет! Он не кутил, как обычно, в каком-то из местных кабаков, и даже ни с кем не дрался: это ему дали какое-то Зелье...

И он его выпил.

Проклятье.

Пришлось выплыть из дебрей небытия, и заставить отступить от сознания головокружение и тошноту. Ну вот: дышать стало легче! Но вот встать... Пока не получилось!

– Я рад, Конан-киммериец, что ты так быстро и безболезненно пережил Зелье Видимости. – голос человека на троне вроде, не изменился, но звучал теперь... Как-то искажённо. Словно говорил не человек, а... Дракон! Хрипло, глубоко тембром, и очень громко: словно рыча. Однажды Конан

имел удовольствие (Или – неудовольствие: это как посмотреть!) общаться с ящером, говорящим по-человечески. Но сейчас, бросив взгляд на трон, откуда доносился голос, киммериец не обнаружил зверя. Король Павел Третий не изменился внешне. Только голос... Стал как бы утробным, зычным – подобным тысяче труб. Но король продолжил:

– Не волнуйся, что ты слышишь меня теперь по-другому. А, возможно, и видишь. Это тот самый элемент в Зелье придаёт твоим чувствам как бы дополнительную остроту и глубину. А полностью Зелье наберёт свою силу минут через десять. Тогда тебе и станет видно Королевство Воздуха. И его обитателей.

Король замолчал. Но Конан и не думал отвечать. Он пытался хоть как-то прийти в себя: руки и ноги дрожали, словно пять суток кряду грузил мешки на «Вестрел», или сражался с полчищами Марлона Великолепного! Да и голова... Всё ещё кружилась.

Однако через пару минут варвар почувствовал облегчение. И смог даже сесть, а затем и подняться на ноги. В голове прояснилось, и в виски перестали стучать молоты отвратительных демонов подземелья Неграла. Руки и ноги покрылись потом, но...

Но из непослушных дряблых тряпочек вновь превратились в тренированные мускулистые орудия! И снова слушались его.

Конан с явным облегчением потянулся. Вздохнул. Помор-

гал. Спросил:

– Долго я был без сознания, Ваше Величество?

– Нет, Конан. Буквально несколько минут. Прости, что не предупредил тебя о тех... э-э... эффектах, которые сопровождают приём этого зелья! Немного нашлось смельчаков, захотевших принять его во второй раз! Возможно, и ты бы мог, узнав о них...

– Отказаться?! Вот уж нет! Это не в моих правилах – взявшись за работу, спасовать перед небольшим... Похмельем!

– Я рад, что ты относишься к ситуации с юмором. А сейчас – к делу.

Готов ли ты?

Конан покрутил головой. Сжал-разжал кисти, проверил, легко ли вынимается меч.

– Да, Ваше Величество. Я – в полном порядке!

– Отлично. В таком случае приготовься. Сейчас я прикажу снять Кокон.

Король хлопнул в ладоши.

Из-за трона донёсся явственный вздох облегчения – Конан поразился, что теперь ему отлично слышно и сиплое, с присвистом и надрывом, дыхание того, кто скрывался там, за постаментом и занавесями. А вот и замогильный шёпот! Читают явно какое-то заклинание!

И вдруг будто разбились тысячи хрустальных ваз – с оглушительным звоном и грохотом! Вокруг, словно выпав из окон и стен тронного зала, будто упали наземь груды блестя-

щих радужными переливами осколков, и свет – ослепительный свет! – ударил варвару в глаза! С непривычки он прикрылся рукой.

– Ничего, Конан, это скоро пройдёт и глаза привыкнут. Так же, как слух привыкнет к тому, что обычному человеческому уху недоступно: слушать, как шипит, испаряясь под утренними лучами солнца, роса. Ощущать треск и шорох, когда полевое семя пробивается первым ростком сквозь землю, раздвигая её сухие комья. Понимать, что оглушительный гомон – всего-навсего переключка весёлых воробьёв в лесу.

И видеть, как вокруг воздымаются мрачные утёсы Королевства Воздуха.

Всё это – непривычно, но неизбежно. Мы здесь живём так уже долгие годы.

– Я... Понял, Ваше Величество. – Конан, оглядев тронный зал, обнаружил, что и правда: видит теперь буквально с соколиной остротой зрения. Мельчайшие детали вышивки на покрывавших стены старых гобеленах – ему оказались видны потёртости, дырочки, и даже узелки, особенно, когда он сосредотачивал зрение на каком-то узоре или детали изображения. Оказалось слышно и как под тронном что-то грызут: словно там завелись мыши или крысы. Странно было и наблюдать, как что-то вроде туч – но не тучи! – закрывает иногда солнце, и сразу становится гораздо темней, и... словно уютней.

Единственное, что напрягало, так это то, что всё вокруг

словно не имело цвета!

Вернее, оно его имело, но цвет этот был фиолетовым: от густо-тёмного, насыщенного, там, в тени за тронем, и до очень светлого, почти белого – так оказалось окрашено теперь небо...

– Повторяю: ты привыкнешь быстро. Нужно только использовать эти новые сверхспособности и сверхчувства, пока Зелье ещё действует. Задача не так сложна, как может показаться на первый взгляд. Потому что дворец Тумсса находится всего в получасе ходьбы от моего. А для начала тебе придётся «разобраться» с нашими «любимыми» шпионами и слухачами – вон они, лезут и бегут! Сейчас меня, возможно, опять попытаются наказать. За то, что снова применил Зелье, и Заклинание непроницаемости.

Как именно «наказать» Павла Третьего собираются с десятков зловещего вида криво– и коротконогих карликов, бегущих от двери и лезущих через окна, Конан спросить не успел: в него полетело пущенное чьей-то умелой рукой копье, и ему пришлось пригнуться, потому что бросок был точным, и нашёл бы свою цель – его сердце! – если б не отменная реакция киммерийца.

Ну и почти тут же пришлось действительно выхватить меч, и поотрубить руки, головы и прочие части тела, оказавшиеся в непосредственной близости к телу Конана, потому что орава взбешённых его реакцией на бросок негодаев одновременно кинулась на него, размахивая саблями, палица-

ми, цепями с шипастыми шарами, и клевцами!

Но звон оружия, крики и вопли раздавались в тронном зале не более нескольких секунд.

– Надо же. – это подал голос Павел Третий, когда вся куча поверженных врагов у ног киммерийца уже не подавала признаков жизни, поскольку Конан, наученный горьким опытом, безжалостно добил тех, кто ещё пытался хоть как-то достать его своим оружием, – Похоже, не зря о тебе идёт молва, как о первом воине Ойкумены. После того, как ты увернулся от копья я начал считать про себя – успел дойти лишь до восемнадцати.

А у твоих ног уже девять... трупов!

– Да, Ваше Величество, я не играю больше в «благородство» и «милость к врагам». Я безжалостно добиваю поверженных, и пусть про меня думают всё, что угодно. Я редко беру себе напарников. Но хочу, чтоб моя спина была в безопасности. Меня... Слишком многому научили прошлые ошибки.

Возможно, именно потому, что я сделал для себя кое-какие выводы, я и жив до сих пор!

– Я не это имел в виду, Конан-киммериец. А то, насколько быстро и эффективно ты сражаешься. Никаких эмоций. Ни одного лишнего движения. Удары выверены и точны. А уж скорость!.. Жаль, что не удалось посмотреть, как ты действуешь в «естественном», так сказать, виде. То есть – с не подстёгнутыми Зельем инстинктами и реакциями.

– Ах, вот оно в чём дело. А я и сам немного удивился: вроде, только успел подумать: и вот уже вон тот тип располосован от горла до паха, а этот – без руки с булавой! Значит, это Зелье «видимости» делает меня ещё и быстрее?

– Да, Конан.

– Неплохо, клянусь селезёнкой Кашшагет... Но враги всё же почему-то казались... словно неуклюжими. – Конан подумал про себя, что это не слишком хорошо согласуется с тем, что говорил о профессиональных навыках маленьких бойцов Павел Третий, но вслух этого не высказал, – Ладно. А скажите мне ещё вот что, Ваше Величество. Если б я не видел этого копья, и оно попало бы в меня – тогда, ну, пока я ещё не выпил Зелья...

Что было бы?

– Ничего, Конан. Ты бы... Просто не воспринял его. А копье просто пролетело бы насквозь: через твоё тело, как через пустое место. А ты, повторяю, не почувствовал бы даже малейшего ветерка или прикосновения! Для тебя это копье было бы, словно – вот именно: воздух! Невесомо, неощутимо.

А вот то, что ты видишь его и можешь теперь и потрогать – действие Зелья. Зелье не только делает видимым их мир. Оно ещё даёт возможность взаимодействовать с тамошними материальными предметами. Потому что какой был бы смысл – *видеть*, не имея возможности – отреагировать, отразить атаку, убить врагов?! А *так* ты можешь действительно – реагировать. И ощущать обитателей, и предметы Мира

Воздуха. Трогать. Ходить по их полям и лесам. Подняться к ним на их Холм.

Убивать.

– Понятно, Ваше Величество. Собственно, я именно так всё про это Зелье и понял. Значит, говорите, в получасе ходьбы?

– Да, Конан. Я дам тебе в провожатые и для подмоги взвод своих воинов. Это практически всё моё войско. Вернее – «личная охрана». Войско мне держать запретили. – на чело короля вновь словно набежала тучка: Конан заметил её своим новым обострённым зрением.

Конан подумал, что это наверняка унизительно – не чувствовать себя хозяином в своём же доме и вотчине. Но сказал другое:

– Нет, Ваше Величество. Не нужно воинов. Нет, – он поднял руку, заметив, как вспыхнуло лицо короля, став, как он понимал, красным, а точнее, сейчас – густо-фиолетовым, – Это вовсе не потому, что я считаю их неумелыми, или плохими солдатами. Дело в том, что раз уж я поубивал всех осведомителей-шпионов, и приставленных к вам контролёров, и некому рассказать о том, что вы меня всё-таки наняли, и я уже приступил к работе, будет лучше, если вы дадите мне просто – проводника. Отлично знающего Королевство Воздуха. И мы с ним спокойно, и тихо, не привлекая внимания бодрым строевым топанием и бряцанием оружия, проберёмся в логово врага.

Я хотел бы... Провести предварительно разведку, и выяснить – что и как.

Да так оно, наверное, будет лучше и для безопасности заложниц.

– Я... Понял тебя, Конан. Теперь я убедился и в том, что ты – не только лучший в Средиземье воин-наёмник, но и... Отличный стратег и тактик.

Возможно, со временем, когда тебе наскучат эти игры, и риск за *чужие* деньги и дела, ты и сам станешь королём! И, думаю – неплохим.

– Спасибо на добром слове, Ваше Величество. Поживём – увидим.

А пока – дайте мне кого-нибудь понеприметней. И поопытней.

«Неприметным» проводник Конана действительно был – во всех отношениях.

Главный егерь Павла Третьего, Кудим Хромой, не отличался ни высоким ростом, ни упитанностью комплекции. Худощавый суровый охотник с тёмным, вероятно, загорелым до черноты, а сейчас – густо-фиолетовым, лицом, покрытым глубокими морщинами, явно разменявший пятый десяток, но сохранивший кошачью гибкость движений, и бесшумность лёгкой поступи, сразу понравился Конану. Коллега, так сказать! Он действительно немного прихрамывал, но вскоре Конан перестал обращать на это внимание:

под умелой ногой ни разу не хрустнула ни одна ветка!

Вёл Кудим киммерийца, иногда оглядываясь, чтоб убедиться, что тот успеваает за ним, преимущественно лесами и прогалинами, заросшими густым подлеском.

От дворца они отделились не более чем на полмили, когда проводник остановился возле одного из толстых дубов, за которым брезжило что-то вроде обширного светлого пространства, и жестом дал Конану знак приблизиться. Шёпот в приближенное после ещё одного жеста мужчины ухо варвара был почти бесшумен даже с новым обострённым слухом киммерийца:

– Здесь *это* начинается. Их земли как бы... пересекаются с нашими. Зрелище, конечно, дикое, кто не привык, но это – не страшно. Просто имей в виду, Конан: на самом деле их земли куда обширней, чем видно, только в северной своей части уходят *под* землю. И оттуда они доставать нас не могут. Как и мы их. Для них – высоко, для нас – запрещено. Так что, чтобы достать нас, им и приходится вначале подниматься там, у себя, до вот этой границы, и уж потом только перебираться сюда. К нам. Но осмотришь получше. Потому что высовываться нам пока всё равно нельзя. За прогалиной выставлены караулы.

Конан медленно и осторожно лёг на сухую хвою и полу-сгнившие листья лесной подстилки, и прополз оставшиеся шаги до кромки леса: так же, как это сделал и сам Кудим. Ветви подлеска и стебли папоротника киммериец старался

не отгибать, и вообще – ничего не трогать. Собственно, он, как профессиональный охотник и следопыт, выполнял всё автоматически, отмечая про себя, что его провожатый делает всё куда бесшумней: очевидно, сказывается привычка, и рефлексy приучены к тому, что здесь всё слышно куда лучше, и двигаться нужно гораздо осторожней и тише.

Зрелище и правда – потрясало.

Словно в плоскую и ровную поляну врезалась под небольшим углом на полной скорости ещё одна, такая же плоская, поляна. Да так и застряла, сохранив в целости всё то, что росло и обитало на ней: цветы, траву, лес невдалеке, и даже сине-фиолетовых бабочек, порхавших над цветами, густо покрывавшими – что траву нормальной, что траву «врезавшейся», поляны. Граница «входа» поляны в поляну казалась очень длинной: линия стыка уходила куда-то за лес, и там терялась из поля зрения. Конан подумал, что Павел Третий прав: мест перехода из Мира в Мир – достаточно.

Сам лес примерно в ста шагах за полянами казался вполне обычным: сосны, ели, берёзы и клёны мирно шелестели на лёгком ветерке, наполняя ещё неприспособившиеся уши мощным гулом и скрежетом. Но сами деревья размерами не отличались от обычных, и издали киммериец не смог бы сказать – какие принадлежат их миру, а какие – миру Тумсса Восьмого. Однако, разумеется, все эти представители царства Флоры переливались всеми оттенками всё того же фиолетового: от шершавой, старой и отслаивающейся, почти

чёрной коры, до голубовато-сиреневых молоденьких листьев и иголок.

Конан приблизил лицо к уху проводника:

– И – что? Если б я не выпил Зелья, я бы не видел их леса? И склона Холма?

– Нет, Конан. Ты бы прошёл здесь, сквозь их лес и Холм, словно сквозь воздух! И даже не заметил бы их. Ну, как не заметил тогда, когда подъезжал к нашим границам. Дорога из Аквилонии идёт вон оттуда. – еле слышный шёпот и осторожный жест не могли выдать их любому, даже сверхчуткому, уху.

Конан кивнул. Он и сам отлично помнил, что действительно, проезжал всего-то в паре миль от этой поляны. И никакого Холма, сейчас воздымавшегося вверх не менее чем на полмили в верхней своей части, не видел!

– А что – Павел Третий? Раньше не пробовал нанять какой-нибудь отряд? Ведь это обошлось бы ему, – Конан хмыкнул, – куда дешевле?

Проводник долго смотрел Конану в глаза. Затем всё же решился:

– Думаю, теперь не будет большого вреда, если я скажу тебе. Да, наш повелитель пытался нанять взвод головорезов из Коринфии. Однако когда они узнали, что враги и их земли – невидимы, а чтоб их увидеть, нужно выпить Зелье, категорически отказались.

С чёрным колдовством и волшебными тварями никто не

хочет иметь дела!

Конан несколько секунд переваривал ответ. Затем вздохнул, и обернулся снова к прогалине, проворчав:

– Ладно, я только хотел убедиться в том, что мне теперь видно и наш лес, и их.

Пикет охранников Конан обнаружил довольно быстро: двое уже знакомых по внешнему виду коротышек, действуя тоже вполне профессионально, лежали умно: не у самой кромки прогалины-поляны, а – чуть в глубине, в тени, за густыми зарослями кустов ежевики. Их кафтаны и штаны не бросались в глаза, и по расцветке вполне сливались с зеленью (вернее – фиолетовостью) вокруг. Выдавали сторожей лица. Вот они – выделялись: бледные, словно белёсые, пятна, среди насыщенной цветом растительности!

Конан отполз чуть назад, сделав жест проводнику. Когда их срыли заросли папоротника, киммериец, приспособивая голос к новым условиям, прошептал на ухо Кудиму:

– Почему их – только двое?

– Ну, Конан, это-то – просто. Никто из наших сам сюда не суется. Никогда. Научены горьким опытом!

Конан кинул взгляд вниз: на слегка вывернутую ногу пожилого мужчины:

– Это эти тебя – так?..

– Нет, Конан, не эти. И – не за это. Нога – наказание за то, что пытался... – желваки на скулах проводника так и заходили, а голос стал хриплым и злым, – помешать забрать ко-

рову. А без молока коровы умерла бы с голоду грудная дочь – у жены пропало своё...

Мужчина замолчал, лицо стало, как и Павла Третьего, когда Конан отказался от эскорта, густо-фиолетовым. Но Конан только кивнул:

– Можешь не продолжать. Я понял.

Некоторое время длилось молчание. Затем варвар спросил:

– Я так понимаю, сейчас ты одинок?

– Да, Конан. – мужчина не стал вдаваться в подробности, а Конан не стал уточнять. Ему и так было понятно, что нет больше у Кудима ни жены, ни дочери. И, значит, они оба понимают, что терять ему нечего.

– Ты метко стреляешь?

– Да, Конан, – проводник похлопал по древку лука, что словно влитой сидел за плечами мужчины всё это время, – Я – один из лучших охотников. И егерей.

– Сможешь попасть отсюда – в одного из сторожей?

– Смогу. Но – только если он встанет на ноги.

– Ну, с этим-то проблем не будет. Смотри: план такой...

Зрелище мчащегося на них, словно взбесившийся носорог, огромного варвара, возникшего словно ниоткуда, могло бы повергнуть в трепет и панику и не только карликов-коротышек! Разумеется, они отреагировали именно так, как Конан и предполагал: заорали, разделились, и кинулись бежать

в разные стороны!

Тот, что кинулся влево, однако, тут же словно споткнулся, и упал, ткнувшись носом в куст папоротника: стрела, вонзившаяся под лопатку, возделась к небу. Другого, ринувшегося направо, Конан настиг сам – буквально через сто шагов по лесу Мира воздуха! Склон был крутой, но варвар всё равно бежал куда быстрее коротконового воина!

Церемониться с врагом киммериец не стал: просто ухватил за ворот, и треснул по голове кулаком! Карлик обмяк. Конан поторопился подойти и ко второму малышу, и схватить за ворот куртки и его. На перебегание поляны в обратном направлении ушло не более полуминуты. В глубине «своего» леса Конан остановился. Подошёл и Кудим:

– Сработало. Быстро ты их...

– Ну, что-что, а хлопот с часовыми у меня возникало... Хм. Достаточно много. Так что владеем кое-какими приёмами! – Конан встряхнул обеих коротышек, словно терьер – убитую крысу.

– Отлично. Ну что? Попробуешь допросить?

– Да.

Однако когда отлично связанного по рукам и ногам пленного привели в чувство, полив на него воды из фляги проводника, и похлопав по щекам, ничего вразумительного из рта, оскалившегося всеми сорока восемью – действительно очень крепкими и острыми! – зубами, не излилось. Даже когда Конан указал на мирно лежащий рядом труп, и чуть ли

не проорал шёпотом в заросшее густой щетиной треугольное ухо: «Хочешь отправиться туда же, куда и он?!», на него только в очередной раз злобно оскалились.

Только убедившись, что его сверкающий «неподдельной» злобой взор, и тон, перед которым трепетали даже легионеры короля Вездигдета, славящиеся своей безудержной храбростью и дисциплиной, не оказывают никакого действия, так же как и увещевания на всех знакомых варвару языках, Конан отступился, недоумённо почесывая в затылке:

– Знаешь что, Кудим, если б я не знал, что он – человек, я бы подумал – что тупое животное! Смотри: в глазах нет даже признака того, что он хотя бы понимает, о чём я его спрашиваю! А только голод и злоба! И дело – не в незнании языка! Уж такой-то «намёк» – Конан кивнул в сторону трупa, – не поймёт только вот именно – животное!

– Возможно, ты недалёк от истины, Конан. Многие из нас, ну, тех, кто близко сталкивался с этими... тварями... Тоже считают, что они, скорее, твари, чем люди. И наш язык, да и вообще – язык! – просто не понимают. Поэтому они и ходят, я думаю, группами. Там всегда есть один карлик, владеющий нашим языком. Более умный, чем остальные солдаты. Руководящий их действиями. Офицер, как я полагаю.

– Интересно. Но тогда получается, мы только зря теряем время, пытаясь «вразумить» и «разговорить» этого... Тваря. – Конан ещё раз внимательно рассмотрел лицо пленного, вертя его на вытянутых руках перед собой. Вдруг брови

киммерийца нахмурились, – Подожди-ка...

– Что, Конан?

– Да это же... – могучая лапа Конана, опустившаяся на лицо человечка, вдруг сжалась, и убралась назад, унося с собой... Это самое лицо!

Кудим коротко вскрикнул:

– Ящерица!

Конан, внимательно вглядывавшийся в то, что открылось его взору, покачал головой:

– Нет, Кудим, не ящерица. Ящер. Очень похожий на тех, что вымерли ещё до зарождения человечества. Я иногда... Сталкивался. В отдалённых странах, или на необитаемых островах. Неудивительно, что он не говорит: да и как говорить с таким ртом. Вернее – пастью!

Пасть, действительно оказалась ничего себе – от уха до уха. И когда морда ящера осталась без маски, тот не придумал ничего лучше, как в очередной раз угрожающе зашипеть, разинув её во всю ширину: голова барана туда уж точно влезла бы целиком!

– Чего ж удивляться, что они питаются только мясом. А выращивать злаки не смогли бы при любом раскладе, – Конан не без усилия сдёрнул вместе с верёвками и муляжи рук: под ними оказались коротенькие когтистые лапки! – Давай-ка, Кудим, перевяжем наши верёвки на передних и задних! А то как бы паршивец не улизнул! Я подержу его.

Держать оказалось нетрудно: в силе мышц яростно изви-

вавшаяся тварь всё равно явно уступала могучему киммерийцу. И вот уже пленник лежит перед ними во всей «красе»: жалкий, тощий, и глухо подвывающий монстр, опасно косящий на своих обидчиков огромным чёрным глазом!

– Странно, что вы не обнаружили этого раньше.

– Твоя правда, Конан: обидно. Но... Если уж случилось в схватке завалить тварь-другую, их товарищи сразу же забирали трупы. Мы не могли их пристально изучить.

– Понятно. Ладно, прикинь-ка его вес. Сможешь донести до дворца?

Кудим попробовал взвалить на закорки ящера, челюсти которого они на всякий случай тоже стянули ремнями: чтоб не выл и не кусался. Покряхтел, приноравливаясь:

– Не пушинка, конечно, но с человеком не сравнить. Скорее, с бараном. Да, донесу.

– Отлично. Неси сразу к королю. Покажи, с кем вы на самом деле имеете дело. Думаю, при таком раскладе его Величество и сам надумает, что приносить дань таким уродам... Никуда не годится. Это же – не люди!

Куда проще один раз собрать всех способных носить оружие мужчин, и сразиться с ними в открытом бою. Раз и навсегда отделавшись от унижительного положения. Потому что после того, как у них во дворце побываю я, и мы с их войском порубимся в своё (Вернее – в моё!) удовольствие, не думаю, что этих тварей останется слишком уж много. Живых. Разве что женщины и дети.

Тьфу ты – самки и детёныши!

– Похоже, ты прав, Конан. Унизительно. Платить *такую* цену даже не людям, а – ящерицам навроде крокодилов... Пусть и древним. Но...

Как ты узнал? Мы здесь с ними уже почти тридцать лет, а так и не догадывались!

– Я тоже не догадывался, пока не понял, что наш друг, – Конан небрежно похлопал по мешком лежащему на плечах проводника телу, которое сразу возмущённо дёрнулось, – Не понимает ни слова ни на одном из известных мне языков!

– А-а, так вот почему ты говорил с ним так странно...

– Да. Я повторил на семи языках, что убью, если не заговорит. И понял только то, что он и не сможет. Поскольку не понимает меня. И говорить... не умеет. А окончательно я догадался в чём дело, когда взглянул повнимательней ему в рот. Язык-то... Раздвоен!

– Бэл его задери! Надо же. – проводник поцокал зубами, – Правда, мы-то в рот к ним никогда...

– Ну, теперь-то – сможете рассмотреть во всех подробностях. Ладно: попросаемся. Возможно, встретиться уж не доведётся. – они пожали друг другу руки.

– Конан. Ещё одно. – проводник, отойдя уже на десяток шагов всё же остановился и обернулся назад, – Почему ты думаешь, что они будут ждать тебя... Всем войском?

– Как – почему? Не совсем же они дураки! Понимают, что раз уж Павел Третий вызвал в страну, а затем и во дворец

знаменитого на всю Ойкумену наёмника, и приказал даже наложить Заклятье Непроницаемости на тронный зал, то дело – серьёзное. И скоро «безжалостный, могучий и сребролюбивый» варвар придёт к ним. Думаю, стоило мне переступить порог вашего дворца, лазутчика с донесением тут же послали!

– То есть, ты думаешь, что они уже знают...

– Разумеется. И я не особо торопился добираться до дворца Тумсса только потому, что давал им время. Стянуть побольше сил. Для защиты их короля.

– И теперь ты хочешь...

– Да. – Конан так сверкнул очами, что Кудим не стал продолжать расспросы. И без того всё понял. Что киммериец и правда – хочет отплатить за годы унижений и жертв людей мерзким ящероподобным тварям. Поубивав как можно больше воинов. То есть – самцов.

– Но Конан! У них тоже есть луки со стрелами! Они смогут...

– Нет. Взгляни ещё раз на эти лапки. Расположены близко, и коротки. Они просто не позволяют растянуть хороший боевой лук так, как надо!

С этим Кудим спорить не стал: зачем отрицать очевидное!

– Ну, удачи тебе, Конан. Да хранит тебя Мирта Пресветлый!

– Спасибо, Кудим. И тебе – долгих лет жизни!

Дворец Тумсса Восьмого казался вблизи ещё безобразней, чем издали: беспорядочное нагромождение стен, галерей, переходов, башен, и комнат-клетушек: словно поколения неумелых строителей пытались кое-как прилепять побольше жилых и хозяйственных помещений к основному зданию в центре. Причём даже не давая себе труда огородить всё это положенным рвом и достойной крепостной стеной: та стена, что имелась, даже не была замкнута в цельное кольцо, оставляя почти незащищёнными восточную и южную стороны замка!

Отделённое от опушки, где варвар прятался, нешироким, в полсотни шагов, пустым пространством вырубленной прогалины, нагромождение строений казалось нелепой пародией на дома и сооружения людей. Но то, что оно стояло на самой верхушке пресловутого Холма, казалось киммерийцу непонятным: любой дворец в первую очередь – крепость! И, значит, должен располагать колодецем – чтоб на случай осады всегда была вода! А здесь...

Колодец понадобился бы глубиной чуть не в полмили!

Киммериец разглядел ещё много чего: низкие, явно отстроенные недавно, помещения с покатыми крышами. Крытыми землёй, (!) явно уложенной на что-то вроде толстых связок камыша. Отметил грубую кладку стен этих пристроек: из даже неотёсанных камней, и без строительного раствора. (Как такие вообще держатся друг на друге?!) Узкие окна-бойницы...

Но Конан не стал разглядывать всё очень уж подробно и долго, или ждать, когда солнце двинется по небосводу вниз: тогда оно светило бы ему прямо в глаза, поскольку он собирался напасть на здание с незащищённой стеной стороны: с востока. Пробраться по чаще фиолетового леса Мира Воздуха туда, откуда он наметил начать штурм, оказалось нетрудно: охраны или секретов в чаще не имелось. И не потому, что они оказались искусно спрятаны-замаскированы. Они просто не были выставлены!

Выводы киммериец для себя сделал, но всё же совсем беззащитным и неготовым к нападению дворец не был: все наружные ворота и калитки оказались заперты, а на стенах дежурила стража: через каждые десять шагов стояло по солдату. Вооружение от уже знакомого варвару не отличалось. Но теперь-то Конан понимал, почему его враги предпочитают клевцы, палицы, и шипастые шары на цепях. Крохотными лапками саблей не больно-то навоюешь!

Киммериец кинулся вперёд стремительно, двигаясь так, как умел: словно большая бесшумная кошка! Он выбрал момент, когда двое ближайших охранников вполголоса переговаривались между собой – звуки разговора казались странными, гортанно-завывающими. Да он, собственно, от ящеров других и не ждал!

Его заметили, только когда половина прогалины осталась позади. Теперь-то стражи заверещали во всю силу своих ящеричных лёгких!

Но пока толпа со стен ринулась к той точке, куда он бежал, Конан уже успел, цепляясь за неровности камней стены, оказаться на крыше одной из пристроек, раздвинул могучими руками связки соломы, и... Просто спрыгнул вниз – в комнату!

В ней никого не было, поэтому он тут же нырнул в узкий низкий лаз, не забранный даже дверью, и оказался в центральном дворе! Здесь пока обнаружилась лишь охрана ворот в составе семи воинов-карликов, хотя теперь-то Конана их внешний вид обмануть не мог!

Не задерживаясь ни на мгновение он кинулся к ним. Семь ударов мечом, и через пару секунд горе-воинство, истошно вереща, и подбирая отрубленные конечности или выпущенные кишки, корчилося на земляной площадке, оказавшейся вместо вымощенного булыжником или камнем, пространства двора, а киммериец скрылся в отверстии, ведущим в одну из сторожевых башен!

Сладить с одиноким охранником, охранявшим её лестницу, оказалось делом ещё одного удара: он рассёк хрупкое тельце, не защищённое даже кольчугой, до пупа, если б таковой у ящерицы имелся. Даже не замедлив бега, варвар молнией взлетел по узким и неудобным ступеням наверх – к проходу вдоль гребня стены, где только что находились стражники. Пробегая по этому проходу, оказавшемуся не больше шага в ширину, киммериец порубил в салат, или поотрубал головы примерно дюжине теперь дружно вопящих и

пытавшихся чем-то в него ткнуть, или ударить, стражников. Закончился пробег по стене нырком во вторую имевшуюся здесь сторожевую башню.

Почти не касаясь её ступеней, Конан слетел снова на уровень двора, и кинулся прямо в дверной проём центрального, самого крупного строения так называемого «замка».

Тут имелись даже ковры и гобелены! И в держаклах на стенах торчали светильники в виде фонарей. Конан про себя усмехнулся: значит, не только коровами и баранами брали дань чёртовы ящерицы! Но зачем им – ковры?! Может – «престиж»?!

А перед кем хвастаться? Возможно ли, чтоб здесь, в мире воздуха, были ещё «короли», кроме пресловутого Тумсса? И чтобы эти монархи навещали друг друга с дипломатическими «визитами»?.. И с целью сватовства «коронованных» отпрысков: для династических браков.

Все эти вопросы он задавал себе, даже не останавливая стремительного бега, и рубя на ходу всех тех воинов, стражей, слуг, что выскакивали ему навстречу с оружием в руках из десятков комнатёнок и клетушек, попадавшихся на пути. Действовал Конан быстро, эффективно, и безжалостно: никого не добивал, но ущерб старался сразу нанести максимальный: чтоб поражённый его мечом враг сражаться больше уж точно не смог!

Нельзя сказать, что от этого он получал наслаждение, или хотя бы удовлетворение: всё-таки тоже живые существа. И

лично ему ничего не сделали...

Но работа есть работа!

И делать её нужно на совесть!

За всё время стремительного рейда через Дворец варвар получил лишь две царапины, да и то: одна, на шее, осталась от осколка камня, когда рядом с его ухом в стену врезался шипастый шар, а другая, на щеке – тоже от осколка, но уже – тарелки, которую запустил в него «человечек» потолка, и в белом переднике – не иначе, «повар»!

Его Конан рубить не стал: просто наподдал ногой так, что толстячок улетел назад в кухню, сквозь дверной проём, и уже там заревел во всю глотку, поскольку врезался в какую-то, сразу опрокинувшуюся на пол, кастрюлю с чем-то кипящим! Заорали и остальные пятеро совсем уж крошечных существ, оказавшихся рядом с ним: поварята-ученики даже не были «замаскированы» под людей!

Конан, чертыхаясь, вбежал в кухню, и за шиворот поднял всех малышей, усадив на что-то вроде полки, чтобы убрать их подальше от ещё разливающейся густой и шипящей жидкости. Это задержало его на пару секунд, но ему повезло: из кухни имелся и второй выход: вверх! Вероятно, непосредственно в покои его «ящерейшего» величества! Обрадовавшись, что не надо искать других проходов, варвар кинулся сразу туда.

Вход в королевскую половину, однако, охранялся. Перед запертой дверью стояло около отделения злобно ощерив-

шейся острыми зубами охраны: десять самого грозного вида стражников! Эти уже были в кольчугах и даже имели щиты!

Помогло это им, как же...

Дверь оказалась не заперта. И от толчка могучей рукой просто открылась настежь.

Киммериец уже не торопясь прошёл к восседавшему на троне существу.

Существо выглядело необычно: не человек, но и не совсем ящер. Во-всяком случае, не такой гротескно-замаскированный ящер, которого они с Кудимом «разоблачили».

Нет, на ящерицу король почти не походил: скорее, так мог бы выглядеть предок человека, если б человек произошёл от тех тварей, что остались сейчас лежать на плитах коридора у двери. Высокий лоб, небольшой сравнительно рот, умные глаза. Даже руки-лапы оканчивались не когтями, а чем-то вроде зачатков ногтей!

Однако если правитель Королевства Воздуха рассчитывал своим внешним видом поразить киммерийца, то этой цели он не достиг.

Напротив трона Конан остановился. Некоторое время они просто рассматривали друг друга. Конан заговорил первым:

– Не могу пожелать Вашему Величеству здоровья и долгих лет жизни. Не буду вас обманывать: сейчас я просто убью вас.

– Спасибо за откровенность, Конан-варвар. – голос звучал громко, тембр оказался приятным, а дикция – отменной, –

Я нисколько не сомневаюсь, что как человек слова ты так и поступишь. Но я не боюсь смерти. Я боюсь... другого!

– Чего же, Ваше Величество? – Конан решил, что хотя бы из вежливости должен дать королю высказаться. Враг-то он, конечно враг... Но как король достоин хотя бы внимания. А убить ящера он успеет всегда!

– Я боюсь несправедливости.

– Какой ещё несправедливости? – Конан нахмурил брови.

– Присаживайся. Рассказ займёт несколько минут. – ящер вполне любезно указал своему будущему убийце на кресло, пододвинутое к подножию трона, и хлопнул в ладошки. Из дверцы сбоку трона вбежал невысокий даже по местным меркам ящер. Одетый в подобие ливреи. Король что-то быстро сказал ему на гортанном наречии и сделал жест, словно кого-то или что-то отодвигал прочь. Лакей убежал. Король снова обернулся к варвару. – Даю слово, нам никто не помешает. И тебя за время рассказа не будут пытаться коварно убить!

Конан хмыкнул: хотел бы он посмотреть на тех, кто попытался бы его «коварно» убить! Почти все такие «желающие» давно почили с миром... Или не очень с миром.

Однако он сел, и даже приготовился слушать.

– Мы не пользуемся летоисчислением местного, поверхностного, населения. То есть – мы отсчитываем время по народжению Царицы Ночи. Ты... примерно представляешь,

как оно происходит? – Конан кивнул. Король продолжил, – Четыреста сорок восемь циклов Царицы назад в наших краях появился человек. Что само по-себе было удивительно: никогда прежде мы не знали, что на свете существуют такие... Странные и злобные создания!

Человек сказал, что он – высшее существо, что зовут его Кепкуруй, и предложил нам сразу покориться ему и признать своим Повелителем. Мы, разумеется, отказались!

Но оказалось, что человек – маг. И у него есть... э-э... способы заставить слушаться себя! – Конан представил эту картину легко. Уж про что-что, а про методы беспринципных чёрных магов он знал не понаслышке! Ну а тут мысли мага понять и вовсе нетрудно: не люди же! Можно свирепствовать в своё удовольствие!

Между тем Тумсс продолжал свою невесёлую повесть:

– ...ультиматум! Все наши дети и женщины теперь оказались в заложницах! Что нам оставалось?! Мы поклялись священной клятвой Румисса. Вот так наш гордый и независимый народ и оказался покорён и порабощён магом-человеком.

Король сделал паузу, очевидно, полагая, что Конан должен задать напрашивающийся вопрос. Однако киммериец этого не сделал, просто кивнув: ему ситуация была вполне понятна. Ну, хотя бы в общих чертах! Очередной «Властелин Мира и его окрестностей» решил завоевать народы и земли Ойкумены с помощью странного, но вполне боеспособного существа.

собного, войска!

– Разумеется, не обошлось без попыток сбросить ярмо! Наш народ и его короли, мои предки, оказались очень свободолюбивы и упрямы, но...

Но чародей оказался очень жесток. И поскольку от нашей непокорности и попыток убить или свергнуть тирана страдали и умирали наши дети и женщины, (Разумеется! – подумал Конан, – ведь для этого ящера они и правда – «женщины!», а не самки!) мы вынуждены были, чтоб совсем без них не остаться, окончательно покориться воле мага.

Когда чародей убедился, что урок нами усвоен, и усвоен навечно, он приступил к тому, для чего и завоевал нас: чтобы захватить ту, другую, землю. Верхний Мир. Захватить нашими руками. Ну, точнее – лапами! – король протянул их вперёд, и Конан снова кивнул – он-то давно всё это понял. Но перебивать короля не стал – невежливо.

Да и пусть лучше расскажет сам. В подробностях!

– Я по глазам вижу, что ты отлично понял всё это. – а в уме и деловом подходе этому Тумссу Восьмому не откажешь! – Да, маг мог жить одновременно в обоих мирах – нашем и вашем! И он знал способ как сделать доступным и нашим отрядам ваши земли! Правда, на это ушло время. Магу для этого пришлось соорудить... Некое волшебное, устройство. Он называл его «Арегат». Как бы тебе это... Ладно: словом, он построил – а вернее, наши плотники, кузнецы, и каменщики! – построили под его руководством некое устройство,

которое и делает то самое вещество, что материализует, так сказать, ваш мир – в нашем.

Или – наоборот: это уж как посмотреть.

Словом, теперь и нам доступен ваш мир – вернее, его часть! – и вам – наш! Но!

Арегат оказался очень капризным, и маг его долго отлаживал. Чинил, ругался. Наказывал нас – хотя наказывать-то было не за что: никто даже из лучших мастеров так и не понял, как работает эта штуковина! Иначе у нас не было бы проблем... – голова короля на какое-то мгновение оказалась опущена к подножию трона, но он быстро пришёл в себя от печальных воспоминаний. Конан невольно подумал, что лишь несколько часов назад точно так же склонял голову «наземный» король – Павел. – Словом, чародей не довёл свой труд до конца.

Его машина включена. Но включена не полностью. Поэтому «проникновение» нашего мира в ваш – не завершилось до конца. А имеет весьма чётко очерченные границы.

Область, так сказать, взаимопроникновения наших миров – всего около двух квадратных миль: да ты сам видел те наши владения, что воздвигаются над вашим лесом, обрываясь, словно срезанные ножом! А вот ваш мир для нас, вуррихидов, «преобразован» полностью!

В этом-то и состоит наша проблема: ваш мир, располагаясь прямо над нашим, и став материальным, (То есть, для нас – видимым!) полностью затеняет от нас свет солнца!

Мы не можем ни выращивать злаки и траву, которыми раньше питались сами, и кормили наши огромные стада, ни даже различать – где у нас что: над нашей страной царит теперь вечная Ночь! Да что говорить: мы и отсчёт времени по Ночной Царице можем вести теперь лишь отсюда, с поверхности!

И самое страшное, Конан, что мы не можем что-либо сделать с самим Арегатом.

И он так и продолжает работать в том положении, в котором его оставил маг. То есть, наш мир – проник, но не до конца, в ваш, а ваш – полностью закрыл от нас солнце.

Конан почесал в голове. Тумсс Восьмой воспринял этот жест своеобразно:

– Знаю, ты так просто не согласишься. Ты же – практик и прагматик. Воин. Но если желаешь, и располагаешь хотя бы парой часов – я предоставлю тебе и доказательства. Факты.

– Сомневаться в ваших словах, Ваше Величество, у меня оснований нет. А вот с фактами и арегатом...

Хотелось бы действительно ознакомиться!

Спуск по Холму и вход в уже подземное Царство много времени не занял.

Единственное, с чем возникли проблемы – это сам «проход» сквозь странно выглядящую границу перехода. Однако Конан, преодолев сомнения и чувство дикости происходящего, стиснул зубы, и прошёл сквозь двойное изображе-

ние земли: опускавшейся в Мире ящеров, и простиравшейся плоско в Мире людей. Но когда глаза опустились ниже «земной» земли, стало полегче: просто спуск и спуск!

Король Тумсс Восьмой, презрев своё «королевское» величие, просто быстро полз впереди варвара, высоко державшего отлично горящий факел, по тёмному пространству, сквозь которое они теперь шли. Конан просто старался не отставать, поглядывая вниз под ноги: дорога как дорога: грунтовая, утоптанная. Только петляющая чаще чем надо.

По бокам широкой просеки, по центру которой дорога вела, стояли теперь и сосны и ели, и имелось что-то вроде полян и лугов. (Видно, правда, их даже его новым зрением было плоховато: не дальше десяти-пятнадцати шагов.) Но с одним существенным отличием: сосны и ели стояли в виде голых скелетов – лишь сухие корявые стволы и голые ветви! А от лугов осталась лишь буро-фиолетовая труха на земле.

А ещё тут везде царил странный запах: вроде того, что бывает на болоте, если наступить на трясину, и выпустить из её глубин булькающий болотный газ...

Конан подумал, что и правда – для мира «Воздуха» – хотя теперь, как он видел, правильнее было бы назвать его Миром Вечной Ночи! – последствия чёрного чародейства и работы «Арегата» оказались куда страшней и разрушительней, чем для мира на поверхности! Не иначе, как маг не планировал позволять жить кому бы то ни было в мрачных катакомбах этого подземелья! И хотел всех слуг и рабов вытащить на-

верх.

Чувствуя, что пауза затянулась, и атмосфера стала совсем уж зловещей и пессимистичной, Конан спросил:

– А где сейчас ваши женщины и дети, Ваше Величество?

– Они здесь, Конан-киммериец. Внизу. Мы теперь берём их изо всех сил. Потому что после стараний чародея по подавлению нашего свободолюбия их осталось не больше нескольких десятков. Поэтому никто из них никогда не показывается на поверхность: стоит только кому-то из людей увидеть их, или наших воинов – в настоящем облике, и – всё!

Вся наша маскировка, и попытки выжить – закончатся!

Люди просто загонят нас вниз, под землю, и больше не позволят выйти оттуда!

И мы будем обречены на смерть от голода, во мраке вечной Ночи!

Конан благоразумно промолчал о том, что с «разоблачением» он уже справился. Но ему стало по-своему жаль этих страннх подземных бедолаг: ведь жили же, и никого не трогали! А если сейчас вынуждены требовать дань продуктами – так получается, только от безысходности ситуации!

И виноват во всём этом безобразии, как обычно, маг-человек!

И что прикажете думать наивным, но свободолюбивым ящерам об остальном человечестве, делая свои выводы по одному единственному мерзавцу?!

Вот уж аппетиты и магические приёмы и методы амбици-

озных сволочей, желающих захватить власть над Миром, или Мирами любой ценой – поистине безграничны!

Но что же самому Конану теперь делать?!

Получается, он уже обрѣк бедолаг-ящеров на голодную смерть! Потому что теперь-то люди их точно...

– Вот оно, Конан. Священное Здание. Там, внутри, и расположен Арегат.

Конан переступил порог массивного сооружения из, даже, насколько он видел, необожжѣнных саманных кирпичей, сверху крытого всё так же: связками соломы и землѣй.

Всѣ верно: вот они стропила из брѣвен, на которых лежат доски настила, и проглядывают в щели толстые пуки-связки чего-то вроде камыша. Но не на них, и не на толстых глинобитных стенах задержал надолго свой взор киммериец.

Вот он, странный предмет в центре: слабо жужжащий «Арегат».

Сильно похож на самый обычный деревянный ящик. Только очень большой. Не иначе, маг хотел спрятать его начинку от посторонних взглядов за защитным кожухом. Разумно, конечно.

В глаза бросалось, что при работе над ящиком сверху образуется что-то вроде сиренево-фиолетового тумана, быстро, впрочем, уходящего наружу из окон-проѐмов под самой крышей. Никакого сомнения в том, что это именно тот самый «элемент», который и позволяет двум мирам взаимно «проникать», и экстракт из которого ему намешали в «Зе-

лье», у варвара не было. Как и в том, что перед ним то, что называли в некоторых хорошо развитых странах – машиной. То есть, механизмом, работающим вполне самостоятельно.

Киммериец не торопясь обошёл гудящую машину кругом.

Вот оно в чём дело. Вот почему Тумсс говорил о том, что они ничего не могут сделать. А ведь пытались: оно и видно.

На полу у торчащего из недр машины наружу длинного рычага лежало восемь сморщенных, иссохших, и скрюченных, словно в страшных муках, тел – ящеров.

И ещё одно тело висело на этом самом рычаге, судорожно обхватив его.

Тело человека.

Почерневшего и превратившегося в словно сморщенный сухофрукт лица Конан не узнал. Да и очень удивился бы, если б узнал: не может же он знать в лицо всех негодяев-магов Ойкумены! Зато он порадовался, что хотя бы не придётся очередного претендента на роль Повелителя Вселенной, и Светоча Мудрости – убивать. Всё уже сделано до него.

Но вот что делать с убившим Хозяина «Арегатом»...

Ясно одно: если он хочет освободить людей от «ига» ящеров, и сделать их проникновение в мир людей невозможным в будущем, нужно машину остановить. Выключить.

А как это сделать?

Вероятней всего – с помощью вот этого самого, торчащего наружу, железного рычага. Его судя по всему маг и под-

нимал, чтоб довести дело до конца.

И эта же мысль явно приходила в головы, как сама собой разумеющаяся, не только Конану. Но – вон они, лежат на полу. Те, кто «додумался».

– Ваше Величество. Когда машину... Тьфу ты – Арегат, только построили, но ещё не включили – в каком положении был вот этот рычаг?

– В нижнем, Конан, в нижнем. Отец рассказывал, что маг только с большим трудом поднял рычаг до середины, и тут его словно пронзила молния! Вспышка была видна за три мили, а грохот – как от удара молнии! Отец тогда потерял сознание, как и все наши, кто при этом присутствовали. А маг умер прямо на месте. Мгновенно. Я понимаю ход твоей мысли: да, мы тоже считали, что если опустить рычаг снова вниз – этот ужасный ящик перестанет работать, и всё вернётся на свои привычные места!

Ваш мир снова растает, словно дурной сон, и живительный свет солнца снова озарит нашу священную землю!

Конан хмыкнул. Но возражать против такой трактовки не стал. Тем более что думал примерно так же: появление мира ящеров здесь, в Турсинии, отдалённой провинции Коринфии, людьми – тоже воспринимается как дурной сон!

– Значит, эти храбрецы... – Конан рукой указал на мумифицированные иссохшие тела.

– Да, Конан. Пытались опустить рычаг!

– А почему они не подумали, что если мага убило, то мо-

жет убить и их?

– Они подумали, Конан. Но они были готовы отдать жизни за наш народ, за его будущее! Счастливое будущее.

Конан подумал, что быть патриотом – это одно...

А быть умным патриотом – совсем другое.

– Неужели пример тех, кто попробовал раньше – не впечатлил последовавших за первыми героями?

– Впечатлил. Но они все – добровольцы. Они готовы были пожертвовать жизнями, лишь бы постараться довершить начатое Пробурном Четвёртым!

– Значит, первого храбреца звали Пробурном?

– Да, Конан. Это был мой отец.

– Мои соболезнования, Ваше Величество. – Конан почувствовал невольное уважение к отпрыску столь храброго, хоть и не отличавшегося, похоже, особым умом, ящера. – Но почему тогда никто не пробовал просто – разрушить сам Арегат?

– Мы боялись, Конан. Что если разрушим его во время работы, всё так и останется, и фиолетовый Чаги, – Король указал на сиреневый туман, – всё равно будет вырабатываться! За счёт только одного волшебства!

Конан подавил ироничный смешок. Всё верно: очевидно, что именно эту мысль и должен был постараться внушить наивным простакам земной, прожженный и коварный, чародей! Что он – непобедим! И его колдовство – «самое колдовское колдовство!»

Но что же Конану делать с Арегатом?

Разумеется, нужно сломать механизм, и разнести по винтикам и колёсикам. (Если они там есть!) Но до этого всё же нужно чёртову хреновину обязательно выключить.

То есть – опустить рычаг вниз!

Но до этого нужно сделать и ещё кое-что...

– Ваше Величество. Прикажете отпустить заложниц. Я собираюсь устранить э-э... Несправедливость. То есть – выключить эту... Проще говоря – опустить этот рычаг. И не уверен, что наши миры останутся после этого в... соприкосновении – надолго. Будет лучше, если человеческие женщины и дети покинут ваше Царство как можно раньше! До того, как ваш – вернее, наш! – мир исчезнет!

– Это... М-м... Разумно! – король снова хлопнул в ладошки. На этот раз маленького ящера не было, но вместо него возник крупный – относительно! – и свирепый на вид ящер в кольчуге. На приказание своего повелителя похлопал глазами, и даже попробовал задать вопрос на своём гортанном языке. Тумсс Восьмой, однако, быстро попытку неповиновения или проявления неуместного любопытства пресёк, выставив в оскале все свои замечательно острые зубы, и скорчив такую гримасу, что, будь такое возможно, испугался бы и Конан. Рык, сорвавшийся с языка короля, заставил офицера отдать честь и быстро ретироваться.

– Женщин сейчас отпустят. Я распорядился, чтоб их довели до границы наших миров – без этого они не найдут до-

роги! Ну, темно же! – ящер, как бы извиняясь, пожал плечами. Смотрелось это несколько гротескно, но было почти по-человечески понятно.

Конан кивнул: всё верно. Темно действительно, будь оно неладно, словно в ...аднице у сотни обитателей Чёрных Королевств!:

– Благодарю, Ваше Величество. А сейчас одна, могущая показаться странной, просьба: не могли бы вы подержать факел, пока я буду...

Рубить подходящее дерево!

На то, чтоб выйти наружу в лес, выбрать подходящий, не слишком толстый, ствол, и срубить его мечом, ушло минут десять. Конан пока не беспокоился о сроке действия Зелья: похоже, если всё пойдёт как надо, он не будет торчать здесь три дня. Разве что ему совсем уж нечем будет заняться на поверхности...

А ему будет. Если он выполнит свою миссию, и Павел Третий расплатится, прогуливать плату за работу в лучших кабаках Юдении можно будет не меньше пары месяцев!

Но на всё, как говорится, воля Крома!

У срубленного сухого ствола с его бедро толщиной Конан отрубил и верхушку, оставив только бревнышко примерно в свой рост длинной. Очистил от боковых побегов. Прикинул вес. Вроде, то, что надо!

Тумсс Восьмой, кажется, понял, что собирается сделать

киммериец, и даже предложил:

– Конан! Может, позвать тебе на подмогу двоих-троих моих людей?

– Спасибо, конечно, Ваше Величество, но... Лучше не надо! У вас сейчас и так буквально каждый... э-э... человек на счету! – Конан, теперь не без стыда осознавал, что в этом есть и его доля вины. – Пусть уж лучше вот эти жертвы будут последними! – он кивком указал на сморщенные мумии у подножия рычага, про себя думая, что ему помощь «людей», конечно, не помешала бы, но только – вот именно – людей!

Прислонив бревно к стенам в углу, Конан первым делом оттащил мумии ящеров к дальней стене. Труп чародея трогать не стал – пусть себе повисит. Встав напротив рычага, киммериец поднял своё «орудие» обеими руками повыше, прикинул, где его центр тяжести. И почти нежно сбросил с высоты примерно фута на конец рычага.

Рычаг дёрнулся, и чуть сдвинулся вниз. Череп горе-покорителя Вселенной, оказавшийся при этом на пути бревна, раскололся, как гнилой орех. Изнутри высыпалась похожая на песок жёлтая труха. Конан хмыкнул, и подобрал бревно с пола. Кинул теперь с чуть большей высоты, придав и ускорение. Рычаг явственно сдвинулся вниз, внутри что-то щёлкнуло, и сиреневого дыма стало выделяться меньше.

– Думаю, Конан, ты на верном пути! Нужен ещё один бросок! Как говорил отец, там, в Арегате, всего три положения рычага. И до последнего чародей не смог довести!

Конан, пыхтя и потея, снова подобрал бревно, и кинул в третий раз.

Рычаг опустился вниз почти до самого пола, тело мага соскользнуло с него, и изнутри Арегата донеслось что-то вроде «Бум-м-м...»

Выделение дыма сверху ящика прекратилось. Тумсс Восьмой облегчённо вздохнул – похоже, во время действий киммерийца он и дышать-то забыл!

Конан перехватил бревно, и, как тараном, ударил теперь в боковую сторону деревянной обшивки. Полетели щепки, но кожух не пробился насквозь.

Варвар зарычал: «Ах вот ты как!...»

Когда с содержимым злополучного Арегата было покончено, и Конан расплющил и превратил в труху все различные глаза детали, оказавшиеся внутри, Тумсс Восьмой спросил:

– Не мог бы ты сказать, почему тебе пришло в голову воспользоваться бревном?

– Да всё очень просто, Ваше Величество. Какое бы там колдовство не имелось, рычаг явно был заговорён на живых. Ну а бревну-то – что делается?! Оно же – уже мёртвое!

– Надо же, как всё просто. И разумно... Но Конан! Я вижу опасный признак! Ты начинаешь становиться... словно прозрачным! И наверху. – палец с кривыми «ногтями» вскинулся к небу, – снова становится светлее! Думаю, это появ-

ляется... Солнце!

– Бэл его раздери! Значит, получилось!

– Да, точно! Но... Если не хочешь застрять здесь, под землёй, беги наверх! Скорей: хватай меня на руки: я буду указывать тебе дорогу!

Предложение оказалось очень разумным!

Потому что без света развевавшегося вдоль их пути огненного росчерка, в который превратился огонь факела, зажатого в руках Тумсса, не видно было бы ни зги! А без указаний короля, куда сейчас свернуть, и когда приналечь, Конан ни за что не догнал бы странную процессию: пятерых девочек и одну девушку.

Когда они поравнялись с удивлённо воззрившимися на них, и начавшими что-то истошно кричать девочками, Тумсс Восьмой крикнул, махнув лапой-рукой:

– Брось меня! Теперь вы должны успеть: вон: дорога уже только прямая!

Конан опустил короля наземь, радуясь, что действительно: стало куда светлее, и дорогу уже *почти* видно! Зато теперь ему пришлось заорать на человеческих самок:

– Если хотите жить – замолчите! – после этого он сунул факел, перехватив его у ящера, в руки девушке, свирепо буркнув, – Ты – Далайна? Держи повыше, и – бегом за мной!

Возражений не последовало, зато все, очевидно, напуганные его грозным видом и тоном, очень быстро заткнулись. Кивнув, и примерившись, Конан схватил трёх младших – не

больше четырёх-пяти лет! – девочек буквально в охапку, и ринулся вверх по склону холма, по которому пролегала дорога.

– Бегом, говорю! Быстрее!

Две девочки постарше, лет десяти, сразу смекнули, в чём дело, и, приподняв повыше подола платьев, ринулись за Конаном! Далайна, воздев кверху руку с факелом, последовала за ними, тоже задрав повыше подол, и держась так, чтоб освещать путь впереди киммерийца.

Конана вдруг догнал голос Тумсса Восьмого:

– Конан! Я должен, как человек чести, напомнить тебе: ты обещал убить меня!

Конан, приостановившись, обернулся. Тумсс Восьмой вовсе не шутил: он, похоже, действительно был удивлён. Конан усмехнулся:

– Да, я помню про своё Слово! Обещаю вам, Ваше Величество: непременно сдержу его. Но!

При нашей следующей встрече!

Они едва успели: стоило Конану и его спутницам выбежать на поляну, по которой проходила граница с Холмом, силуэт самого Холма, угрюмой скалой возвышавшийся над лесом Турсинии, исчез. Растаял в воздухе, словно дурной сон. Кошмар.

Или мираж.

Конан, выдохнув: «Ф-фу!», опустил малышек на землю.

Твёрдую и осязаемую, а не такую странную, что была, когда они с королём входили в подземные чертоги Мира Воздуха.

Самая младшая девочка завопила:

– Хочу снова на ручки!

Конан воззрился на неё, но Далайна, подошедшая сзади, уже подхватила малышку на руки:

– Хорошо, Мина! Я возьму тебя!

– Не-ет! Я хочу на ручки к дяде варвару!

Конан хмыкнул. Но – почему бы и нет?!

Он подошёл и перехватил девочку, посадив себе на сгиб левого локтя:

– Так – нормально?

– Да, так хорошо. А как тебя зовут, дядя варвар?

– Конан, Мина. Конан-киммериец. И сейчас, думаю, вам самое время вернуться к мамам и папам. Ну что? Идём?

– Идём!

– Конан-киммериец! Это мой отец послал тебя? – Далайна, которой при ближайшем рассмотрении оказалось не больше тринадцати, держалась тем не менее с большим достоинством, и осанкой уже напоминала королеву.

– Да, это он послал меня. За вами.

– Спасибо! – это его за руку, на которой сидела малышка Мина погладила одна из десятилетних, – А я – Лизандра!

– Очень приятно, Лизандра.

Стали называть себя и остальные девочки. Конан приветливо – в меру сил! – улыбался, и кивал. Он, если честно, не

знал, как вести себя с детьми. Тем более – с девочками. Они же – не женщины из портовых и столичных городов, с которыми ему было привычно: система проста: «товар – деньги!»

Поэтому он и предложил всем идти скорее прямо к замку Павла Третьего: наверняка родные и близкие заложниц сейчас уже там. Его предложение было встречено с энтузиазмом: криками и плачем. Но уже – счастливым. Конан вздохнул:

– Ну, теперь вы все свободны, и эти коротышки больше никогда не появятся.

Хотя в Конане жила твёрдая уверенность, что кошмар Туринсии закончился, он не мог удержаться: раза три всё равно оглядывался на то место, откуда они «вышли».

Но оглядывались и девочки. Они и переговаривались, и вздыхали. Зябко подёргивали худенькими плечиками, и плакали. Нет, не взахлёб: слёзы просто текли из покрасневших и опухших глаз. Но они держали себя в руках: осанка – горделивая, плечи расправлены, походка величавая и плавная. А молодцы. Сразу видно: порода! Положение обязывает!

И – всё верно: в освобождение из унижительного плена, как и в то, что все мучения и унижения наконец позади, так просто поверить очень трудно!

Киммериец мог их понять: *такое* не скоро забудется!

Цвет лиц, которые сейчас похожи, скорее, на белёсое брюхо барракуд, изменится под лучами солнца, и перейдёт в здо-

ровый загар. Тела от полноценной, а не только мясной, диеты, быстро вновь наполнятся силой.

Но не скоро закончатся те кошмары, что наверняка ещё будут им сниться!..

Но кошмары – всего лишь сны. А вот с Королевством Воздуха и его воинами народ Турсинии наверняка распрощался навсегда!

Как и жители остальной Ойкумены, так и не узнавшие, какой опасности они подвергались. Если подумать: доведи проклятый Кепкуруй положение рычага своего Арегата до верхнего – и!..

Так что киммериец пришёл вовремя.

Но это и есть работа Конана: спасать и защищать!

И, если задуматься, получаемые за неё золото и прочие сокровища – не слишком хорошая плата. Ведь золото – слишком быстро тает, подобно тому, как только что растаяло Королевство Воздуха!

Нет – Конану нужно своё Королевство и корона!

И спасать и защищать он хочет – свой народ!

И свою королеву.

Любимую королеву!

Вам бы там не понравилось

Джон, или, как он предпочитал, чтоб его называли – Джо, МакДугал позволил себе немного расслабиться.

Всё-таки он преодолел уже половину пути. Маршрут налётан десятки раз. Приборы в порядке, горючего полно. До связи ещё минут пятнадцать. Заняться особенно нечем, а вот думать никто не запрещает – о чём угодно. Хотя...

Недаром же даже на их крохотной базе – трое психологов, и заботливо воссозданы девственный лес, поля, горы и прочее, пусть даже в виде фрагментов и кусочков...

Уж больно часто, видать, возникают у космонавтов проблемы – всё из-за тех же дум. О чём угодно.

С другой стороны – не музыку же им слушать?

Внезапно на пульте замигала лампочка вызова, и через секунду голос диспетчера заполнил крохотную кабину:

– Алло, алло, двести третий! Вызываю двести третий. Говорит диспетчер Коперника, как слышишь, Джо, приём?

Джо удивился, но не очень – иногда потребность поболтать, или убедиться, что всё в порядке у совершающих штатные рейсы пилотов, возникала и у диспетчеров – причём без каких-либо указаний свыше: всё же, чем чаще человека отвлекают от всё того же одиночества, тем...

– Я двести третий. Слышу вас хорошо. Что-то случилось,

Энди?

– Вот! По этому поводу и вызываю... – диспетчер прокашлялся. Кажется, ему было неловко.

– Джо. Ты сейчас должен пролетать около квадрата, – он назвал цифры. Джо посмотрел на дисплей, увеличил изображение своего курса, тоненьким чёрным пунктиром отображавшим положение модуля над проекцией лунной поверхности. Да, верно, названный квадрат недалеко, – Вроде бы, тебе уже должно быть видно всю его поверхность.

– Да, Коперник, вижу хорошо. Нормальная поверхность. Вижу летающую тарелку и двух зелёных человечков, вон – машут шестнадцатью руками... Ого, какие огромные, теперь они уже стучатся в иллюминатор!

– Ну, привет им. И скажи, чтоб иллюминаторы своей слизью больше не пачкали, – приколы про энлонавтов и пришельцев уже никого не удивляли, и свежестью в таких шуточках и не пахло. В голосе диспетчера даже и тени заинтересованности не проскользнуло. Да и вообще: эпоха, когда каждый второй фантастический рассказ повествовал о том, как на Луне нашли следы чертовых инопланетян, прошла лет сто пятьдесят назад... Время, время...

Джо про себя поухмылялся.

– Так вот, когда твои человечки отвалятся от иллюминатора, посмотри пожалуйста получше в северо-западном углу этого квадрата – там где-то с полчаса назад собирался сесть Эванс Голдблум...

Он что-то такое говорил про большой метеорит, упавший прямо на его глазах. Собирался ещё и спуститься, что-то его очень заинтересовало. Видишь что-нибудь?

МакДугал, успевший не торопясь навести за это время наружный монитор в указанное место, теперь увеличил изображение, и приблизил наездом сверкающую точку, которую сразу идентифицировал, как транспортную ракету – точно такую же, как и у него.

– Вижу. Ваша правда, вот его ракета – примите изображение. – он щёлкнул тумблером, и картинка с его монитора пошла в Коперник, – И что дальше? Чего он там потерял?

– Так вот это мы и хотели бы выяснить! Он сел, передал, что выходит наружу, после чего описал свой... поход к кратеру. Связь была паршивая, наверное, из-за поднятых взрывом микрочастиц грунта, но потом пропала и она. Мы знаем, конечно, что кислорода у него ещё на сутки, но что-то уж больно долго он молчит.

Сможешь сделать крюк, и посмотреть – где там он прохлаждается?

Вопросам безопасности даже при малейшей угрозе жизни человека на Луне всегда придавалось первоочередное значение. Мысль о том, что можно просто пролететь мимо, даже не возникла у Джо МакДугала. Тренированные пальцы быстро пробежали по клавиатуре, и вот уже бортовой компьютер вывел на экран новый курс, и предупреждение о манёвре. Бесшумно сработали двигатели, толчок оказался несиль-

ным, но прижал пилота к боковине кресла на несколько секунд.

– Коперник, Коперник, я повернул. Сейчас... э-э... минут через пять, буду прямо над ним.

– Отлично, двести третий. Извини, что оторвали, но лучше, сам знаешь – десять раз подстраховаться, чем один раз... Словом, посмотри, пожалуйста – где он там, и что с его ракетой.

– Без проблем. Сейчас я... Вот, у меня – максимальное увеличение. – изображение на мониторе наружной камеры скакнуло вперёд, автоматика навела резкость, и удерживала картинку во время манёвра. – Видите его?

– Нет. Ракету видно хорошо. Внешних повреждений не заметно. – диспетчер помолчал, раздался звук, словно он поворачивает кресло, чтобы что-то из аппаратуры ещё задействовать, потом голос вернулся, – Да, собственно, повреждённый ракеты быть и не должно... Он сказал, что сел нормально, и направляется прямо к кратеру. Детектор движения показывает полный ноль. Так что тебе придётся подождать, пока не будешь вертикально над ним – может, он в какой яме...

– Понял вас, Коперник. Ждите ещё две минуты.

Впрочем, и через две минуты никакого движения обнаружить не удалось. Камера показывала только новый – уж его не спутаешь! – кратер, с характерным выбросом породы.

Сразу стало ясно, что метеорит был небольшим – не больше нескольких килограмм – и врезался в поверхность прак-

тически вертикально.

Зато МакДугала очень заинтересовали странные концентрические трещины, довольно правильными кольцами разбегавшиеся вокруг этого кратера. Не слишком глубокие, они шли как бы пунктиром. Но выделить даже простым глазом три кольцевые формации было нетрудно.

– Коперник, вам видно? Скафандра Эванса нигде нет, разве что он забрался под брюхо своего модуля, и прячется специально. А я в это не верю: Эванс не стал бы играть в прятки, зная, что мы все будем беспокоиться... В трещинах тоже не спрячешься – они неширокие, дюймов, я думаю, по пятьдесят.

– Слышим хорошо, видим тоже. Джо, тебе придётся спуститься. Нужно проверить модуль – может, он внутри, но с ним что-то случилось, и он... не может сам послать СОС?

– Понял вас. Спускаюсь. Ждите.

Руки МакДугала снова запорхали над клавиатурой.

На этот раз вдавливание в кресло было куда сильнее, и толчки шли с разных сторон. Джо не вмешивался в работу автоматики, но руки держал на всякий случай у кнопок – на автопилота, как говорится, надейся, но и сам не плошай...

Впрочем, и манёвр и посадка прошли штатно. Уже через три минуты он смог отстегнуться и начать одевать скафандр.

Некоторые пилоты предпочитали, несмотря на огромную тяжесть и неудобство, таскать этот миниатюрный дом на себе во время всего полёта. Обычно этим грешили новички.

МакДугал же и большинство ветеранов ставили удобство работы выше крайне малого риска аварии от внезапной разгерметизации крохотной кабины, будь то метеорит, или утечка.

Это не было бесшабашной удалейю – до сих пор не случилось ни единого случая такой аварии. Зато два раза взрывались сами ракеты. Но в обеих этих случаях пилотов не спас и скафандр...

Длительный и сложный процесс занял у Джо пятнадцать минут – пока всё проверишь, подключишь, завинтишь, защелкнешь... Носить такую раковину моллюска на Земле было бы крайне утомительно: со всеми своими жизнеобеспечивающими системами скафандр весил около девяноста килограмм. Здесь же, на Луне, двигаться в нём не тяжело. Просто неудобно.

– Алло, Коперник! Я упаковался. Выхожу. – боком он двинулся по узкому проходу, отстегнув монументальные плечевые крепления, потирая ушибленное колено и чертыхаясь про себя.

– Понял. Удачи! Ждём. – беспокойства в голосе диспетчера не ощущалось. Да и правильно: Джо и так волновался, зачем же усиливать давление ещё и волнением человека, который сейчас помочь, если что – не дай Бог! – всё же случилось, всё равно не в состоянии. Разве что послать ещё ракету, которая долетит сюда часа за два...

За те две минуты, пока в крошечной – на два скафандра –

шлюзовой камере насосы откачивали воздух, Джо убедился, что шлем удалось прикрепить герметично, и ничего не свистит, и не горит красным. Наконец замигала лампочка готовности, и он ткнул здоровенную (под толстые сосиски пальцев перчаток) клавишу внешнего люка. Порядок.

Спуск по десяти ступенькам много времени не занял. Переход до модуля Эванса, находившегося в ста ярдах, тоже. Всё оборудование ракеты другого пилота работало нормально. Так что ещё через пять минут Джо мог с чистой совестью сказать:

– Коперник, Коперник. Звучит, конечно, глупо, но его здесь нет.

– То есть... Как это – нет?! Ты хочешь сказать – нет внутри ракеты?!

– Ну да. *Его нет внутри ракеты.* Я не представляю, где тут можно спрятаться, или что Эвансу пришла в голову дурацкая мысль – помистифицировать нас... Но здесь его уж точно нет.

– Поняли... Джо... Может, посмотришь теперь снаружи – вдруг какие-то из трещин всё же...

Ну, ты понимаешь: такого у нас никогда раньше... – диспетчер явно был растерян и напуган, он всё время пропадал – очевидно, поворачивался к кому-то на базе, обрисовывая ситуацию. Голос его при этом звучал глухо, и слова сливались в гул. Но и в этом гуле чувствовалось напряжение.

– Разумеется. Посмотрю. Мне самому непонятно. Я Эван-

са знал и лично. Тьфу ты, чёрт – знаю, я хотел сказать... Ну, не то, чтобы хорошо, а выделись, как всегда на пересылочных базах, раза четыре... Он никогда мне не казался шутником, или идиотом. Да у нас таких и не бывает. – МакДугал не преувеличивал. Вероятность того, что в космонавты попадёт человек со слабой или нестабильной психикой, или, мягко говоря, неумный шутник, была ничтожной. Годы подготовки и тестирования выбивали таких из игры ещё на начальных этапах отбора кандидатов.

Осмотр самой тонкой наружной серии трещин, идущих неровным кольцом примерно в пятидесяти ярдах от условного центра, ничего не дал, хотя Джо добросовестно обошёл почти весь внешний периметр намеченного как бы пунктиром стоярдового круга.

– Коперник... Здесь ничего нет. Трещины не шире двухтрёх дюймов. И длина отдельных не более трёх ярдов... Зато вижу следы ботинок Эванса – вон, он здесь проходил. И ходил. Так же, как и я – по периметру. Вам видно? – Джо подрегулировал завалившуюся за спину наплечную камеру.

– Да, вот теперь видно хорошо. Может, ты попробуешь пройти... по его следам?

– Хм! Хорошая идея! Попробую. – действительно, на участках, засыпанных мелким реголитом хотя бы на долю дюйма, следы человека в скафандре отпечатались отчётливо.

Теперь МакДугал двигался уверенней, и в то же время чаще оглядываясь по сторонам.

Цепочка следов привела его ко второму кольцу трещин – диаметр его был около шестидесяти ярдов, и глубина трещин, уже почти сливавшихся в одну большую, достигала не нескольких дюймов, как в первом кольце, а пары футов. Ширина, впрочем, всё же не превышала трёх-четырёх дюймов. Видно было, что эту сеть трещин Эванс даже не удосужился осмотреть, сразу переступив границы кольца.

– Коперник! Эванс прошёл дальше, даже не осматривая второе... э-э... кольцо. Я вот думаю, может, он уже понял... Понял, чего ищет... Или – что нашёл!

– Чего нашёл?! Джо, что ты имеешь в виду? – напряжение в голосе диспетчера теперь скрыть не удавалось. Да Джо и сам почувствовал какое-то смутное волнение. Подсознательно он уже был готов к тому, что произошло... Внештатная ситуация, как это называют демагоги...

А на самом деле – самый страшный кошмар космонавтов.
Неизведанное.

Чужое.

И вот его Порог.

Облизав губы, и поняв, что молчать не в силах, он выдал:

– Эта штука... Она слишком похожа на искусственный... Курган, что ли... Или трехступенчатую пирамиду. Только круглую. И когда по её макушке треснул метеор, она проступила: вон, я вижу три яруса! Внутренние чуть выше, то есть, ближе к поверхности... Поэтому и трещины глубже, и очер-

чены они чётче. Последняя – диаметром ярдов тридцать... Следы... Вам видно? – ему подтвердили, что да, – подходят к последнему кольцу, переходят туда... и... Вам видно?!

Ещё бы им не видно – камера равнодушно показывает, как следы ведут прямо к центру последнего кольца, уже очень чётко обозначенному почти футовыми трещинами, вернее, уже разломами с трёх-пятифутовой глубиной, и там... Обрываются. Исчезают.

– Подожди-ка... – сомнение ещё сквозило в тоне испуганного человека на другой стороне Земного спутника, – Покажи поближе эти... разломы: может, в глубине есть... ну, расширения, типа, пещеры?..

Джо добросовестно обошёл по периметру последнее кольцо, направив камеру точно в разлом. Конечно, никаких «пещер». Породы тоже – типично лунные. Абсолютно не похоже, что кто-то здесь вырыл котлован, построил сооружение титанических размеров, а затем сверху засыпал вынутым реголитом...

Ничего подобного: порода везде была сплошной, цельной и явно неповреждённой – словно чёртова штуковина внизу просто... Находилась здесь всегда. И пережила разливы лунных вулканов с их лавами, ещё в тот, ранний, период формирования коры любимого спутника.

– Коперник. Вот, я приблизился и сел, – он опустился на колени, хоть в громоздкой конструкции это было крайне неудобно, – Породы – вам видно? – монолитны. Скала идёт

сплошная. То есть, я хочу сказать, что никто эту штуку, похоже, не засыпал гравием от котлована, как было бы, если бы строили что-то мы... Эти чёртовы трещины и возникли из-за того, что над ними – монолитная сплошная порода! – он поводит камерой вверх-вниз и в бока, чтобы дать картинку самой глубокой и широкой части трещины получше. – Сама пирамида, похоже, словно выросла в коренную породу...

– Понимаю. То есть, ты хочешь сказать, ей, как и следам последней вулканической активности на Луне, не менее... Г-м-м... Трёх с половиной миллиардов лет?

– Ничего я не хочу сказать. Я не геолог. (Ну, тут он немного лукавил – подготовительный краткий курс входил в программу для *всех* работающих на Луне.) Но точно определить возраст... Можно только анализами – анализами из этих трещин. Вот я и думаю – взять, что ли, образцы? Или пусть на месте уже геологи смотрят?

– Джо! Возьми образцы. Прямо сейчас возьми. И – иди к центру. Посмотри там получше...

Джо раскрыл клапан на бедре, достал цилиндрик контейнера, всегда хранившегося в каждом скафандре. Привычные действия хоть как-то успокаивали.

Он это знал, так же, как и диспетчер... Да и все остальные, кто сейчас обступил главный пульт связи там, на базе, и сейчас замолчал, чтобы он хоть немного успокоился. Видит Бог, в такой ситуации хочется или проснуться, или передохнуть.

Он прилёг на край разлома, и пошарил в какой-то нише,

уступом выдающейся из общей стены. Пару камушков удалось зацепить, и переложить в контейнер. Завинтив, он зачихал его на место. Потом встал. Предстояло самое трудное.

То, что он как-то инстинктивно отложил на потом.

Но сделать это придётся. Ведь не мог же Эванс взять – и испариться! Должны быть следы. Вдруг это всё же – дурацкий розыгрыш?! Первый за пятьдесят лет глобального освоения спутника Земли...

Медленно двигаясь по отчётливо видимым следам, Джо старался и всем людям, кто, как он знал, пытливно вглядываются в мониторы сейчас там, на базе Коперник, нужны они там по ситуации, или просто волнуются – показать всё лучше.

Вот Эванс здесь перешагнул, никуда не сворачивая, последний разлом над внутренним, тридцатиярдовым, кругом на поверхности. Вот он... подходит к его центру.

Вот...

Центр. Геометрический. И здесь след – как в воду канул.

Видны шаги: по мере приближения расстояние между следами становится всё меньше. Очевидно, Эванс что-то уже предполагает. И вот – уже с этими предположениями – он натоптал немного на границе... – чего?! – и... заходит.

Напряжённое молчание в эфире показывало Джо, что все боятся. Боятся поверить в то, что фиксируют равнодушные камеры. Никто не хочет высказаться первым. Все словно ждут – кто?..

Кто выскажет то, что сейчас повергает таких обычно трезвых и прагматичных квалифицированнейших специалистов в шок. Вот оно – Неведомое...

Повинуясь какому-то внутреннему голосу, Джо осмотрелся внимательней. Подошёл, взгляделся получше в окружающую пыль. Ага – есть. След от перчатки недвусмысленно сказал ему, *что* сделал его предшественник.

Ну тогда и он не отстанет от Эванса – попробует. Он зачерпнул полную горсть...

– Внимание, Коперник. Я собираюсь кое-что попробовать... Отойду только подальше. Смотрите – может что-то заметим! – Джо отошёл, неуклюже пятясь, на пару шагов, и кинул вверх.

Облако неопределённых очертаний полетело к центру кратера. Видно, всё, действительно, оказалось неплохо.

В центре обрисовался силуэт как бы высокого цилиндра – диаметром ярда полтора-два, и неизвестной пока высоты. В нём пыли не оказалось – она... Исчезала по мере подлёта пылинок.

– Да!.. – голоса были слышны негромко, но за всех высказался диспетчер, – Джо, видим отлично! Вот это да! Цилиндр! И там всё исчезает! – и, спустя небольшую паузу и нового гула голосов, – Джо! Ни в коем случае не подходи к границе этой штуки ближе, чем на пару ярдов! Мало ли...

Джо пропустил эти ценные указания, равно как и те, что в большом количестве последовали за ними, мимо ушей. Мед-

ленно, осторожно, он подошёл туда, где, как запомнил, был внешний край этого...

Пыль уже осела – ещё бы, без атмосферы всё падает сразу, и только чуть более замедленно, всё из-за того же в шесть раз ослабленной силы тяжести.

Зачерпнув и бросив ещё пару горстей, он очень ясно увидел границу. Прошёл по периметру, чертя в пыли носком ботинка, а затем и углубив получившуюся канавку лезвием аварийной лопатки. Получился круг, чуть побольше двух ярдов в диаметре.

Отрешившись от гула, стоявшего теперь в эфире, Джо выбрал камень побольше. Да, легко можно заметить, что и Эванс что-то здесь подбирал – имелась парочка характерных впадин.

Велев всем заткнуться, поскольку уже слегка раздражали, он, стоя ещё за границей очерченного периметра, стал медленно, и так, чтобы камень был в поле зрения наплечной камеры, вдвигать руку с ним в пределы уже вновь невидимого цилиндра.

Когда камень, по его прикидкам, оказался за гранью, он... Разжал пальцы.

Камень исчез.

Внезапно, без вспышек, кувырканий, или ещё каких-то явлений. Просто исчез.

Молча Джо повернулся и пошёл к своей ракете. Что бы он не думал по поводу случившегося, он держал это при себе.

Лавину голосов и эмоций в наушниках он снова игнорировал.

И назад не оглянулся ни разу.

Я сразу понял, что ЭТО такое.

Артефакт, созданный руками внеземных Цивилизаций.

Однако я решил пока не показывать его своему диспетчеру – иначе невозможно будет осмотреть всё это не торопясь, и в спокойной обстановке.

Да и там, куда я вёз детали автоклава, на базе Циолковского, прекрасно обойдутся без них ещё пару часов. Если не дней, или недель. Пищевые концентраты в трюме надеюсь, тоже не испортятся.

Однако мне пришлось сесть подальше, чтоб не угодить во всё ещё висящее над поверхностью облако пыли. Нет, воздуха, конечно, на Луне нет, так что более-менее крупные обломки уже попадали вниз. Но вот мелочь всякая упорно цеплялась за те пары и газы, которые всё-таки остаются у самой поверхности даже такого мелкого небесного тела, как любимый спутник.

Вспышка от взрыва метеорита, конечно, поразила: наблюдать её так близко, и практически с самого начала – захватывающее зрелище. Жаль, что здесь не как у Лукаса в «Звёздных войнах» – при взрывах ничто не бабахает... Но – красиво. Этого не отнять.

Трещины куда чётче проявились позже – когда пыль уже

осела на поверхность.

Пришлось попридержать язык-то, и сказать диспетчеру лишь самое необходимое: ведь нужно хоть как-то оправдать моё будущее опоздание. Безопасности здесь, у нас, придаётся первостепенное значение. И это – правильно. Нет ничего ценнее, чем человеческая жизнь. А здесь, в чудовищно враждебной всему живому внеземной среде, это ощущается столь остро, что...

Словом, я сказал, что хочу осмотреть место падения.

Вытерпев все необходимые рывки, толчки и вопросы, оказался, наконец, внизу.

Хуже всего с этим проклятушим скафандром. Он у меня как заговорённый. В прошлый раз, когда при посадке сорвало основную антенну, и пришлось регулировать и настраивать её и маршевые дюзы, у меня испортился мочеприёмник. А не слишком приятно ощущать на ноге, а затем и в ботинке, пусть свою, пусть тёплую, но... И потом чувствовать, как она ещё и хлюпает при каждом шаге. А в позапрошлый раз проблемы были с микрофоном. Я диспетчеров слышу отлично, а они всё время переспрашивают: – «А-а?.. Что?..» – оказалось, чёртова мембрана склеилась с корпусом – от паров. А пары выделились из-за моего позапозапрошлого насморка...

Короче, одевание этого сундука вызывает у меня, как у собак Павлова, зубодробительно-кожночесоточный рефлекс.

Приближался я к первой трещине так, как мы все здесь обычно ходим – боком и больше подпрыгивая. Благо, по-

верхность оказалась ровная.

Вот и она, родимая. Сразу становится ясно, что эта, наружная грань Кургана (как я сразу его для себя назвал) и самая глубоко расположенная. Но я добросовестно прошёл по всему периметру – вдруг найду чего интересного... Как бы не так.

Вторая трещина, конечно, была и пошире, и поглубже. Но её я просто перешагнул.

Третья показала мне сразу очень много. А ещё о большем заставила задуматься.

Стенки состояли явно из коренных лунных пород. Ничего похожего на засыпку предварительно вынутой, местной же, породой, как было бы, если бы такое сооружение строили мы. Люди.

То есть, впечатление складывалось такое, что Курган и не засыпали вовсе – он словно составлял одно целое с материнской породой.

Я, конечно, не геолог, хоть и проходил, так сказать, первичный курс. (Это у нас для всех обязательно. Входит в методику выживания в экстремальных... и проч.) Если же предположить, что его строили изнутри... То есть, из-под поверхности – кверху...

Это уже вообще ерунда! Нереально – выкопать что-то, и затем вставить на место выкопанного такую здоровенную штукину – да так, чтоб на поверхности не осталось никаких следов... Ну не бредятина ли?

Нет, будь эти инопланетяне хоть семи пядей во лбу – от законов физики и геологии и им никуда не деться. Так что остаётся предположить самое реальное: Кургану миллиарды лет. Он стоит здесь не меньше трёх-четырёх этих самых миллиардов, с тех самых пор, когда прекратилось на Луне время извержений и подвижек внешней коры, пока её внутренности ещё были расплавленными...

Вот одним из таких лавовых потоков это сооружение и залило тогда. Иначе никак не стыкуется.

Хм. Теперь по поводу места. Выбрано, конечно, недурно. То есть, выбирал не идиот – это ясно каждому. Здесь, на плоской и гигантской равнине моря Бурь, вдали от всяких гор и вспучиваний, навредить Кургану можно было бы только действительно, вот таким редким и уникальным явлением, как разливом лавы – что крайне маловероятно из-за его удалённости от бывших вулканов, или... Ударом огромного метеорита.

Впрочем, возможно в прошлом, как раз в период своей бытности на поверхности, наверное, у него существовала какая-нибудь система активной противометеоритной защиты... О! А кто мне сказал, что её и сейчас нет?! Эх, куда меня занесло.

Но чтобы быть поспокойней, я выбрал камень побольше, да и кинул туда, во внутренний круг, поближе к шестиярдовой свеженькой воронке.

Порядок. Пошёл я туда, куда докатился, подпрыгивая,

словно на поверхности воды, оставляя, однако, практически вечные следы, мой камушек. Вот я и у кратера.

Ух ты!.. А почва-то ещё не остыла: я чувствовал излучение даже сквозь толстые подошвы. Отойду-ка от греха. А то как бы пластик моего горячо любимого скафандра не пострадал...

Впрочем, кратер меня как раз разочаровал – был он обычным, как безвкусная дистиллированная вода со строго дозированной нормой солей в питьевом бачке, и банальным, как назойливые вопросы диспетчера. Я предпочитал пока отмалчиваться, ссылаясь на плохую слышимость.

Следующий камень я, на всякий случай, всё-таки кинул. По направлению к центру всей формации. И в первую секунду настолько удивился, что даже дышать забыл.

Теперь я уж зачерпнул полную горсть пыли, и бросил её вперёд, к центру, и вверх: мало ли...

Точно. Обозначился как бы огромный цилиндр. Диаметр футов четыре-пять, а в высоту... пока не определил. Определил после второй порции пыли: ага, ярдов пять, или чуть больше! А сверху осколки пролетели, как ни в чём ни бывало.

Теперь я медленно и уже передом, приблизился к границе ноль-перехода, как я его себе назвал. Поискав глазами, подобрал ещё камушек. Осторожно, боком, вдвинул руку в границы... Не знаю как и назвать – зоны... Исчезновения?..

Разжал пальцы. Ага!

Камень исчез. Ох, и умная система. Пока булыжник состоял в тесном контакте с моей перчаткой, он воспринимался, очевидно, как одно целое с рукой. Но как только обнаружилось, что он – сам по себе, и уже полностью в зоне ноль-перехода, он сразу и был...

Перемещён!

А ещё, как ни странно, в этот момент я подумал: вот уж повезло, так повезло!

Вероятность того, что метеорит попадёт в залитый слоем лавы Курган, микроскопически мала – на такой-то гигантской равнине. А уж на то, что я окажусь рядом в этот момент, и вовсе шансов быть не могло...

Однако – случилось. В этом я увидел «перст Судьбы». Вот я какой избранный. Хе-хе...

Но сподвигло меня на глупый поступок не это. Пораскинув мозгом, (есть у меня и такой механизм) я решил, что это – просто лифт. Лифт, ведущий вовнутрь. Ведь должны же были инопланетяне, раз уж они осваивали просторы Луны, где-то жить.

Вот, это и есть их База. И попасть туда, и выбраться обратно, наверное, легко и просто. И если я осмелюсь... Мне ничто не угрожает.

Другой вопрос – осмелюсь ли я...

И я имел храбрость, или глупость – называйте как хотите: и так и так будет правильно! – сделать то, что должен был сделать по логике вещей.

О связи с диспетчером я и не думал: ведь должен же быть и выход, раз есть вход! Осмотрюсь там быстренько (Наивно, да?!) да выйду обратно...

Ну а если не выйду сразу, выйду, значит, позже: я же космонавт, мы – находчивейшие и подготовленнейшие специалисты. В любой области.

А уж если – тьфу-тьфу! – что-то меня задержит уж совсем надолго, я знал, что через часок-другой мимо полетит старина Джо, и ему прикажут посмотреть. А уж за Джо можно головой поручиться: более трезвомыслящего и консервативного ветерана невозможно найти. Он-то никакими глупостями не балуется, на новинки не кидается. У него даже мобильник – до сих пор с сенсорным экраном.

Вот утешив себя всеми этими мудрыми мыслями, я и сделал ШАГ вперёд.

Как сказал в примерно такой же ситуации незабвенный Нейл Армстронг – «Всего один шаг для человека, и огромный скачок для всего Человечества!»

Ну, или типа того.

Невероятно! Я и вправду попал вовнутрь.

Тут стоял полумрак. Правильней сказать, почти полный мрак. Ещё бы – небось аккумуляторы совсем сдохли... Впрочем о чём это я – какие, к чертям, аккумуляторы за три-то с лишним миллиарда лет!

А затем я понял, что удивляться-то надо как раз тому, что

хоть какое-то освещение тут есть. И ноль-переход работает – а уж он-то, наверное, жрёт чёртову уйму энергии.

Но это я уже потом подумал, а пока мне пришлось сохранять равновесие, чтоб не клюнуть носом – я медленно упал с высоты около фута. Ага. Понятно и это. Ведь все люди разного роста – и вот *так* сделано, чтобы слишком длинным не пообрезало ноги...

Блин. О чём это я? Какие, на фиг, *ноги*? Откуда я знаю, что они похожи на нас? Хотя... Вот, скажем, со зрением – вижу же я что-то. Значит, диапазоны хоть где-то совпадают. И потребность в свете у них есть. Следовательно есть и глаза. Или что-то похожее.

Уже легче.

Я сдвинул с лобового стекла светофильтры – первый и второй. Ну вот. Так гораздо лучше: пусть не всё, но видно.

В первую очередь посмотрел я под ноги. Ага. Это лежит мой последний камень. А вот...

А вот предыдущий. И он вдруг – раз! – и исчез. А-а... понятно. Система автоматической очистки.

Ну правильно, а то здесь бы было полно всякого мусора – обломков, пылики...

Пока я пялился к себе под ноги, выяснилось, что второй камень тоже... Исчерпал временной лимит, и оказался *удалён*.

Поскольку я собирался ещё побыть внутри, я сразу сделал с площадки шаг в сторону.

Правильней сказать – попытался сделать. После этого я приземлился на руки, благо, сила тяжести маленькая, успел выставить их... Пощупаем...

Вон оно в чём дело: вокруг площадки идёт кольцевой невидимый бордюр из какого-то поля – высотой фута два, и толщиной в пару дюймов. Об него-то я так шикарно и споткнулся.

А если ещё хорошо подумать, и не выпендриваться, какие все космонавты умные да подготовленные, я должен был ещё до того, как позорно грохнулся, догадаться о существовании чего-то такого: иначе как гарантировать, что попадающие сюда случайно неживые предметы не раскатятся по всему полу?!

Ладно, лежать хорошо, но вставать надо. Меня ждёт работа.

Ведь её как ни назови – а всё равно работа: разведать, что тут и как, да и переместиться обратно на поверхность. А то наши все будут и впрямь волноваться. Так что у меня около получаса.

Попробовал на всякий случай связаться с Коперником. Ага, два раза – всё наверняка поглощается стенами. Ну, если они три с лишним миллиарда лет простояли, про такие мелочи как надежность, прочность, и экранирование вредных излучений, и говорить нет смысла.

Включил я наплечную камеру и фонарь подсветки: засниму-ка здесь всё для истории...

Для начала провёл объективом по пещере – для общей, так сказать, картины. Ничего, приличная пещера. Ярдов семи-восьми в высоту, и около пятнадцати в диаметре.

Значит, логично предположить, что я – в верхней камере Кургана, и толщина стен не меньше шести-семи ярдов... Вот уж построено действительно, не на века, а на миллиардолетия.

Рассеянный голубоватый свет лился из полусферического колпака, обращённого плоской стороной вниз, и висящего в трёх ярдах от пола. Впрочем, вру – не пола: под колпаком была тоже площадка – её металлический диск выступал на пару дюймов из серого монолитного основания. Диаметр и колпака и площадки под ним тоже составлял ярда три. Хорошо. Значит, и основные размеры тела у нас с ними почти совпадают – ведь наверняка они всё сделали с запасом.

Обошёл я с камерой весь круглый зал по периметру: снимал всё, как заправский репортёр.

Круглая гладкая стена, очень ровно... отштукатуренная, что ли? – цвет какой-то... Серо-розовый. Материал... Уж больно похож на самый банальный бетон.

Прошёл полкруга, осматривая стену, пол и потолок. В ярде от стены, напротив входной площадки обнаружил ещё одну, маленькую – такую же, как и первая. Но – тут металл площадки был немного утоплен под поверхность пола. Очевидно, чтобы не перепутать: входная-то была повыше пола, как и центральная – дюйма на два.

Интересно. Логично предположить, что раз там – вход, то здесь... Выход?

Впрочем, вряд ли. Если рассудить всё тем же мозгом, выйти отсюда можно прекрасно и через вход! Ведь камни-то он явно убирает туда, откуда они взялись, то есть, на поверхность. Следовательно здесь – либо лифты на нижние уровни Кургана, либо... Тоже лифты, но уже – в другие Курганы здесь же, на Луне. Исходя из этой логики, остаётся предположить, что Большая площадка тогда... Переносит на другие планеты нашей родной и любимой Солнечной Системы!

Вот что значит Логика!

Брехня. Я почуял всё то, что почуял, ещё до того, как обосновал это логически.

Просто – словно знал... Так что здесь сработала интуиция, а уж потом я подкрепил её, по мере возможности, своими домыслами. А хорошо бы – подкрепить и доказательствами!

Сейчас попробуем.

Подойдя к центральной площадке с её колпаком, я снял крупным планом две кнопки, что торчали из её поверхности на примерно на полдюйма. Одна оказалась красной, и круглой. Другая чёрной, и квадратной. Диаметр первой был с дюйм, так же, как и поперечник второй.

Что же это?.. Надо ли понимать так, что функцией этих кнопок является приведение системы межпланетного переноса в действие? Ну, собственно, правильно – защита от ду-

рака.

Или от случайностей. Приятно, что инженеры везде инженеры. Радует и тот факт, что цвета, похоже, и у них служат определённым целям. А на всякий случай (Или – для дальтоников и... других существ?!) сделаны и различия в форме кнопок. Уж тут, как говорится, ни – вот именно, дальтоник, ни осьминог какой, не перепутает!

Поднявшись с колен, я отвёл камеру подальше, решив, что снял кнопки достаточно подробно. Поднял камеру и голову к дну полусферы.

Вот это да!

Если это – не инструкция по пользованию, то я – китайский император! Вот только теперь надо найти, где у этой... надписи... Верх!

Ага, вот так наверное. Надпись, если позволительно назвать её так, состояла из пятнадцати строк. В первой, или верхней, строке было всего два иероглифа... Или это – пиктограммы?

Плевать на сложности археологов, лингвистов и семантиков, я видел то, что назвал для себя так: одно кольцо и одна вертикальная черта. В следующей строке было два кольца и две вертикальных черты. В третьей – три кольца, а дальше – три вертикальные черты.

Четвёртая была поинтересней: здесь после трёх же колец находилась... назовём её – жирная круглая и глубокая впадина. А после них – уже четыре вертикальных черты.

Пятая строка заинтриговала меня окончательно: четыре кольца и пять вертикальных черт.

Шестая – пять колец... и шесть черт.

Седьмая – шесть колец, четыре жирных впадины, и... семь черт.

Да чтоб я провалился, если понимаю, о чём идёт речь!..

А ведь, вроде, инструкции на таком оборудовании должны быть предельно простыми и ясными! В чём дело? Где – хоть какая-нибудь последовательность?!

В нижних строках число колец и жирных точек нарастало, изменяясь, впрочем, без всякой доступной мне системы. А вот число чёрточек росло строго арифметически – сколько в предыдущей строке, плюс одна. И отделялись они, то есть, чёрточки, от остальных пиктограмм, длинной, во всю высоту таблицы, вертикальной чертой... Хм-м-м...

То есть, по-смыслу, они от остального отделены.

А, может, так и есть – это просто числительные? Ведь обозначали же точками и палочками цифры древние майя?

Пониже этих пятнадцати строк шла ещё одна, жирная, как бы подводящая итог, черта, и стояли три кольца и жирная круглая впадина. А вот вертикальных черт здесь не было.

В тщетной попытке улучшить соображательные способности традиционным способом, я сильно треснул перчаткой о затылочную часть гермошлема.

Нет. Не может быть, чтобы я не смог понять... Задача заведомо решается – нужно только выявить ключ. Вот. Ес-

ли предположить, что это – транспортное устройство, оно должно перемещать наших друзей, находившихся тут чёртову бездну времени назад, в любое нужное место осваиваемой ими тогда солнечной системы. Теоретически так.

Значит, следующим шагом будет предположить, что можно из любого... вот такого – Кургана, иметь возможность. Хм... Скажем так – задать координаты уже построенного и работающего в этой системе Кургана-Базы, и привести механизм в действие.

А мы что здесь имеем? Колпак и площадку перемещения, и... Механизмы управления. В виде кнопок! Вот как я всё вычислил. Лихо. Аж самого в дрожь кидает. Значит, одна из кнопок служит для набора нужной комбинации... А другая – активирует сам ноль-перенос.

Тогда... Логично предположить, что нарастающие строго по порядку чёрточки – число, скажем так – нажатий кнопки координат. А иероглифы напротив – место, куда будет осуществлён перенос. Н-да... Интересно. Но тогда, по этой же логике – нужно указание, где я сам-то (Ну, то есть, пользователь!) нахожусь сейчас. И вот – нате! – жутко логично вытекает, что это и есть непонятная пиктограмма под итоговой чертой внизу!

Три кольца – обозначают, возможно, третью от центрального светила планету. А впадина – не что иное, как... Спутник этой самой планеты. Отлично. Вот и Луна! А если посмотреть выше, мы в четвёртой строке себя и увидим – мы

тут, и попасть к нам можно, если задать координаты четырьмя нажатиями... А теперь вопрос – которой из кнопок?!

Ну что, осмелюсь ли я проверить то, что подобно Шерлоку Холмсу, вычислил, или?.. Или просто вернусь обратно на поверхность? Кстати, не пора ли? Диспетчер будет волноваться.

А, ничего. Оказывается, я здесь всего пятнадцать минут. Можно ещё немного побыть.

Вот хотя бы ради того, чтобы поразмыслить: что это за странная строка – шестая? Уж не хотят ли они сказать, что могли высаживаться прямо на Юпитере?! Ведь впадин-спутников нет. А на поверхности газового гиганта не то, что Базу построить, а и находиться нельзя – раздавит давлением атмосферы, и чудовищной гравитацией!

Хотя, если подумать, и на Венеру сейчас опасно так перемещаться, пусть сила тяжести там почти как на Земле, а вот давление и температурка ядовитой атмосферы... Б-р-р! Это какой же скафандр надо!

Чёрт! О чём это я – три миллиарда лет назад на Венере, (Как, впрочем, и на Земле!) атмосфера была такая, что без скафандра всё равно ходить было нельзя. И не из-за давления вовсе, а из-за отсутствия кислорода. Поэтому логичней всё же предположить, что никакой это, разумеется, не Юпитер, (вон он, в следующей строке, и, конечно, не сам, а только его спутники!) а наш старый добрый друг *Фазтон*!

Значит, был-таки он в нашей системе на месте пояса асте-

роидов...

Ох, интересно – а куда же делся при его крушении местный Курган?!..

И работает ли его механизм? За целостность я не беспокоюсь – тут явно не повредишь этим стенам и взрывом ядерной бомбы. А вот за положение в пространстве... Ну и задачка для будущих исследователей.

А вот задачка и для меня. Определить, которая из кнопок – задатчица координат.

Рискнём? Рассуждаем так. У нас, гуманоидов, красный цвет – предупреждение. Или выключатель. Чёрный, соответственно – выключатель. А, значит, и задатчик. Попробовать, что ли?..

Захожу под колпак. Включаю диктофон. Коротко описываю, куда попал, что увидел, и какие выводы сделал. Так и сказал, мол, одно нажатие – Меркурий, два – Венера, три – Земля...

– А сейчас, – говорю, – Собираюсь провести контрольный эксперимент: нажму для начала три раза квадратную кнопку, а потом – красную круглую. Чтобы попасть, стало быть, на родимую планету. Уж её, милую, по гравитации определю с закрытыми глазами. Ну, с Богом!

Можно, конечно, было и ногой – ну, то есть, подошвой – нажимать.

Но – не-е-ет. Опускаюсь на колени, и пальцем в толстой перчатке чётко и сильно нажимаю три раза на чёрный квад-

рат – вот уж, когда не к месту вспомнил знаменитую одноимённую картину! – порядок.

В смысле, ничего, вроде, не произошло. Значит, будем надеяться, что я пока прав, и остаётся только... Привести механизм в действие.

Ох, тяжело это мне далось, несмотря на всю напускную самоуверенность.

А ну как энергии не хватит на такой перенос? И рассеюсь я в Пространстве мириадами атомов: от Луны до родимой планеты... Нет, так не годится. Негативное мышление. Нужно попробовать – хотя бы ради тех, кто придёт после меня. Чтобы им было легче – чтобы могли опереться на мои данные и выводы.

Нажал.

Точно!!! Ура!!! Вот она, Родимая – навалилась на плечи! Всем дурацким и горячо любимым «Ж»! А тяжеленько... Двигаться, в-смысле.

Да, это вам не Луна какая-нибудь! Хорошо, что стоял на коленях – хоть руками упёрся в пол. Вернее, в металл площадки. Встать пока тяжеловато, а вот смотреть мне никто не запретит – поднимаю голову.

Да! Да, да, ДА! Под итоговой чертой – заветные три кругляшка. Третья планета. Дом.

Вспомнив, диктую, что сделал, и что получил, на молчаливый диктофон. Порядок. Теперь можно и обратно двигать. Впрочем – что за чушь я порю?! Зачем – обратно?!

Я же дома! На Земле. И я – Я! – первым попал на неё столь невероятным способом!!!

Фантастика! Сказка! Причём – во плоти. Прямо голова кругом идет от... Счастья?..

Ну так и вперед – выйду через входную площадку, и всем сразу расскажу!

Уж от такого факта откреститься будет никак невозможно. Или, скажем, скрыть – если наши милые, наложившие тут на всё лапку, Секретные Ведомства и Службы надумают всё как всегда напрочь засекретить, и утаить от широкой Общественности – как утаивают даже нахождение тектитов в виде обнажённых женщин...

Фиг вот вам, дорогие Агенты. Пусть ЭТО станет известно всем. И плевать мне на подписку о неразглашении и т. п... Шутки шутками, а, наверное, приятно будет стать ПЕРВЫМ человеком, подарившим Людям ноль-перенос! Да ещё при каких обстоятельствах!..

С этими немного сумасшедшими и наглыми мыслями, словно пьяный, я и шагнул на площадку входа-выхода. Сработала она сразу. Не ждала три минуты, как для выноса мусора. Но разобраться с этим я не успел. Да и ни с чем другим тоже.

Сразу почувствовал, что опять падаю. Решил было, что опять – не больше фута.

Оказалось – нет. Куда больше.

Летел я долго, и в темноте – может, это произошло на ноч-

ной стороне?..

Ох, как это мне *не понравилось!!!*

Ведь вполне может оказаться, что из-за разрушений всё той же земной коры всякой водно-ветровой эрозией место выхода теперь... Высоко в воздухе?!.. И я сейчас?!..

А всё – проклятые самонадеянность и амбиции!!!

«Подарить» мне захотелось!

Болван!!!

Говорят, что перед смертью перед человеком проходит вся его жизнь.

И точно...

Так и было.

Вержбовски нетерпеливо посмотрел направо.

Там единственный лунный бульдозер деловито выволакивал на поверхность очередную порцию взорванной породы. Сделано было до обидного мало, и макушка верхней грани пирамиды-кургана оставалась полностью очищена лишь в юго-западном секторе. Залегала она, как и предполагали геологи на основе данных сейсмозондирования, не глубже шести ярдов от основной поверхности старого лавового потока.

Каким же стойким должен быть материал, если за все эти жуткие миллиардолетия устоял и перед лавой, с её тысячей двумястами градусов, и перед стужей ежемесячной ночи, (с – минус сто пятьдесят!) и никаких следов выветривания (ну,

это понятно: нет ветра, ха-ха...), или выкрашивания, не наблюдается!

Поэтому решение дробить покрывающие лавовые слои с помощью обычных взрывов представлялось теперь вполне обоснованным, и наибоыстрейшим.

С вопросом, почему же Курган сам не убрал эти слои над колодцем ноль-перехода, теперь было всё вполне ясно: поскольку они, будучи расплавленными, шли сплошным потоком, и не дробились на отдельные камни, он и не мог их убрать – основная масса потока всё время располагалась снаружи колодца. А на такое даже инопланетная техника не была рассчитана.

Поэтому оставалось только удивляться: каким это чудом инопланетяне сделали верхнюю границу поля колодца столь высоко – в добрых десяти ярдах над верхней кромкой. Если бы не это, так бы и не нашёл Эванс главной опасности. Впрочем, как и главной загадки этого... Артефакта.

Уже третью неделю продолжались работы на объекте «Курган», а почти ничего конкретного они так и не узнали. Даже не определили точно (а не с приближением в пять-десять ярдов) размеры и высоту замечательного сооружения.

Оглянувшись на круглые палатки временного объединённого Лагеря, Майкл усмехнулся: вон, налетели, как мухи на... Здесь и русские, и англичане, и японцы, и китайцы... Есть даже индийцы – даром, что в космос вышли только в позапрошлом году. С одной стороны, конечно, жаль, что

скрыть от широкой общественности такую стратегически важную штуковину не удалось.

Наверняка руководство там, в Хьюстоне, Пентагоне, Лэнгли, АНБ, и все прочие любители поиграться в «стратегические секреты» и «баланс мировых сил», кусают локти, и гнусно матерятся... С другой стороны сами договорились: Луна – зона международных интересов и делёжке не подлежит. А скрыть радиопереговоры абсолютно нереально.

Разумеется, в сотрудничестве с этими самыми силовыми ведомствами есть и положительные моменты: предоставленный военной разведкой самоуправляемый робот, обвешанный спешно присобаченными вместо пулемётно-миномётных стволов, телекамерами и микрофонами, довольно неплохо показал, что из себя представляет внутренность хотя бы верхней камеры Кургана. Пока его оттуда не выперло...

В ремонтном ангаре теперь его «останки» – неудачно грохнулся с высоты в пятнадцать футов. Зато хоть отснятый материал сохранился весь. Правда, куда больше полезного они извлекли из просмотра и комментариев материалов из скафандра несчастного Эванса.

Вот не повезло бедняге. Надо же было так случиться: падал он явно с высоты не меньше полукилометра! А поскольку происходило это в Большом Каньоне, (Ещё бы – древнейшая континентальная формация! Жаль только, что река Колорадо не знала, что *там* протачивать своё ложе нельзя!) ни

спасти его, ни даже обнаружить сразу не смогли.

Собственно, в любом случае то, что он погиб хотя бы на родной планете, подтвердив невероятный факт существования ноль-переноса, вряд ли бедолагу Эванса мог утешить.

Удивительно, что всё же кто-то догадался попробовать поискать его маячок на Земле.

Впрочем, этого спеца из Лэнгли им никогда не представят: он категорически отказался лететь куда бы то ни было... А жаль. Человек, судя по-всему, толковый. Мог бы помочь с пониманием.

А понимание этого устройства ох как нужно! Комментарии Эванса, конечно, очень помогли. Но число вопросов от этого, как всегда, только увеличилось. И главный, конечно – откуда вся эта транспортно-непонятно-какая-ещё Система берёт *Энергию*! Вот за это военные всех этих стран-(как ни крути!)-конкурентов, сейчас и готовы и руки и языки по-обрывать всем, кто хоть что-то существенное обнаружит, и брякнет в открытом эфире.

Конечно, Майкл, как доктор наук, и руководитель археологическо-исторического подотдела Лунной миссии от Нью-Йоркского Университета, имел доступ, и был, соответственно, ознакомлен с записями из разбитого скафандра несчастного Эванса. Однако ему, специалисту по древней письменности, кроме уже расшифрованной всё тем же Эвансом таблицы на колпаке, фактического материала катастрофически не доставало.

Поэтому он, никому ничего не сказав, принял решение и... подготовился.

Теперь он ждал только, когда всё тот же бульдозер отвалит здоровенный монолитный кусок породы, ещё остающийся в пределах цилиндра ноль-переноса.

Убрать его нужно было прямо так, именно цельным монолитом, чтобы автоматика древнего сооружения не переместила столь массивный «кусочек» вовнутрь, а затем и вновь наружу, в «мусорную яму», как её для себя называли все, имевшие отношение к многочисленным попыткам и предметам, перемещаемым в ряде бесконечных экспериментов. Руководство считало, (И не без оснований, как теперь подтвердил материал первоисточника-пионера!) что столь большая масса может окончательно «посадить» чудом сохранившиеся аккумуляторы Кургана.

Ну вот, ковш вполне успешно захватил здоровенную глыбу, и бульдозер утолкал её за пределы расчищенного пространства. Надсадного рычания его двигателя, конечно, не слышно, но лунный грунт прямо-таки заходил под ногами – мотор-то мощный.

Вержбовски осмотрелся ещё раз. Все, кто сейчас находились на поверхности, заняты делом: устанавливают, или проверяют работу разных датчиков, помогают с уборкой породы, берут образцы, ведут топографическую съёмку и т.п.

Он один не вписывался в общую деловитую суету. Ещё бы, ведь он – не прикладник.

Он – учёный-архивист. То есть, такой, который большую часть жизни работает с документами в архивах и библиотеках: с клинописными дощечками, манускриптами на папирусе, или полуистлевшем пергаменте, надписями в гробницах, и всё прочим в таком же духе.

Так что в случае чего, так и так ему придётся работать только тогда, когда появится новая надпись. Или таблица. Или...

Вот именно. Ждать неопределённый срок. А у него и дома дел невпроворот.

И именно поэтому (а вовсе не потому, что он такой отчаянно храбрый и нетерпеливый) он и заправил сегодня скафандр полным запасом кислорода, и в боковой карман попросил пристегнуть и подсоединить к магистрали резервный баллон. Воду и питательную пасту тоже влили до верхних кромок бачков.

Начальник отдела материального обеспечения посмотрел на него как на идиота – большинство выходящих работать в шестичасовую стандартную смену, наоборот, старались нагрузиться по минимуму: какой смысл таскать на себе еду, да ещё такую безвкусную, когда в блоке общей столовой земные деликатесы! Ну вот с кислородом – да, действительно, некоторые ставили как и он, запасной баллон – мало ли... Лучше подстраховаться!

Впрочем, кого он пытается обмануть – надо быть честным хоть с самим собой. Он задумал это не потому, что дома

ждут дела. И не потому, что он пока – самый ненужный член экспедиции. И, конечно, не потому, что наконец нашёлся... Эванс.

Нет, данные, поступившие из «чёрного ящика» скафандра Эванса, конечно, помогли... Решиться окончательно. Но они явились просто последней каплей. Подтвердили его расшифровку обнаруженной и зафиксированной роботом-разведчиком таблицы на колпаке.

Буднично и неторопливо он прошёл к расчищенному центру верхней грани Кургана.

Вошёл в обозначенный круг.

Вот и всё. Он – второй. Пусть и не такой отчаянно храбрый, как всё тот же Эванс, но вполне обдуманно решившийся на *это*. Но он – не космонавт-профессионал, а Учёный. И он постарается полагающуюся ему... «научную беспристрастность» – сохранить. Там, внутри.

Так. Вот и падение. С высоты фута. Точно. Порядок.

Попинав тяжёлым ботинком, он нащупал кромку ограничивающего поля, и перешагнул через него. Камеру он включил ещё снаружи. Теперь оставалось только комментировать, и следить, чтобы изображение резко не дёргалось, как было у первопроходца...

Продублировав то, что у Эванса получилось не совсем резко, или хорошо видно, Майкл прошёл ко второй малой площадке. Для себя он решил, что никакой это не выход, а просто спуск на нижние уровни Кургана. Да и большинство

специалистов там, на Базе, считало так.

Переход тоже произошёл мгновенно, как только его тело оказалось полностью в границах кромки металлического диска. Падение с футовой высоты тоже прошло штатно.

Вот только в полной темноте.

Хорошо, что догадался подсветку камеры не выключать.

Комната. Круглая, диаметром ярдов пять. Из неё ведут два проёма. Размеры их – примерно полтора ярда на два с половиной. Он спустился с площадки – здесь никаких барьеров не имелось.

Обошёл по периметру комнату, снимая всё, что попадало в поле зрения. Но кроме голых и тоже серо-розовых стен, не наблюдалось... Вообще ничего.

Вот, правда, на потолке... На потолке, на высоте около пяти ярдов, в его центре, находился... плафон, что ли? – плоский отсвечивающий круг из материала вроде плексигласа. Диаметр его не превышал ярда, а толщина – дюйма.

И – всё. Н-да... Спартанская прямо-таки простота.

С чувством глубокой... неудовлетворённости он прошёл в один из проёмов.

Ага, уже интересней. Толщина стены оказалась чудовищной – более шести ярдов. Выходил проём в кольцевой коридор, опоясывающий круглую комнату по периметру.

А-а-а, вот в чём дело...

Проходы в комнаты, смежные с круглой, оказались снаружи. Они нагло зияли пустотой и полным отсутствием дверей

и косяков. Так что он только что прошёл не мимо сплошного монолита стены, а мимо боковин комнат. Чистая же толщина стены составляла не больше ярда. Глубина комнат и ширина не превышали четырёх ярдов – почти как у них на Базе. А их наружная круглая стена, похоже, проходила как раз под всем периметром боковой стены верхнего зала.

Что ж. Грамотно с точки зрения архитектуры: чем прочнее, как говорится, тем...

И всего таких комнат, примыкающих к камере «лифта» оказалось четыре – они так и располагались девяностоградусными сегментами.

Осмотр их и съёмка принесли весьма бедные результаты и комментарии. В стенах кое-где имелись ниши. И проёмы. Некоторые вели в смежные комнаты, некоторые были глухими. В разных местах таких ниш, а кое-где и прямо в стенах, были углубления и впадины. Круглые и прямоугольные.

Засунув камеру практически внутрь одного из таких углублений, он отлично заснял ряд металлических штырьков, явно служащих для подключения каких-то разъёмов или кабелей.

Смотри-ка, инженерная мысль работает примерно одинаково и спустя три миллиарда лет... Возможно, специалист по психологии и проектированию подобных устройств сможет что-нибудь узнать и о их мышлении, и строении тела.

Однако ему, как гуманитария, ни расположение, ни конфигурация, ни размеры таких разъёмов ничего не скажут.

Поэтому добросовестно отсняв всё для «чёрного ящика», он вернулся в кольцевой коридор.

Его наружная, плавно загибающаяся, стена, намного интересней: в ней имелся ряд проёмов, перекрытых настоящими... дверьми! Вот с дверьми было понятней – их размер предполагал, что существа, проходившие сквозь них, процентов на двадцать крупнее людей.

Он насчитал двенадцать дверей. Добросовестно отснял внешний вид странного, немного напоминавшего алюминий, металла, из которого они были сделаны. На высоте примерно ярда от пола в левом краю всех дверей имелись металлические же ручки. Одну из них он добросовестно попробовал покрутить.

При поднятии рукоятки до упора вверх, дверь, потянув на себя, удалось открыть.

Похоже было, что её петли сидели в косяке – совсем как у земных.

Спросив у самого себя: «– Вы это видели?!», он вошёл. Прокомментировал большую, где-то пять на шесть, комнату, с пятиярдовой же высотой, и странную – не то пластину, не то клавишу у входа. Ткнув в неё пальцем, (А чем же ещё?!) он зажёл свет на потолке, в таком же плафоне, как в камере лифта.

Ага, неплохо. Свет неяркий, но... Повторное тыканье дало усиление раза в два, затем – ещё, и ещё в два. Теперь ослепительное сияние заливало всё настолько резким све-

том, словно он стоял под колпаком в хирургической операционной.

Чтобы не ослепнуть, он ткнул панель ещё раз. Снова полная чернота. Ф-фу...

Пораскинув мозгами, он вышел в коридор. Верно – вот и панели-выключатели. Как это он их сразу... Правда, их всего три – вот ближайший. Ага, свет зажётся. Пока тусклый. Теперь – снова комната.

Зажётся. Ладно, полумрак его вполне устроит... Займёмся комнатой в торце первой, как он её для себя обозначил, «жилой». Из двенадцати.

Этот дверной проём привёл его ещё в одну комнату. Она оказалась меньше в длину, но больше в ширину. Стены, как дальняя, так и ближняя, шли по дуге, явно повторяя очертания коридора и наружной стены Кургана, а толщина стен составляла тоже не менее ярда.

Жильё. Но где же тогда... Ага – вот. Две двери – уже в боковой стене.

Открыв первую, он обнаружил клетушку, очень похожую на самый обычный... туалет – если судить по большому отверстию в полу, уходящему в темноту...

За второй же была комната, выполнявшая, скорее всего, функции ванной. Правда, ни ванны, ни раковины, ни унитаза, конечно, не было, о чём он поторопился попенять – ведь по форме зада можно судить о теле любого существа чуть ли не лучше, чем по так называемому лицу.

Тут он обнаружил, что тыкая в панели выключателей в их нижней части, можно выключать свет сразу, а не проходя последовательно все стадии яркости. Разумеется, всякие ниши в стенах, с разъёмами, имелись и здесь. Однако ничего, так сказать, «движимого», в комнатах не оставили. То есть – абсолютно ничего, что можно было бы отсоединить, или взять с собой: только стены. Однако цвет их в жилых, как он их для себя назвал, комнатах, был, скорее, голубовато-зелёный.

Впрочем, в соседней «квартире» цвет оказался нежно-розовым. А в следующей – светло-фиолетовым. Ух ты, индивидуальный вкус, оказывается, учитывался и инопланетянами!.. Заодно подтвердилось близкое совпадение диапазонов восприятия светового излучения. И – кое-что выяснилось про характерные особенности психики.

Ещё в шести каютах он не нашёл ничего принципиально нового.

Оставшиеся две были куда крупней. Как он понял, за счёт того, что отсутствовали внутренние перегородки. Похоже, здесь было что-то вроде общих комнат – для управления, или развлечения, или ещё чего-то такого же. Во-всяком случае, разъёмов и ниш в стенах оказалось значительно больше, чем в «жилых». На месте туалетов же и ванн оказались комнаты совсем без разъёмов, хоть и со световыми колпаками – возможно, они использовались как склады.

Хотя, конечно, тут нельзя уверенно что-то утверждать: ведь ни стеллажей, ни ящичков, ни даже пометок на стенах

жившие и работавшие здесь не оставили. Цвет стен – нейтрально-белый. Деловой. Ну точно – склады...

Пройдя по всем комнатам, и решительно погасив свет, Майкл объяснил в микрофон, что собирается делать, и вернулся к лифту. Тот мгновенно перенёс его на... третий уровень.

Комната-приёмная и ближайшие к ней четыре повторяли конструкцию второго «этажа».

Он вышел в коридор и зажёг свет. Двери в наружной опорной стене были... Не от кают.

Во-первых, они были выше – ярда четыре, во вторых – шире: тоже четыре. Тут явно установлено какое-то оборудование. И дверные «ручки» не поворачивались.

Всего же комнат (вернее, дверей) оказалось восемь. Отсняв всё, попрыгав, и почертыхавшись, он убедился, что этаж с силовыми установками, явно дающими энергию для освещения, ноль-транспортировки, и всего остального – заблокирован. Причём – надёжно.

С одной стороны – обидно. С другой – и слава Богу. Мало ли чего он мог понатворить, сунувшись в то, чего не понимает... Хотя – можно подумать, хоть кто-то на Земле тут хоть чего-то понимает!..

Опять повключав везде свет, он вернулся к лифту. Влез. Так. Перенос! Это – второй этаж.

Он набрался терпения и не сдвинулся с места. Всё правильно – через полминуты его перенесло на первый.

Он вылез из-под колпака. Подошёл к стене. Сел прямо на пол, опершись об неё ранцем скафандра.

Устал. Ноги трясутся – таскать на себе под сто кэгэ, пусть даже на Луне и в виде пятнадцати – тяжело. Да и поворачиваться неудобно... Самое время поесть, попить... Ну и всё остальное.

Кислорода осталось ещё на... посмотрим... Двадцать восемь часов.

Камеру и фонарь он пока отключил. Пока сидел и ел, думал.

Через полчаса заставил себя встать. Пора дальше. Вот уж действительно, прогулка по Вселенной. Включив снова своё оборудование, он двинулся к колпаку: первый визит на Меркурий.

Судя по чуть увеличившейся силе тяжести, это и вправду был Меркурий. Молодец Эванс.

Спустя час он убедился, что помимо возросшего «Ж» здесь и свет поярче. Может, всё же какую-то долю энергии местный Курган получает от Солнца?..

Ну а больше абсолютно ничего интересного ему не встретилось – всё те же этажи, каюты, и заблокированные проходы в «машинном» отделении... Он спешил, так как хотел побывать везде, и посмотреть всё, что успеет.

Поэтому на Венеру отправился, даже не передохнув. А зря. Тяжесть скафандра недвусмысленно показала, что дома нужно было отнюдь не пренебрегать физическими упражне-

ниями.

Со стоном протаскивая свою «раковину» по комнатам и коридорам, он ругался про себя, и вслух – отключая диктофон.

Правда, что толку, что он ругался – газоанализатор всё того же военного робота однозначно показал: кислорода в атмосфере Кургана – ноль целых, хрен десятых, азота – семьдесят, а остальное... Старые добрые метан плюс аммиак: основные газы первичной атмосферы самой старушки-Земли на заре Времён...

Ну и конечно этот факт сразу разделил учёных международной экспедиции на два непримиримых лагеря. Первые считали, что именно такова атмосфера, которой и дышали строители Курганов. Поэтому весь метаболизм, и, само-собой, внешний вид, коренным образом отличается от...

Вторые считали такую смесь – защитной. Она, якобы, консервирует механизмы и устройства Курганов от разрушения, а стены – от коррозии. С чем, учитывая агрессивность горячо любимого аммиака, Вержбовски при всей безграмотности в плане химии, никак согласиться не мог.

Уже без начального трепета и энтузиазма, смешанного с банальным страхом, он методично стал выполнять... работу – да, никак по-другому её сейчас и не обозначишь.

Вот это да! Он чуть было снова не выругался вслух. Затем осторожно подошёл поближе, и медленно и аккуратно всё заснял. Ну и дела! Теперь-то Ксенозоологам на Базе будет

чем заняться! Надо же!..

В одной из сегментных комнат без дверей лежал... Иначе не назовёшь – труп животного.

Правильней, конечно, было бы назвать его мумией – метан очевидно не способствовал развитию бактерий и микроорганизмов, отвечающих за разложение флоры-фауны тут, на поверхности Венеры. Так что попав сюда, скорее всего через вход, и выскочив из барьера поля, зверёк, похоже, стал метаться в поисках выхода, да так и не нашёл – и просто задохнулся.

Как же эта мумия сохранялась здесь все эти неисчислимые миллионы лет? Почему не рассыпалась давно в труху?! Может, это кожа этой зверушки столь прочна? Или её, как в болотах земли, законсервировали всё те же метан и аммиак?

Чтобы не испортить ничего, Вержбовски ни к чему не притрагивался. Зато отснял со всех возможных ракурсов и положений.

Ну и тварюга! Хотя, конечно, больше всего похожа на гигантского кенгуру. Или на Тираннозавра – как посмотреть. И, как и у обоих прототипов: мощный тазовый пояс с толстенными колоннами ляжек, сравнительно тонкими... как же их назвать-то? – нижними отделами ног, и птицеобразными лапами-пальцами. С традиционно ожидаемыми когтями.

Верхняя часть туловища казалась гротескно незначительной по сравнению с... э-э... как бы сказать для диктофона поприличней... Кормовой. От кончика толстеного лысого

хвоста до носа было, наверное, ярда четыре-четыре с половиной. Трудно сказать точнее: несчастная зверушка выгнулась в немыслимое полукольцо. Видать, ужасно мучилась в агонии удушья.

Пасть оказалась широко открыта – словно в судорожном вдохе, и язык вывалился наружу, тоненьким пустым чехлом распластавшись по плоскости пола. Зубы... Пусть он не зоолог, но зубы – однозначно травоядного. Ни клыков, ни резцов. Больше всего похоже на жевательные пластины – конечно, не как у коровы... Но где-то близко. Или он зря воспитывался до пяти лет на ферме!

Огромный вздутый когда-то живот тоже указывал на довольно значительный объём органов пищеварения. Значит точно – травоядное.

Вот и есть о чём подумать. Значит, не всегда сестра-соседка нашего шарика представляла из себя необитаемую душегубку с серной кислотой в атмосфере! И эволюция шла, судя по-всему, практически идентично земной на каком-то её раннем (А может – и не очень раннем!) этапе!

Ведь росла, значит, трава – питаться, и текла вода – пить. А, значит, имелись и насекомые – опылять всю эту... Растительность.

И, разумеется, хищники – охотиться на травоядных. Биотоп любых замкнутых систем должен быть совершенным, замкнутым.

А что же высшие – то есть разумные существа? Не успели

развиться до того, как улетучился в космос кислород? Или... Оказались слишком умны, чтобы застрять в столь элементарной ловушке? Или просто не нашли выхода, и спалили себя в разрушительном пламени ядерного апокалипсиса?..

Впрочем, следы чего– и кого бы то ни было на Венере уж точно не сохранились сейчас. Серная кислота и жуткие ветра всё растёрли в мелкую пыль. И сделали это очень, очень давно...

Зато ему теперь нашлось о чём подумать, и чем заняться, пока он, пыхтя и отдуваясь, тащил своё тело проверять остальные помещения второго и третьего этажей.

Нет. Ничего путного. В смысле, находок, а не размышлений. Впрочем, и размышлений – тоже. Разве что о тщете всего сущего...

Покончив с Венерой он, подумав, вернулся на Луну.

Ф-ф-у... Как приятно отдохнуть и расслабиться после такого «марафона на выносливость».

Хорошо, что хоть сердце у него здоровое: вот сейчас отдохнёт немного, подкрепится, и – на Землю!

Может, там окажется кто-то, или что-то из древних созданий? Вот уж был бы подарок для палеозоологов! Ладно, сейчас он это проверит.

Час отдыха позволил немного унять дрожь в непривычных к тяжести ста килограмм скафандра, ногах. Оборудование которого, к счастью, работало, как часы: в нём можно вполне жить. Хм. Мазохисту. Потому что даже не почесать-

ся как человеку...

Однако ничем особо интересным помещения земного Кургана его не порадовали.

Правда, он нашёл двух совершенно рассыпавшихся в труху бабочек, оставивших смутный и блёклый контур-след на полу в кольцевом коридоре, и какое-то странное насекомое, вроде помеси жука и богомола. От него сохранились только хитиновые пластины и сегменты тела – выпуклых форм и мелких размеров. Но он заснял и их с соответствующими комментариями.

Про то, что артефактов педантичных пришельцев не обнаружилось, можно не упоминать.

Он даже попенял им – хотя не слишком сильно. Ещё бы: если бы что и осталось, вряд ли оно было бы лёгким, а тащить ещё и ЭТО к площадке на себе, и переносить на Луну было бы... тяжеловато. И долго. Ну, может, и не долго – но всё равно лень. Его цель – общий обзор!..

Так что после позволившего ему несколько отдохнуть, и совершенно «пустого» Марса, он быстренько решил отправиться на первый из обозначенных спутников Юпитера, (похоже, это – Ганимед) минуя слишком уж рискованный вариант с Фаетоном. Возможно, конечно, что после развала планеты на пояс астероидов, Курган пришельцев и сохранился, и даже функционирует, летая где-то там, за Марсом, в кольце малых планетоидов, вокруг Солнца...

Но уж слишком рискованно – пусть лучше первым идёт

робот!

Тяготение на Ганимеде не сильно отличалось от Меркурианского, или Лунного. Отлично.

А вот обход всего Кургана снова не дал ничего. Плохо.

К этому моменту у него оставалось кислорода часов на пятнадцать, и он поторопился продолжить круиз – благо, остальные обозначенные три спутника Юпитера и четыре – Сатурна, не сулили особой нагрузки его измотанному телу.

За три часа он осмотрел оставшиеся три у газового гиганта, и отправился, если верить таблице, к великому волчку с кольцами.

Первый, небольшой спутник, (Он не знал, как тот называется: не то Каллисто, не то Титан. Да и вообще, будучи никак не связан до этого с астронавтикой, Майк имел весьма смутное представление об общем числе этих самых спутников у газовых гигантов, и конкретных названиях тех мест, где побывал – кроме, естественно, главных планет Системы.) ничего нового не прибавил.

И здесь ему пришлось-таки снова сделать перерыв. Ноги отваливались в буквальном смысле, да и есть уже снова хотелось, и пить... со всеми вытекавшими последствиями.

Так что он снова привалился в верхней камере к стене, и позволил себе посидеть с часок.

Попав на второй спутник Сатурна он сразу понял, что попал.

То есть попал – в буквальном смысле.

Здесь везде горел почти самый яркий свет, и пространство Кургана оказалось прямо-таки забито разнообразными формами жизни!

Преодолев первое, и вполне естественное желание убраться отсюда поскорей к чёртовой матери, он всё же подошёл к кромке площадки, и даже встал на колени, уповая на прочность скафандра, и то, что самая крупная из наблюдаемых тварей не больше его ногтя – не укусит!.. Ну, по-крайней мере – сильно.

Да, он читал когда-то и Дарвина, и позднейшие работы экологов, и знал, что, например, специфика обособленности сообществ на, скажем, островах, или в других небольших, изолированных местах обитания, сильно сказывается на размерах самих обитателей: чем меньше такой остров, тем быстрее попавшие на него переселенцы мельчают, стараясь подстроиться под экосистему – чтобы не вымереть с голоду! И число их регулируется как бы автоматически...

С другой стороны – для Жизни нужен Свет, (источник энергии) вода, (универсальный растворитель) атмосфера, (дышать) и пища (для животных – растения, для растений – субстрат, то есть – почва, со всякими там азотом, кальцием, фосфором, разлагающими бактериями и грибками, и т.д.).

Ну так вот – всё это здесь и имелось!

Не видно было только открытых водоёмов. А толстый (в пол-ярда) слой гумуса на полу, растущие на нём карликовые

(не больше, чем по колено!) джунгли, кое-где прореженные полянами, с пасущимися карликовыми же травоядными, и ярко сияющие плафоны потолка недвусмысленно доказывали, что Жизнь всегда сумеет найти лазейку...

Он долго и упорно снимал всё с максимальным приближением, стараясь не сходить с площадки – она единственная оставалась незаросшей в этом чудесном заповеднике.

Он был поражён – все животные, видимые в телеобъектив, очень походили на земных!

Были даже вроде как зебры: жёлто-зелёно-полосатые созданыица на тонюсеньких (Не толще булавки!) ножках, и высотой с полногтя. Львов, и каких-нибудь гиен, впрочем, пока не наблюдалось. Но он не усомнился – кто-то такой есть, только прячется. Иначе неограниченный рост популяции травоядных прикончит всю траву на местных лугах, и шаткое равновесие будет необратимо нарушено!

А, точно – вон там, в подлеске, что-то зашевелилось пятнистое, с камуфляжной расцветкой под армейский маскхалат – вот это называется параллелизм эволюции!..

Но как же ему теперь быть с осмотром остальных помещений? Ведь пройти так, чтобы кого-то не задавить, абсолютно нереально?! А это что за звук? Звук, и дрожание почвы... Нет, не почвы – он же стоит на площадке! Значит, дрожит сам Курган!

О-го-го!!! Какая... Здоровая тварюга!.. И как быстро бежит к нему!

Вот её сохранение местной экосистемы не волнует. Зато волнует, похоже, желание побыстрее откусить ему голову!

А он даже не может обратиться – площадка как будто заблокирована... И увернуться невозможно – тело словно стало ватным. От страха?! Да что же это такое – всё словно в дурацком сне!

А мини-динозавр уже рядом. Вот он разевает страшную, усеянную дюймовыми (Сознание равнодушно, как бы со стороны, успевает отметить, что они мелковаты, не то – что у «наших» тираннозавров!) бело-жёлтыми штырями зубов, и они... Смыкаются на его шее. Вернее, на кромке гермошлема. Ничего, кевларовая ткань и титановые вставки должны выдерживать и не такое.

Однако – странно! – эффект от укуса точно такой же, как если бы скафандра не было вовсе!!! А-а-а!!!

Страшная боль и удушье почти невыносимы. Как же стряхнуть уродливую пятирядовую тварь?! Да он же так... О!!! И что это за голос? У твари – голос?! Да – она твердит одно слово...

И это слово – он знает это! – очень, невероятно, первостепенно – важно! Важно для него!

Кислород... Кислород. Кислород!!!

Он с диким криком очнулся. Что это за звук на грани слышимости?! А, вот что...

Женский голос с отменной дикцией негромко повторяет:

– Внимание! Опасно низкая концентрация кислорода в скафандре! Пожалуйста, переключитесь на запасной баллон! Внимание! Опасно...

Вот оно – кислород! И как это его угораздило!.. Скорее!..

Сквозь туманящееся сознание он из последних сил полез за спину. Ох уж эти жуткие перчатки... Вот. Вентиль!

Открыть его скорее!

Ф-фу... Вот и можно снова вдохнуть полной грудью! Успел. Ну он и идиот!

Надо же было свалить такого дурака – заснул-таки, не открыв вентиль дополнительного баллона в главную магистраль. Хотел сэкономить. Ну вот и сэкономил – чуть ли не всю свою оставшуюся жизнь... Нет, всё-таки космонавтом нужно родиться!

Опустив руку к приборному щитку, он отключил транслятор, почему-то продолжавший бубнить (Заклинило, что ли?!): «Внимание! Опасно низкая концентрация...»

Продышавшись, он треснулся перчаткой о лицевую часть гермошлема – в тщетной автоматической попытке утереть обильный пот. Вот уж повезло ему – успел вовремя проснуться.

Значит, расслабившись, он-таки сидя уснул. Опять – ф-фу-у...

Значит, невероятная картина микро-мира – просто сон. Сон, приснившийся ему в те короткие мгновения, когда он стал задыхаться... Ох уж эта человеческая психика – нико-

гда-то никаким учёным её не понять. Какие жуткие сюрпризы она преподносит человеку в состоянии стресса... И удущья.

Впрочем, расслаживаться и заниматься самоанализом некогда. За три часа сна – он мысленно прошёлся по организму – да, он хоть как-то отдохнул. Ну вот и дыхание восстановилось.

Кислорода хватит ещё на девять-десять часов. Вроде. Не хотелось бы застрять где-то уж совсем надолго – до этих крайних пределов доводить явно не следует. Значит, у него не больше семи-восьми часов.

Он быстро (по мере возможности) встал, и вошёл под большой колпак верхнего зала. Вперёд. Что там у нас – Титан?..

Конечно, никакой экосистемы тут не оказалось.

С другой стороны, то, что оказалось там, вообще ни в какие рамки не лезло.

Если ЭТО не живые (когда-то) организмы, то он вообще ничего не понимает!

Попались они ему тоже, как и «кенгуру», в одной из внешних сегментных комнат.

Круглые когда-то, а сейчас полусплющенные, шары. Сферы. Как назвать, описать?.. Он добросовестно старался для чёрного ящика. Больше всего они напоминали детские воздушные шарики, серо-зелёного цвета. Диаметром, пожалуй, с маленький арбуз.

Собственно, больше всего его они и напоминали – в первую очередь расцветкой.

Сверху вниз, по, так сказать, меридианам, шли десять (У другой особи, правда, их оказалось одиннадцать – половые различия, что ли?) широких чёрных полос, сходящихся на нет у «полюсов».

Вот уж глобусы! Насколько он помнил, макеты Земли так и изготавливают!

Кроме полос, сверху вниз шли и складки. Или это были впадины? Глубина достигала нескольких миллиметров. По кромке гребней между впадинами торчали ряды обвисших теперь книзу волосков... А всего создания было два.

В трогательной попытке утешить, или поддержать друг друга, они соприкасались частью своих боковых поверхностей. Никакого сомнения – они были разумны, и предвидели свою участь.

Вот уж воистину, по Шекспиру: нет повести печальнее...

Кожа странных сфероидов выглядела тоже мумифицированной, но как бы просвечивала. И, судя по отсутствию конечностей, они передвигались в среде своего обитания как воздушные (ну, или подводные) шары. Рассмотреть какие-либо детали строения, или внутренние органы, Майклу не удалось. То что можно было рассмотреть, казалось просто тёмными пятнами... Но он, как всегда, всё добросовестно заснял и описал, стараясь только избежать эмоций в голосе.

Ощущая острую жалость к беспомощным крохам, он обо-

шёл и этот Курган. Нет, больше никого и ничего.

На осмотр остальных Курганов ушло часа четыре – ничем новым или оригинальным они его не порадовали... Последний был, вроде, уже на спутнике Нептуна.

Что, возвращаться?.. Но у него имелись ещё кое-какие мысли.

Ведь пришельцы – не дураки. Они наверняка могли из каждого своего Кургана переноситься и на основную свою Базу – на Корабль! И пусть этот путь здесь, в таблице, никак не обозначен – он *должен* существовать!

И, разумеется, способ попасть туда должен быть самым быстрым и простым: всё-таки – почти Дом! И попробовать сделать это – *стоит!*

Так что он взгромоздил опять своё уставшее тело на главную площадку последнего обследованного Кургана. И утопил до упора сразу чёрную кнопку, не отпуская её.

Через полминуты сработало.

Вот это да! Что же он, идиот, сразу сюда не отправился!..

Здесь царила абсолютная темнота, и почти невесомость. Проектор его наплечной камеры вначале оказался направлен кверху, к плоскости колпака.

Ух ты... Таблица была стандартной – он выучил её почти наизусть – а вот итог под чертой он снял помедленней. Ещё бы: в два ряда шли странные знаки, до боли напоминающие цифры и буквы. Вот – даже «А» и «К» совпало... Впрочем,

это ничего не значит – разберёмся позже.

Он опустил камеру и прожектор. Странно. Выход только один, и – только через что-то похожее на короткий коридор...

Когда вошёл – вернее, почти влетел, не сумев сразу приспособиться к лёгкости тела! – туда, словно вспыхнули тысячи солнц – вовремя вспомнил, закрыл светофильтры! Но что это за странные лучи шарят туда-сюда, и поднимаются-опускаются по его скафандру?! Хм-м...

А если подумать головой – всё элементарно. Как и у них там, на Лунной базе.

Дезинфекция!

Чтоб не принести с собой какую-нибудь «инопланетную» заразу!

Обработали – вон, даже подошвы!

Он дождался, пока лучи и световые кольца исчезнут. В наступившей темноте его налобный прожектор высвечивал крохотный кусочек огромного зала – видимый сквозь узкий проход «коридорчика». Он прошёл туда. Зал оказался и правда большим – ярдов пятидесяти в диаметре, и около пятнадцати – в высоту.

Весь центр занимала огромная полусфера, как бы полуутопленная в пол чуть меньше, чем до половины. Диаметр её достигал около семнадцати-восемнадцати ярдов, и вверх она уходила ярдов на десять. Больше всего она напоминала ему чудовищный апельсин – так как была оранжевой, и в круп-

ных пупырышках.

Он хмыкнул: вся картина так и ассоциировалась у него – апельсин, упавший в жидковатую грязь... Возможно потому, что цвет пола был чёрно-серый. Сам пол блестел, словно стеклянный.

Прямо напротив Вержбовски в «апельсине» чернело овальное отверстие – высотой ярда в три. Нижняя кромка его совпадала с поверхностью пола. Медленно ведя камерой, он терпеливо заснял всё пространство зала, не забыв и сферу в центре.

Из его комментариев получалось, (вроде, вполне логично) что это – путь с Корабля – Домой.

А что, очень грамотно. Запускаем, скажем, от любой из «освоенных» планет такой корабль, и терпеливо ждём, когда он окажется в границах очередной перспективной солнечной системы...

Потом (или – периодически, в процессе полёта, для контроля, корректировки курса, и т.п.) пересылаем сюда полный экипаж, и они выводят эту махину на какую-нибудь стационарную подходящую орбиту... И начинается Освоение!

Корабль наверняка огромен – он чувствует неполную невесомость!

Значит, здесь есть и транспортно-тактические корабли небольшого размера, для перевозки всяких механизмов, или уже добытых полезных ископаемых... Словом, можно оснастить такую осваиваемую солнечную систему серией Курга-

нов, и спокойно эксплуатировать её природные ресурсы для своих целей: хоть тысячи, хоть миллионы лет!

Хотя вряд ли полезные ископаемые транспортировались через ноль-переходы.

Наверняка это жутко накладно, и поглощает массу энергии. Нет, такой транспорт – только для людей. Чтобы предотвратить абсолютно ненужную нервную нагрузку от долгих полётов.

А сколько фантастических произведений было написано об этих невероятных трудностях у землян!.. Хотя к звёздам они и не сунулись ещё.

И никаких «гиперснов»!..

Ну так вот что перед ним: абсолютно надёжный и анти-стрессовый способ освоения просторов Вселенной. А для всякой там руды и прочего такого можно и подождать – подождать пару веков, пока домой долетит какой-нибудь транспортный монстр, водоизмещением в пару-тройку миллионов тонн. Да и понятно теперь, почему они не оборудовали себе никаких жилых Баз на других планетах: зачем?! Если всё так просто: нажал кнопку, подождал – и ты – дома! В тепле и уюте родной каюты на отлично приспособленном Корабле!

Эк, куда его занесло. Пора двигаться дальше – осмотреть хоть ближайшее окружение!..

Он чуть развернулся на площадке. Ага, вот он.

Доплыв (По-другому этот способ и не назовёшь!) до ближайшего выключателя, он зажжёт первую степень света. Туск-

ло, но пойдёт. А впрочем... Он усилил интенсивность, чтобы лучше стали видны снимаемые объекты. Так, теперь, конечно – вовнутрь «апельсина».

Что у нас здесь? Толстенные стенки. Внутренняя камера, диаметром не больше четырёх ярдов. В центре – большая, ярда три в диаметре, впрочем, очень похожая на «обычную», межпланетную, площадка. Тоже из металла, и тоже возвышается на пару дюймов из пола. В центре её – одна большая, в добрых два дюйма, кнопка.

Коридор к камере переноса «домой» оказался только один. Никакого «колпака» сверху не было – очевидно его функции выполняла сама сфера. Не было и надписей.

Не-ет, рано! Не «созрел»!..

Он выплыл обратно в зал.

Добросовестно работая «роботом видеонаблюдения», Вержбовски проплыл по всему периметру стены. Здесь вдоль всего её пространства были такие же ниши и выемки, но...

Заполненные приборами! Вот тут он поднапрягся – теперь его съёмки должны быть качественными и резкими – наконец-то будет работа и для лингвистов, и для технологов-аналитиков, и для него! Разметка шкал, подписи тумблеров, ручек, переключателей и кнопок были вполне... в стиле таких же, человеческих! Алфавит казался тем же, что и на колпаке над площадкой, через которую он вошёл.

Поковырявшись с одним из приборов размером помень-

ше, он смог вынуть его из ниши! Тот крепился четырьмя простыми защёлками, и с гнёздами в задней стене ниши соединялся кабелями. Однако подумав, Майкл не стал ничего разъединять – чтобы не навредить тем, кто придёт после него. Прибор вдвинул назад, и вновь закрепил – мало ли...

Из зала перемещения вели четыре широких и высоких коридора. Проплыв по выбранному наугад, он попал, похоже, к жилым каютам: двери и ручки на них очень походили на Курганные.

Здесь имелись даже лестницы, расходившиеся по разным уровням в боковом пролёте. Это сказало ему сразу как минимум о двух вещах – на корабле можно было «включить» искусственную тяжесть, и что ноги у строителей Курганов и корабля, кажется, весьма похожи на людские...

Он не стал тыкаться во все каюты, убедившись, что ручки первых пяти заблокированы.

Вернувшись в зал, попробовал центральный, более широкий, коридор.

Ура! Тот привёл прямо в Рубку.

Размеры её были поскромнее – всего около тридцати ярдов в диаметре, и десяти – в высоту. Он включил освещение. Ага, вот, значит, как.

По периметру стены шли как бы малые пульты управления – с рабочими поверхностями, заполненными рукоятками тумблеров, (Вполне похожих на земные!) кнопками, дисплеями, индикаторами, и всем таким прочим. Рядом стоя-

ли... кресла.

Надо же. Это что же, извините, за зады должны быть у тех, кому положено тут сидеть?.. Ширина рассчитана не менее чем на ярд! А уж ширина... Всего периферийных пультов он насчитал двадцать два.

В центре зала располагался ещё один пульт управления – он шёл полукругом, и был, похоже, рассчитан на троих – именно столько кресел стояло рядом. Снимая, Майкл честно обошёл – вернее, всё ещё облетел, с вынужденными подправками, и неизбежными подскакиваниями на пару ярдов к потолку, весь периметр и все «рабочие места». Теперь – к центру.

Напротив центрального кресла было больше всего различной «технообразной» начинки. Сам пульт был наклонным, что казалось весьма понятно, и выгнутым вовнутрь. Да, согласен, так доставать до всего удобнее. Но размеры...

Похоже, инопланетяне куда крупнее людей: сидя, он еле доставал вытянутой рукой до середины панели. Так. Ладно. Будем... логичны.

Вот, в центре рабочего пространства три явно выделяющиеся из остальных, крупные кнопки-включатели. На первой выгравирован большой круг. Вернее, кольцо.

На второй – странный предмет удлинённых очертаний, похожий на пулю... или бронебойный снаряд.

На третьей врезан иероглиф. Не похожий ни на что. Ух ты, а вот – рядом ещё кнопка с уже не иероглифом, а, скорее,

символом. Нечто, похожее на сплюснутую бочку, из которой вниз бьют пунктирные чёрточки-линии, немного расходящиеся... Ну и дела!

Не иначе, как это – включение маршевых двигателей!

Понятно (надеемся). Уж эту-то кнопку он тыкать ни при каких условиях не будет.

Теперь попробуем подключить воображение и логику. Вот. Если принять, что на любом космическом корабле главное – карта и пройденный путь, их-то и надо включать в первую очередь экипажу, во время периодических – как он решил – посещений Корабля, пока тот летит к намеченной цели... Значит, навредить это ничему не должно.

Высказав эту умную мысль чёрному ящику, он ткнул в верхнюю часть первой клавиши.

Чёрт! Что за?!.. А-а, понятно. Собственно, это и есть и карта.

Вернее, не карта, а собственное местоположение корабля. Похоже, он просто включил наружные обзорные видеокамеры – стены и пульта стали невидны, зато в наступившей полутьме отлично стали видны все окружавшие Корабль звёзды. То есть – он как бы висел в пространстве посреди пустоты, а звёзды светили со всех сторон. И сверху, и снизу, и...

Как они это сделали?

Если не знать, что сидишь за пультом, можно поспорить, что висишь прямо в Космосе...

Ну посмотрим – может, кого знакомого... Точно – вот

она, громада Юпитера, прямо за его спиной. Её-то ни с чем не спутаешь. Стало быть, Корабль выведен на орбиту спутника крупнейшей планеты их системы, а вовсе не бороздит безбрежные просторы Вселенной, как он по-наивности подумал.

Конечно, «логично». (Это задним умом!) Вокруг Солнца такую штуку не запустишь – мало ли какая комета, или ещё чего... А вот здесь транспорт пришельцев в относительной безопасности: все кометы и метеоры всосёт, как пылесосом, тяготение газового гиганта! Да и близко отсюда до любой планете системы, на которой есть Курган. Как-никак, а экономия энергии при нуль-пересылке...

Но – что же, сами-то прилетевшие на этом Корабле... ушли? И бросили эту, наверняка невообразимо дорогую гигантскую машину, на произвол судьбы?.. Как-то не вяжется с этой самой логикой. А может...

Возможно, Корабль не брошен, а просто – оставлен. Оставлен здесь, у молодой, подающей надежды солнечной системы – в ожидании того, что когда-нибудь где-то здесь возникнет Жизнь, с её неуёмной жаждой Нового, с Разумом, с Человеком.

И что рано или поздно, на Луне ли, или где ещё, один из Курганов будет обнаружен.

И люди доберутся до Корабля. А потом и... О-о!..

Отправятся на встречу с ними. Строителями. Межзвёздными путешественниками. Собратьями по Разуму.

Сколько же таких межзвёздных скитальцев-кораблей размещено ими в Космосе?.. Тысячи? Миллионы?

Дождались ли хоть кого-то их хозяева? Нужно ли ему и *туда*?..

Нет уж, увольте покорно. Майкл покрутил головой. Надо же, куда его потянуло – на философию. Дудки. Отбор достойных кандидатов в Посольство и первый Контакт – не его забота!

Его забота – поверхностная, где-то наглая, где-то наивная – Разведка.

Ткнув в нижнюю часть клавиши, он вернул стены и пульта на место.

Так, теперь – вторая.

Ясно. Корабль. Вот это что – план-схема Корабля.

Она выплыла из ниоткуда, и повисла прямо перед ним, просвечивая лазерными (или очень похожими) линиями основных очертаний и устройств. Она до безобразия напоминала обычную (ну, вернее, очень качественную) голограмму.

Странно. Двухъярдовая проекция светилась разными цветами – маленькая часть в центре и у кормы – зелёными сегментами, остальная – голубым. А если опять подумать?

Тогда получается вот это, зелёное – место, где работают системы энергоснабжения (в корме – наверное, генераторы, реакторы, или чего ещё в этом роде). А это...

Это – Рубка, где он включил свет. И зал перемещения.

Храбро засунув руку сквозь тоненькие контуры внешних

обводов, он ткнул пальцем в Рубку. Ничего. Хм-м... А если попробовать – как на планшетах: развести пальцами в стороны?..

Ур-р-ра! Она расширилась в размере – раза в четыре. А ещё? Ещё расширилась – теперь чтобы рассмотреть, приходится изрядно ворочать головой. А ну-ка... Нет, теперь – уменьшилась до первоначальных размеров.

Отлично! Инструмент для ленивых! Теперь ему не надо таскаться по всем отсекам и палубам, чтобы узнать, как здесь и что устроено! Вот и хорошо.

А что же тогда – в третьей клавише, так нужное для работы Корабля? Уж не... Искусственная ли гравитация, о которой ему сказали ступеньки? Попробовать? Наверное, можно. Только лучше вначале сесть. Он сел. Выдохнул. Нажал.

О-о-о!.. Чёрт! Чер-р-т-т-т! Он выругался, и, еле передвигая по поверхности пульта отяжелевшей рукой, ткнул в нижнюю часть третьей клавиши.

Ф-ф-у! Отпустило...

Придурок. Он мог и погибнуть – ведь у него могло просто не хватить сил вернуть вновь невесомость. Похоже, родная тяжесть пришельцев как минимум три «Ж». Впрочем... это он на Луне мог так отвыкнуть от земного тяготения. Ощущая жуткую (Еще бы! Теперь-то, когда мозг встал на место, а душа вернулась из пяток!) дрожь в ногах, он понял, что измотан до предела...

Было слишком необдуманно пробовать включить эти все

чёртовы кнопки. Продышавшись, (Вот хорошо, что сидел!) он вновь вернул изображение Корабля.

Вот блин! Кормовые отсеки с реактором, или чем-то таким, светились жёлтым. Значит, он перегрузил систему. Посмотрим-ка всё-таки дальше, раз уж он здесь, и – сидит...

Включив увеличение, он рассмотрел внимательно то, что принял за машинное отделение.

Десять расположенных там в два ряда устройств, до боли похожих на самые обычные, только гротескно гигантские, бублики, светились жёлто-оранжевым. Но вот, через десяток секунд, они стали один за другим менять цвет: вначале к жёлто-зелёному, потом и просто к зелёному.

Значит, остыли, слава тебе, Господи... Всё, больше трогать на пульте он ничего не будет!

С другой стороны – хорошо, что попробовал. Другим nepовaдно будет – чтобы не расходовать зря оставшиеся запасы энергии. Ведь по-идее, основной смысл оставления здесь этого монстра и ветерана Вселенной – Контакт. Ладно, вернёмся к конструкции этого самого монстра...

Тыкая и расширяя разные отсеки пальцами, Вержбовски добросовестно отснял на камеру всё от носа до кормы – и жилые помещения, и лаборатории, (судя по куче всякого оборудования) и залы для занятия... спортом (?!), и столовые, и мастерские.

Нашёл шахты с огромными дискообразными конструкциями – не иначе, как пресловутые «летающие тарелки» – воз-

можно, десантные корабли. Нашёл в кормовой части ещё более монументальные и неуклюже угловатые корабли для строителей – наверное, Курганов. Впрочем, может они служили и для добычи полезных ископаемых: внутри каждого удалось увеличить и рассмотреть циклопические устройства, напоминавшие родные до боли бульдозеры, проходческие комбайны, погрузчики и самосвалы. Значит, шахты и котлованы строятся одинаково и на земле, и... где-то-там!

Нашёл он и склады с запасами пищи, (А что ещё может быть в этих странных ёмкостях?) баки воды, цистерны (похожи формой) с запасами газов – скорее всего, для дыхания. Проверять состав местной атмосферы, впрочем, не его дело. А кстати – он уже однажды чуть было не...

Взглянул на манометр. Пожалуй, пора уходить. Воздуха на три часа.

Отснять он успел не больше трети пространства Корабля, да и то – поверхностно, без углублённого, так сказать, осмотра деталей. Да и ладно – поскольку он хотя бы *приблизительно* понял, что здесь можно, а чего – лучше не делать. А теперь надо возвращаться. Пусть другие выясняют, чего здесь «совсем нельзя»!

Всё опять добросовестно повыключив, он решил-таки хоть поверхностно, недалеко, заглянуть в ещё два оставшихся коридора. В центре наиболее важного и защищённого пространства должны по-идее находиться и самые важные механизмы и помещения.

Вот в комнате, завершающей третий коридор, он их и нашёл.

Да и не мог не найти – Хозяева поставили их так близко ко входу явно в расчёте на это.

Статуи стояли на постаменте. Похоже, сделаны в натуральную величину. Во всяком случае, задняя часть таких хорошо бы вписалась как раз в те кресла. И кнопки были бы в пределах досягаемости верхних конечностей...

Первым стоял явно мужчина. Это нетрудно было определить – он был и выше, и мускулистей, и агрессивней. Весь его вид говорил – вперёд!

Да, такой не остановится. Мощный торс, огромные мускулы бочкообразных ног и рук. Голова, сразу – без намёка на шею – переходящая в грудную клетку. Огромный объём лёгких. Относительно человеческих, пропорции были несколько искажены: ноги короче и мощней, руки – сильней и длинней, торс – длиннее и шире, голова мельче.

Кроме того, лицо было явно поперёк шире, что придавало мужественному и сосредоточенному взгляду выражение, присущее, скорее, не человеку, а питекантропу. Во всяком случае, сходство усиливали мощные надбровные дуги, и глубоко сидящие глаза.

Волосы на голове тоже имелись – они лежали надо лбом и всей головой странной овально-приплюснутой причёской. И из-за неё совершенно не было видно ушей. Место носа занимала небольшая выпуклость, в которой располагались

два отверстия – ноздри. Рот плотно сжат, и зубов не видно. А жаль – вот антропологи переругались бы...

Кулаки мужчины стиснуты – словно он готов вступить в схватку! С кем угодно – чтобы добиться, пройти, защитить, отстоять...

При росте побольше семи футов он производил потрясающее впечатление: уж такой точно – и защитит и отстоит!

За ним и располагались объекты его заботы – женщина с ребёнком на руках.

Пропорции женщины смотрелись куда грациозней.

Но красавицей назвать её всё же язык не поворачивался. Настолько непривычно мощной была и её мускулатура – что на стройных (Ну, сравнительно с мужскими!) и относительно более длинных ногах, что на животе. Талии как таковой не было вовсе, грудь же казалась небольшой и немного плосковатой. Лицо...

Пожалуй, его можно было назвать привлекательным. Милостивым. Торс и грудная клетка женщины оказались раза в полтора тоньше, чем у мужчины. Что же до ребёнка...

Скорее, он напоминал шар. Шар с пришлепанной сверху полусферой головки, из которого в произвольном порядке торчали четыре толстеньких отростка конечностей. По длине и толщине ручки от ножек пока нисколько не отличались, и были увенчаны пупырышками крохотных пальчиков.

Непонятно... Он готов был голову прозакладывать за то, что эти крупные и сильные существа дышат, и строят обмен

своих веществ на кислородной основе – ничто другое не подошло бы для такой конструкции. Или?..

Нет, наверное, всё-таки правы те ребята на Базе, которые считали, что метан и аммиак – только агенты для консервации. Но совсем не в том смысле, какой они имели в виду!

Нет, метаново-аммиачная пробка Курганов нужна вовсе не для стабилизации и сохранности механизмов, или ещё чего *внутреннего*. Это – блок. Внешний.

Страховка Корабля от того, что его наводнят неразумные и негуманоидные твари, ещё не открывшие межпланетные сообщения и скафандры. А неразумный «кто попало» вовсе не нужен этим братьям по разуму...

Ничего не скажешь – жестоко, но... Рационально.

В очередной раз почесав гермошлем на затылочной части, Майкл подивился причудам гуманоидной эволюции. Неужели... Вот с *такого* Природа начинает, и монстрами зелёного цвета с огромными грушами на тонюсенькой шее, заканчивает?..

Впрочем, как он уже много раз себе напоминал – это не его собачье дело. Его дело – доставить отснятый материал. Да и самому выбраться живым. И желательно уже побыстрее!

Поэтому он не стал осматривать четвёртый коридор, а двинулся сразу в зал перемещений. По «местным линиям». Встал, нажал.

Отлично! Его расчёты полностью оправдались – судя по знакам под чертой, он на Луне.

До чего приятно вернуться к маленькой, но такой родной, гравитации, и тусклому свету трёхъярдового колпака!..

Только теперь он осознал, до чего устал. Размышлять над всякими вселенскими проблемами, конечно, хорошо, и если бы не они... Скажем прямо – если бы он задумывался над всеми опасностями, которые его могли – и реально, подстергали! – в столь безрассудном путешествии, он никогда бы на него не решился. Ведь он не герой. Но...

Он словно сам себя загипнотизировал на это!..

А ещё вопрос: *он ли* это загипнотизировал себя?!

Теперь же, когда всё позади... Что ждёт его там, снаружи?

Засекретят ли его результаты всякие ретивые чиновники и агенты от Служб Безопасности?

И... Не предпочтут ли попросту убить его, и сообщить всем, что он сгинул навсегда в глупой и безответственной попытке?

Оптимизма такие мысли отнюдь не вселяли. Однако выходить всё равно придётся.

Тяжко вздохнув, помолившись, и мысленно попросив удачи, он шагнул в «местную» площадку, приготовившись спружинить ногами падение с пятнадцати футов.

Но падение оказалось вполне комфортным – кто-то умный позаботился под «мусорным местом» поставить нечто вроде батута: прочно натянутое на трубчатый каркас брезентовое полотнище смягчило удар, и даже подбросило его ещё разок – но уже только на ярд.

Он развернулся, оглядываясь. Ноги вновь тряслись. Нет, всё в порядке...

Господи! Он жив. О чём он и поспешил сообщить по радиации, глядя, как к нему бегут, наводняя эфир приветственными и радостными криками, скафандры коллег, и тех, кто работал на очистке макушки Кургана...

Ох, какое счастье! Он Дома. И он жив! Как бы ни было интересно и таинственно ТАМ, в лабиринтах Чужой цивилизации, как хорошо всё же здесь, ДОМА! Дома...

И... Что же чувствовали ОНИ, там, у себя на Родине, тщетно рассылая в разных направлениях сквозь бездонные ледяные, равнодушные и смертельно опасные глубины Космоса, десятки и сотни Посланников-кораблей, раз за разом убеждаясь, что и здесь, в очередной молодой системе, ещё никого не...

И вновь – нужно искать... строить Курганы... и ждать...
Ждать.

Какая жуткая вещь – Одиночество!

Своих слёз и рыданий, разносящихся на весь эфир, он не стыдился.

Юлия

Вначале Артём услышал смех.

Смеялась женщина.

Смеялась весело и беззаботно – так, как смеются только молодые. Когда вся жизнь впереди, и не нужно беспокоиться о ворчливых соседях и кровяном давлении...

Артём подумал было, что это – у соседей за стеной. Однако – нет. У этих нет никого молодого. Там живёт пожилая чета с маленькой собачкой. И если бы к ним пришёл кто посторонний – собачка заливалась бы оглушительным лаем. Как она всегда встречает даже почтальоншу.

Других же соседей попросту не слышно: сосед сверху положил при ремонте звукоизоляцию, и теперь даже если гоняет свои чёртовы Хард Металл и Панк-рок, звуки проходят только со стороны окон. Соседей снизу Артём знал плохо – но и там жила семья среднего возраста. И достатка. И – бездетная.

И вряд ли хоть к кому-то пришли гости во... – сколько там? – в полдвенадцатого.

Смех повторился.

И Артём с некоторым раздражением и испугом вдруг понял, что смеются-то – в его квартире.

Полный дурных мыслей и предчувствий, он вылез из-за

компа. Двинулся в обход.

Так. На кухне, откуда, как он первоначально посчитал, и идёт звук – никого. Ну, разве что «шалунья» спряталась за мусорное ведро. Ха-ха.

В зале, ванной и туалете – тоже никого. Балкон... Хм. Нет, и здесь никого – он даже открыл шкаф с барахлом. Ну и глупость! Померещится же такое!..

Он сел было снова в Одноклассников, но смех раздался опять – на этот раз не такой весёлый, а, скорее, издевательский.

Нет, это точно – на кухне!..

Пока женщина смеялась, он крадучись (За что сам себя постыдился!) пробрался к двери.

Проклятье!.. Не хотелось бы, но пришлось чувствовать себя полным идиотом: кухня оказалась пуста. Но смешки явно доносились из её пространства!..

Встав в дверном проёме, Артём легко обнаружил источник звуков: в метре над третьей табуреткой.

Сейчас, с его появлением, смех прекратился. Но явно слышалось шумное дыхание. По нему Артём понял, что... В кухне действительно кто-то есть. И этот кто-то видит его – растерянного, небритого, в драной домашней майке и растянутых тренировочных, «спортивных» штанах.

И впечатление он на этого «кого-то» явно произвёл поганое: раздался тихий, но отчётливо пренебрежительный смешок. Да, женщина – однозначно!!!

Волосы на затылке явственно зашевелились и встали дыбом – а на шее Артём ощутил холодный пот.

Чё-ё-ё-рт! У него – глюки, словно у завязатого наркомана! Может, пересидел за компом?!

Или – ещё хуже. В квартире завёлся человек-невидимка!.. Вернее – женщина-невидимка.

Как ни странно, несколько отрезвила его мысль о том, что скажет жена, обнаружив незнакомку... Да есть ли эта самая незнакомка на самом-то деле?!

Сглотнув, укусив себя за нижнюю губу, и таким образом убедившись, что не спит, Артём быстро сделал два шага и обеими руками охватил пространство над чёртовой табуреткой.

Ф-фу... Никого. Ему сильно полегчало. Он вдруг понял, что все мышцы свело, словно судорогой, и опустил похолодевшие руки вниз. Блин! Надо же... Чуть не попался!

Вот так люди и начинают слышать голоса, видеть барабашек, эльфов или гоблинов, и рассказывать, что они беременны от инопланетянина...

Никого, конечно, на табурете не оказалось. В-смысле, материального.

Но на всякий случай, чувствуя себя уже полным дебилом, Артём обошёл всю кухню, водя руками, и пытаясь достать во все углы, и нащупать...

Он не знал, что он там намеревался нащупать – поэтому и прекратил, только убедившись, что действительно, никаких

невидимок на кухне нет. Он вернулся за комп. Почесал бедро, щиколотку, и всё явственней проступавшую обширную плешь – проклятые комары!

Мало, что искушали все руки и ноги, так теперь ещё и за голову цапнули – под рукой нащупался здоровенный расчесанный прыщ. Пришлось встать, и прижечь его одеколоном жены. Прыща это не «испугало» – он знай себе продолжал чесаться.

Артём оглянулся на открытое настежь окно, за которым ещё светлела вечерняя заря июльской ночи. Комары, конечно, летят... Но ведь не закроешь же – духотища страшная.

Пытаясь абстрагироваться, он застучал по клавишам.

Происшествие оставило гадливое чувство собственного кретинизма, и крохотный червячок сомнения – адекватно ли его восприятие реального мира...

Может, нужно меньше... Общаться виртуально?..

Через день ситуация повторилась.

Поскольку вечером жена снова отбыла на дежурство в свою терапию, Артём, поужинав, снова зависал в Сети. Правда, теперь читал – нашёл интересные подробности о рыболовных снастях. Было, кажется, ещё душней, чем накануне – он снял даже майку.

На этот раз ему послышался не смех. Странно знакомый голос звал его по имени:

– Артём!.. Артемка-сластемка!.. Иди сюда, дам тебе кон-

фетку!

Вот теперь настал черёд испугаться *по-настоящему!!!*

Так Артёма звала только его Первая. И – только когда предлагала... Себя!

На этот раз он покрылся липким ледяным потом сразу – ещё не встав со стула. Огромные мурашки – да что там мурашки – жуки! – бегали по всей спине и шее!

А ведь он знал!.. Он ещё тогда – в первый раз! – понял, что это приходила ОНА.

И подсознательно всю жизнь знал: рано или поздно этот день наступит. Юлия придёт за ним. И уж тогда-то никуда он не денется...

Жаль-то как. Дожил всего до пятидесяти... С небольшим.

С чувством осуждённого, восходящего на эшафот, он двинулся на голос: на этот раз в зал.

Тянуть с разборками он смысла не видел. Уж если началось – значит всё. Кранты. Крыша съехала, совесть одолела.

Ну почему, почему он тогда сбежал?! Может, и не любил, как уверял – и её и... себя?..

А позже, когда она сказала, что беременна – испугался? О, да: испугался-то он точно! Ответственности. Пелёнок и неизбежной и неистребимой вони от мочи... Гарантированных ежедневных скандалов с предками – жить-то пришлось бы у него. А характер что у его матери, что у его «девушки» – тот ещё... Не пришли бы к «консенсусу».

Вот он и сбежал в Москву.

Но ведь Юля умерла вовсе не из-за него! Она и вышла замуж, и нормально родила... И лишь в тридцать шесть скончалась от рака пищевода.

И все эти годы для него – словно и не было их... Рана свежа. Мучительной тяжестью сердце сжимает стальная рука совести, и к горлу подступает тошнота – виноват... Бросил... Обманул...

То, что он увидел в зале, в сумрачном свете заходящего солнца, сразу вернуло его на землю из заоблачных далей мистики и самоедства.

Картина выглядела дико, безумно. Здесь уж не до самокопания...

Просто – *страшно*.

На высоте примерно метра над его любимым креслом прямо в воздухе висели...

Два глаза.

Выглядели они так, как Артём однажды видел в каком-то научно-популярном фильме: со зрительными нервами, идущими куда-то назад и вверх, с вращающимися круглыми яблоками, и странным, немигающим выражением... Тут же он понял, в чём дело: не было глазниц, бровей, ресниц, лица – вообще, всего того, что должно окружать нормальные женские глаза!

А так, вроде, глаза смотрели на него даже без укора... Получается – даже хорошо, что причиндалов, делающих всю эту мимику, нет!

Но всё равно – горло Артёма перехватило. Ноги задрожали. Он судорожно вздохнул.

Однако сказать не успел ничего.

Голос, этот до боли знакомый, и ни чуточки не изменившийся голос, произнёс откуда-то из воздуха, из места чуть пониже глаз:

– А-га, вот и ты. Ну иди же, маленький, иди скорее!.. Мама приготовила конфетку!..

Интонации резанули по сердцу мучительной лавиной воспоминаний: да, она так и говорила с ним... Словно мать с непослушным и неразумным малышом. А ведь он всего-то на три месяца младше!

Вдруг волна возмущения залила затылок и лицо: он не мальчик! Он уже – взрослый, состоявшийся мужчина! Да и мертва она давно, его «первая любовь»!..

И вообще: что это за бред – почему Призрак его бывшей не может явиться сразу весь, и во плоти – ну, вернее, не во плоти – а, в-смысле, цельным изображением?! То есть так, как положено порядочным Призракам?!

Ощувив, что сбросил оковы гипноза, (Он – не кролик!) Артём почти спокойно подошёл, и протянул руку...

А лучше бы он этого не делал.

Потому, что глаза – оба яблока – остались на месте, и его покрытая липким потом ладонь ощутила мягкую упругость и холодную скользкость поверхности левого яблока...

Да, оно висело там! Материальное, и несомненно суще-

ствующее! И вывернулось кверху – взглянуть на него!

Автоматически застыв, и не убрав ладонь, он ощупал и круглую выпуклость, и мягкую податливость, и движение – трение чего-то скользкого, словно рыбе брюхо, о ладонь!

Голос Юли нельзя перепутать ни с чьим. Она пошло хихикнула:

– Может, хватит «прелюдии»? И шалунишка перейдёт непосредственно к делу?..

Вселенная вокруг него бешено завертелась, в ушах громко зазвенело.

Увидел стремительно приближающийся ковёр, Артём ещё успел понять, что теряет сознание...

Он очнулся сразу.

Понял, что уже глубокая ночь. В зале было темно – только из спальни просачивался розоватый свет – торшер. Артём не придумал ничего лучше, как со стоном сесть, а затем и встать.

На голый живот налипли крошки и ворс – ковёр давно никто не пылесосил. Спина... Замёрзла.

Он включил люстру. Никого. Разминая себя руками и отряхиваясь, Артём глубоко дышал, уже не сомневаясь, что на сегодня компьютера – хватит!

Но на всякий случай опять обошёл всю квартиру – заглянул даже в туалет.

Точно – никого. На часах значилось – одиннадцать трид-

цать две. А от компа он отошёл... Хм. Надо же – провалялся почти час! Может, перенапрягся на работе?

Дневные заботы пронеслись перед внутренним оком: планёрка, заводской цех с макетным образцом, разборки с мастером участка, обед... Затем – снова КБ, с его старинными кульманами, и стариками за ними. И компами – за ними, используя всё богатство софта, работали молодые, ретивые. Нет, сам он уже ничего не чертил... Но по должности всё равно – регулярно проверял, как что идёт у кого. Шло, вроде, неплохо – только медленно. Да оно так, по-старинке, с проверкой и перепроверкой – и лучше. Надёжней.

Но вот устать *настолько*, чтобы видеть жуткие глюки, характерные, скорее, для фильма ужасов, он не должен. Может, поел чего не того? Тоже – нет. Что обед, что ужин – пресные, обычные. Борщ – он и есть борщ: что в котелке, что жена давала с собой подогреть на работе, что дома – в восьмилитровой кастрюлице.

Артём только теперь заметил, что застыл, как придурок, перед экраном компа, пляясь в черноту отключённого автомата экрана... Он поёрзал мышкой. Экран возник – словно из небытия. Что за чертовщина сегодня... да и позавчера – с ним происходит?! Неужели это – наказание?

Тогда – почему оно опоздало почти на сорок лет?!

Может, показаться... врачу? Специалисту?

Он покачал головой – не-е-ет, он, может и псих – но псих пока вполне разумный. То есть – себе на уме. Его визит к

психиатру обязательно какая-нибудь зараза да углядит! В крохотном городишке ни от кого не скроешься! Тогда коллеги замордуют приколами и насмешками!

Ощупав своё сознание придирчивым «внутренним оком», он подумал, что, конечно, по-идее, должен бы заметить что-то новенькое в Разуме... Но – ни фига не замечает. Разве что цвета на мониторе оказалось видно ярче и лучше, чем обычно... Но это – скорее всего от часового отдыха глаз...

Артём не придумал ничего умнее, как выключить оборудование, и отправиться в ванную – чистить зубы и мыться.

Спал хорошо – сам удивился.

Разбудила Ксения – несмотря на все её старания, повороты ключа в скважине гремели на всю квартиру. Но Артём продолжал лежать – они так «играли». Словно всё в порядке, и он мирно спит.

Ксения как всегда принесла что-то съедобное – он услышал скрип дверцы холодильника, и шум от загружаемых в него пакетов с продуктами. Отлично – а то этот борщ ему уже поперёк...

Но вот она закончила с делами, и зашла – он прикрыл глаза плотнее.

Как же, обманешь её!..

– Тёма!.. Хватит щуриться – я знаю, что ты проснулся. Вставай – десять минут восьмого!

– Ну как там, на работе? – «Тёма» всё же решил поне-

житься, потягиваясь. Время терпело.

– Да как всегда. Никто не умер – если ты об этом! – «мягкий и неназойливый» юмор жены лет двадцать как сидел у него в печёнках. Но – тут уж ничего не поделаешь! Кажется, все хирурги отличаются как раз таким. Плоским и примитивным. А ещё бы: ведь им-то как раз и нужен такой заслон – чтобы отгородиться от людских страданий и утрат... Иначе – если станешь сочувствовать каждому – точно спятишь!

– Ну и слава богу. – Артём поймал себя на том, что почти проворчал это, словно брюзгливый старикашка. Лежать почему-то расхотелось. Нет, так нельзя. Он сменил тон, – Там ещё остался...

– Да, я уже видела. – отозвалась супруга, вытаскивая массивное, но крепкое тело из платья, – Я им ещё пообедаю. А так – на работе перекусила... Так что – только спать!

Одевая носки, он вяло констатировал, что розовые трусики – скорее, трусищи! – жены вообще никак не откликаются в нём нигде – ни в душе, ни в... разных органах. Но дело, наверное, не только в привычке. И растянутой ночнушке.

Всё же она слишком... Большая. Рядом с ней он казался самому себе – недомерком. А ведь они одного роста. Только она на сорок кило потяжелее...

Отвернувшись к окну, он встал и натянул брюки.

– Возьми там, в шкафу – новую рубашку. Ту, голубоватую... – жена, уже в двух бигудях, откинулась на нагретую им подушку, – Ну, спокойного дня!..

– Ага. И тебе – сладких снов. – он задёрнул плотней занавес на окне, и вышел.

На кухне выяснилось, что в банке закончился растворимый кофе. Пришлось заварить чай.

Чая он не любил, но признавал – мозг тот встряхивает куда лучше. Так что оба бутерброда – с сыром и колбасой – смело им запивал, не забыв и сгущённое молоко: жена каждый день открывала новую банку. И сделать что-то с этим, как и с её неуёмным аппетитом, не представлялось возможным. Разве что побольше отъесть и отпить от всего, что она днём, проснувшись, и включив ящик, всё равно прикончит под тупые скандально-разборочные и свадебно-разводные передачи, которые Артём тихо ненавидел.

В туалете он, справляя малую нужду, вначале тупо пялился – не мог понять! – а затем с шевелящимися волосами боялся поверить: из задней стены сквозь циновку с видами каких-то тибетских монастырей, и широкой рекой, явственно проступали... Чьи-то груди.

И не обвислые гигантские мешочки, как у жены – а упругие и налитые, как у...

Чёрт! Проклятье! Что же это за!..

Но рука как-то сама, тянулась – проверить бы...

Сжав зубы так, что из дёсен потекла кровь – он почувствовал её вкус! – он вышел и выключил свет, даже не обернувшись.

У него всё в порядке.

Он нормален. Он – нормален... ОН – НОРМАЛЕН!!!
Пропади оно всё пропадом.

На работе он работал – то есть контролировал подчинённых.

Давно прошли светлые и наивные времена, когда он, не отрываясь, мог зависать у кульмана по восемь часов, вычерчивая и снова сердито стирая, пытаясь улучшить. Доработать. Добиться совершенства форм и содержания.

Нет – теперь почти всё рассчитывают и вычерчивают чёртовы электронные мозги и принтеры: задача простого инженера – только следить, чтобы всё это имело смысл и верные параметры. А его, как главного в Отделе – чтобы всё сделали... Вовремя!

Артём не обольщался: ему до пенсии четыре года. И его место – синекура. Для матёрого и отдавшего зрение и здоровье *делу* – ветерана. А когда его турнут – вон: Петрович.

Тому до пенсии – семь лет. Отдохнёт. Отъестся. Успокоится. Смирится.

Примет, что впереди – только чёртова рыбалка...

А уж рыбы в их речке... Чтоб ей провалиться – полно.

В обед, поедая всё тот же борщ из традиционно наполненного Клавдией и подогретого на отдельской плитке котелка, Артём вдруг ощутил странное движение воздуха за спиной – словно сзади кто-то прошёл! Но, оглянувшись, никого не увидел.

Жуткое ощущение присутствия, которое охватило тогда, в самый первый раз, снова накрыло – как подушкой с тёплым воздухом. Ноги опять задрожали. Грудь сдавило – не вздохнуть... Она – здесь?!

Плохо. Если глюки начнутся на работе, лечиться придётся-таки.

Перед коллегами, конечно, будет стыдно. Но ещё хуже – если он начнёт разговаривать сам с собой, и тыкать в воздух пальцами! Он снова ощутил панический ужас: что же всё-таки происходит с ним?! А ведь происходит!

Например, почему сегодня и видно и слышно куда лучше, чем обычно?! Вон: он слышит, как Дима ругает его Антонине Павловне: «...пристебался, понимаешь, старый хрыч, к переходнику! Параллельные, дескать, непараллельны!..» А раньше он шёпота с двенадцати метров не услышал бы...

Климакс? Перерождение стареющего организма?..

К свиньям собачьим – надо работать! Он попробовал сосредоточиться на чёртовых бумажках перед ним. Так – это хорошо... Это – перечертить – много помарок и грязи! Здесь какой-то балбес напутал с цифрами. А, Геннадий напутал. Димин чёртов друг. Сейчас он ему тактично...

Ха-ха. «Тактично» получилось только «почти». Когда возвращался к своему рабочему месту, Геннадий соорудил ему в спину кукиш – он и это почуял!..

Ну и ладно. Главное – чтобы работа шла.

Больше ничего необычного не случилось, и он продержал-

ся до конца рабочего дня, делая рутинную работу и проверяя проходившие через его руки материалы, на «автопилоте». А что: «автопилот» – замечательная штука. И, главное – работает: он выловил три неувязки в размерах, и серьёзную ошибку в расчётах...

Ксения смотрела ящик, и как всегда что-то грызла. Подойдя и чмокнув супругу в щёку, он обнаружил, что на этот раз – конфеты: арахис в грильяже. От экрана она не оторвалась, буркнув:

– Там, на плите – кавардак. Ещё горячий.

Накладывая, и ставя тарелку с чуть тёплым кавардаком на стол, Артём подумал, что, в-принципе, они теперь – почти идеальная семья.

Полное взаимопонимание, спокойная терпимость, мир в Доме.

Она не мешает его хобби, он – её. Еду готовит Ксения, большую зарплату и самые ходовые и тяжёлые продукты, типа мяса, круп и картошки, привозит из гипермаркета он. Она же покупает – только лакомства. Деликатесы. И ещё одежду. Им обеим. По выходным. Иногда.

После того, как Лена вышла замуж и отчалила в Данию с мужем и двойняшками, они даже по-настоящему не ругались ни разу – не то, что в «старые добрые времена»...

Вот только когда включают скайп раз в месяц, чтоб взглянуть на внуков и дочь с зятем, вынуждены держаться как и

раньше – вместе. Улыбаться в камеру. Создавать видимость дружной и солидной пожилой пары.

Вот именно – видимость.

Хотя для соседей теперь – рай! Их семья – самая примерная! Громких и злобных разборок с битьём посуды и крушением мебели, (Подобных тем, что постоянно культивируются в «любимых» передачах!) как бывало, из их квартиры не слышно уже, почитай, года... Да, четыре – как раз, как Лена отчалила, а они заключили «Пакт». О ненападении.

Пакт оказался чертовски удобен – он больше не «приставал» со своими «дебильными» домогательствами, а она не требовала регулярных уборок и перестановок мебели...

Одно оказалось плохо – климакс у Артёма ещё не наступил. А искать любовницу ему, пожалуй, поздновато. Да и вряд ли прилично: ну, опять же – город маленький, все – как на ладони.

Вот и приходится «предаваться блуду» с рукой. В ванной.

Задумчиво пережёвывая крупно порезанную тушёную картошку, Артём прикидывал: может, это из-за сексуальной неудовлетворённости ему... Начали являться части тела Первой...

Вот её-то уговаривать точно – не надо было! Скорее уж – тормозить...

За компом он засиделся до двух – жена уже спала. Из-за своей перегородки, делившей спальню примерно пополам, он явственно слышал богатырский храп. Это отвлекало.

Так он этот сволочной «навороченный» уровень и не прошёл. Графика уж больно хорошая – вместо игры он иногда просто любовался на серо-защитных чудовищ эпохи второй мировой... Нет, танки – это вещь. Он снял наушники, и всё выключил. Долго стоял, глядя на затылок и окружённое всклокоченными седыми у корней волосами, ухо Ксении.

Ксения. Ксюша... Жена. Мать его дочери. Вроде, хорошая женщина.

Но – настоящая сука. Хитро скрывавшая «подлинное лицо» до свадьбы.

Впрочем, возможно, все женщины – таковы? Недаром же есть анекдот про бочку с мёдом, у которой на дне – д... Вот именно. А он уж точно – откупорил не с того конца!

Однако – почти не протестовал. И развестись даже не пробовал.

Может, подсознательно чувствовал вину перед той – Первой?..

Ведь и правда, был! Виноват.

В ванной он включил воду погорячей.

Снял растянутое спортивное трико и полинялые трусы. И майку в дырах... Повернулся к ванне.

Она уже стояла там, омываемая упругими струями воды! И хитро-хитро глядела ему в глаза. Снова *этот* взгляд... Никогда он не мог... Устоять.

Что-то пережало ему дыхание. Он замер было, но преодолел себя – нет, он не позволит глюкам восторжествовать над

его прагматичным мозгом Инженера!..

Однако от неё не укрылись его колебания и внутренняя борьба:

– Балда ты – Тёмчик! Как был – так и остался! Хватит думать – иди сюда! – её мокрая и в капельках воды рука оказалась перед его грудью. Она протянула руку – ему...

Он... взял эту руку.

Ч-Ё-Ё-Ё-РТ!!! Рука мягкая, тёплая, упругая – молодая! А как превосходно видно всё её тело! Неужели и оно – такое же тёплое, нежное и поистине божественно стройное, и восхитительное на ощупь, как ему помнилось?! На этот раз сознание не поплыло – и он понял, почему!

Кое-какие части тела не могли не отреагировать! Да ещё как!..

Ну, что же он стоит, как баран? Вперёд!

Сходить с ума – так хоть чтобы при этом было приятно!!!
О-о-о!..

Вытираясь жёстким полотенцем, он уже посмеивался.

Приятно оказалось... Очень.

Ну вот оно и пришло. Сумасшествие.

Мало того, что он предался «разгулу бурной страсти» с Бывшей, давно умершей женщиной. Мало того, что он сам себе показался... вполне достойным.

Мало и того, что он «принял» и «использовал» глюк как реальную женщину.

Так он ещё получил от «встречи» колоссальное удовольствие!!! Удовлетворение. Гордость своими... Способностями.

Похоже – этот момент даже важней.

Ведь он всегда знал, что может не только сам получать – но и дарить женщине... Нет, скажем скромнее – подлинно «земное» наслаждение! Для его самомнения и тщеславия эта странная и дикая встреча под тугими струями обжигающей воды – бесценна! Что может быть приятней для пятидесятилетнего мужчины: осознавать себя ещё очень даже в «силах»?!

А может – и не надо бороться? И – грузить мозг дурацкими мыслями и комплексами?!

Шизофрения – так шизофрения!

Зато какая приятная!.. Впрочем...

Кое-что ещё грызло его трезвый ум. Что, если то, что он трогал тогда – ну, то есть, глаз! – и тело, которым нагло воспользовался сейчас – не глюк? А – подлинная реальность?!

Что, если что-то такое произошло в мире: ну, там, всякие новые нано-технологии, экологические катастрофы, солнечная активность и проч. – и его Первая – воскресла?! Или – куда-нибудь... воплотилась?!

Читал же он в молодости – Лема? Там, в «Солярисе» – главный герой предавался, как и он сейчас, бурной страсти с почти такой же, умершей фактически из-за него, любимой Женщиной. Чудесным, но вполне реальным образом «вос-

крешённой».

И этот герой вовсе не комплексовал из-за этого, и не слишком-то стремился разложить любимую на атомы для подробного анализа – что в ней, да как...

А просто – любил и... Всё остальное.

Фильм Тарковского он тоже помнил отлично. Там философия, пожалуй, даже поглубже, чем в оригинале. Впрочем, философию Артём всегда люто ненавидел.

Поэтому и решил, что у него – совсем другой случай.

Да и не исчезала героиня у Лема из ванной, нагло и пошло хихикнув, и сделав ручкой на прощание... А Юлия именно так и поступила!

Когда он, счастливо задыхаясь, откинулся спиной на кафедру, его новая – верней – старая! – любовница просто растворилась в воздухе. И его глупые попытки нащупать её в тесном пространстве, разумеется, провалились. Но это его не расстроило.

Подсознательно он уже и был готов к чему-то такому: как инженер, и практик с многолетним опытом прагматичного подхода к о всему, он старался остаться последовательным и методичным даже в сумасшествии!.. Раз кто-то (Ох! Даже страшно думать – кто!) дал ему такой замечательный второй шанс, дураком он будет, если не воспользуется!..

Кроме того, он ощущал в себе какие-то новые, словно раскрывающиеся силы и способности! Храп Ксении он слышал теперь даже сквозь закрытую дверь ванной. В щелях меж-

ду кафельными плитками видел – буквально отдельные песчинки цемента и песка... А запах молодого, здорового тела до сих пор стоял в ноздрях!

А что – он вовсе не против *такого* Расширения Сознания!..

Пусть даже и платить за всё это придётся сумасшествием. Не даром же говорят: блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное...

Так что – пусть. Пусть – сумасшествие. Зато – море удовольствия. И – банальное самоутверждение. Реванш. Но вот говорить о нём жене... Хм...

Дудки – он же не дурак!

Забираясь в кровать со своей стороны, Артём смотрел на тело жены под простынёй с довольной ухмылкой... Конец фрустрации!

С завтраком возникли проблемы.

Юлия пожелала (Сама – вот уж не собирался он... Знакомить их!!!) позавтракать с ним и Ксенией.

Когда она вошла в дверь, он вылупился на неё как баран, и застыл с недожёванным куском во рту. Но смог сдержаться и промолчать. Ксения его замешательства не заметила – как раз намазывала мёдом тост. Юлия же весело и беззаботно улыбалась, крохотные пальчики и божественный ротик послали ему воздушный поцелуй. После чего его Первая выдвинула из-под стола табурет Лены, и уселась на него, заки-

нужно ногу на ногу.

В банном пушистом халате и с вымытыми волосами она, понятное дело, казалась неотразимой – сама свежесть и воплощённая сексапильность. Но...

Но *как* она могла войти, пройти мимо его жены, и двигать табурет так, что Ксения, отличавшаяся отличным слухом и зрением, не видела и не слышала ни-че-го?!

Артём убедился, что его худшие подозрения подтверждаются: Юлию создала его память. Его мозг. Его... Комплексы?

Поэтому она – реальна только для него. Остальные и не увидят, и не услышат созданный им божественно прекрасный и восхитительно юный Фантом...

Но как же – табуретка?! Он же видит – её выдвинули, на неё сели...

– Милый! – голосок игривый и требовательный. – Будь добр – передай чашку!

Автоматически он передвинул третью чайную чашку, непонятно как оказавшуюся на столе... Юлия, словно её бесплотность нисколько её не смущала, взяла чайник и налила себе половинку – так она любила всегда. А долила – кипятком, встав к плите за большим чайником.

Ксения с удивлением взглянула на него – он уткнулся носом в столешницу, и убрал руку со стола. Продолжил жевать сразу ставший безвкусным бутерброд, старательно избегая откровенно вызывающих взоров снова севшей Юлии. Но та

и не думала сдаваться:

– Тёмушка! Ты не посмотришь: кажется, меня покусали комары!..

После чего халатик как бы сам собой распахнулся, и его взору предстали две самые соблазнительные и прекрасные ножки из всех, что ему довелось рассматривать и ощупывать!

Его мужское естество... отреагировало.

С непрожёванным куском во рту Артём вскочил из-за стола, да так, что зазвенели чашки, стоящие на нём – хорошо хоть не попадали на пол!

Он стремительно выбежал из кухни в спальню, дожёвывая на ходу, и срывая домашнюю майку. Подскочив к шкафу, стал быстро одеваться. На вопрос супруги крикнул:

– Опаздываю! Забыл, балда, что сегодня мне – на десять минут раньше! Отчёт!

Невозмутимо вошедшая, и вставшая в проёме, подперев косяк округлой частью спины Юлия, приподняла бровь:

– Вот как? А почему я про это ничего не знаю?! Сейчас пойду с тобой! Врать нехорошо! А особенно нехорошо – врать любимой девушке и самому себе!

Артём затравленно посмотрел на неё, буркнув как мог тихо:

– Солнышко моё! Умоляю – только не на работу! Дома – пожалуйста! Всё, что захочешь! Но на работу – не надо!..
Прошу!..

– Ну... Ладно, противный мальчик! Останусь здесь. Посмотрю, как ты тут устроился, и что за корову взял в жены. Жаль её... Но ничего – я постараюсь облегчить её сложную и опасную жизнь с тобой!

Артём не нашёлся что ответить. Тем более как раз мимо Юлии в спальню прошла Ксения.

Странно – она легко миновала пространство, занимаемое халатом и выставленной пикантной ножкой, просто пройдя сквозь них. На Артёма жена смотрела...

Почти заботливо.

Видать, почуяла, что у – пусть не любимого, но привычного – супруга что-то не так...

– Ладно, беги уж, работничек – ценный кадр... Кавардак я уже наложила.

– Спасибо. – Артём кончил, наконец, повязывать галстук, и двинулся в прихожую, захватив со стола котелок. Котелок имел древнюю историю и оставался ещё с тех, счастливых времён военных сборов – Артём прихватил его на память почти сорок лет назад, да так и приспособился использовать... В каком-то плане котелок ностальгическим бальзамом напоминал о тех незабвенных, пусть – глупых, но беззаботно-счастливых и наивных... Ну-да.

По дороге на работу Артём обрёл способность снова мыслить. Почти логически. Благо, пешком до его КБ можно дойти за пятнадцать минут.

Что же с ним, в конце-то концов, происходит?!

Жена – это однозначно! – Юлию не видит. А вот он видит. Мало того: он видит, как она двигает табуретки. Чует её запах своим улучшившимся обонянием. Слышит мельчайшие нюансы интонации... И – в ванной, во всяком случае! – осязал её так, как никогда прежде: Юлия чертовски реальна. И воплощена, если можно так сказать, в великолепнейшее тело!

Тело, пожалуй, даже лучше, чем у той, реальной Юлии...

Да и некоторые приёмы... И ласки... Хм.

Может, не его память, а чёртово подсознание – как раз и проецирует на фантом те черты, которые он мечтал, но так и не увидел в своей Первой?.. Что, если эта Юлия – (для него!) живое и материальное воплощение настоящей МЕЧТЫ?!

Возможно ли такое?! И...

Главный вопрос: почему *это* произошло... И происходит – именно с *ним*?!!!

Неужели всё это – игры *его* разума, и он один такой, уникальный, смог воплотить себе на старости лет, ужасно, безумно (Вот уж – точно!) заманчивую вещь: любимое занятие, с любимой женщиной, и практически в любом месте и в любое время?!

– «Остановись, Тёма! – кричал кто-то маленький и на- смерть перепуганный в его голове, – Если переусердствуешь с *этим* в твоём возрасте – инфаркт только этого и ждёт!!!»

Кроме того, беспокоить начала и жутковатая мысль: а ну, как Юлии удастся что-то сделать с Клавдией?! Она, конечно, нематериальна, и для других людей, похоже, бесплотна и невидима, но... Червячок сомнения копошился в душе всё сильнее – даже когда он проходил через КПП с его неизменными занудно-тоскливыми проверками, и сканированием сетчатки.

Артём постарался взять себя в руки. Ему предстоял очередной насыщенный рабочий день. И – действительно Отчёт. Пока дошёл по длинному коридору до кабинета, это почти удалось.

Ключевое слово – почти.

На утреннем разборе он не слишком смог сосредоточиться на том, что докладывали подчинённые. И кое-что даже переспросил, заметив, что вызвал недоумённые переглядывания у бестактной молодёжи, и сосредоточенно нахмуренные брови у ветеранш и ветеранов – таких в его Отделе пока всё же было большинство.

Это не могло не напрягать и его самого. Он уже смутно знал – он чуял всем нутром, как постепенно отдаляется... И – не только от всех этих, в-общем-то милых и по-своему добросовестных коллег...

А – и от остальных людей вообще: пенсионеров с неизбежным, как Апокалипсис, домино и пивом. От женщин с дурацкими обсуждениями сериалов и Халаховских скандалов в прямом эфире. От детишек – которые, если уж быть чест-

ным хоть перед самым собой, всегда раздражали своей тупостью и телефонами: словно нет вокруг Реальности. А вся она там – в маленькой пластмассовой коробочке!..

Он, как никогда, ощущал полную бессмысленность окружающего Мира. Никчёмность и мелочность почти всего, к чему так трудолюбиво и настойчиво стремится большинство окружающих его людишек... Дом? Семья? Машина? Деньги? Власть?

Какая чушь. Всё это не заберёшь с собой ТУДА – туда, где кончается плебейское серое накапливание, и начинается Жизнь Духа...

То есть то, что и отличает Человека – от скота.

Совершенствование Сознания и приобщение Души – к сокровищнице Мирового разума...

Чёрт!.. Что это с ним?! Куда его повело?!..

Нужно делать Работу!

Он – всё ещё частичка *этого* мира!

Поэтому он мысленно щёлкнул переключателем в мозгу, и «абстрагировался» от возвышающих устремлений, и от воспоминаний о ванне, от которых краска стыда и возбуждения огнём заливала лицо и шею, и двинулся вдоль длинного ряда кульманов, придирчиво рассматривая: что там исправили и дочертили вчера по его указаниям...

Рефлексы и привычки – великая вещь. Вскоре он действительно втянулся, и смог вот именно – вникать и в детали.

Порядок. Есть в чём отчитываться.

После обеда, у шефа, он это и сделал. Шеф прокомментировал работу кивком, и словом:

– Продолжайте.

Остальные двенадцать глав Отделов тоже что-то докладывали – он отключился.

За спинкой стула шефа... Танцевала Юлия.

Танцевала нагло – с эротическими изгибами, позами, и стриптизом. Масляными глазами смотрела на него. Обошла всех коллег, у одного поправив галстук, другого погладив по лысине, а самого молодого – Михаила – даже поцеловала в шейку. Косилась при этом на Артёма...

Артём ощущал... Дикую ревность!

Запах её духов бил по ноздрям, а пальцы покалывало от воспоминаний о прикосновениях!

Стерва! Она специально его дразнит: чтобы он взял её со звериной жестокостью – девушку явно потянуло на экзотику!..

«Девушка» между тем залезла на стол для совещаний. Вначале извивалась, дрыгала в воздухе ножками, вертела... тем, чем положено вертеть, и всё поглядывала.

Затем и легла... Ох!.. Вот зараза – что вытворяет!..

Артём видел, как она разбрасывает движениями спины и места, что пониже, да и руками, бумаги начальников Цехов и Отделов... Но сказать ничего не посмел – раз никто не видит её, значит, и он... Не видит!

Не видит! НЕ ВИДИТ!!!

Тщетно он приказывал себе – отключиться, а Юлии – исчезнуть!

И не думала она исчезать. И ведь не закроешь глаза: коллеги посчитают больным. Или – идиотом.

Только когда Юлия осталась абсолютно без одежды, раскидав её по всей комнате, и вызвав у Артёма жуткое неудобство в штанах – (Ещё бы! Как теперь встать: ведь среди начальников – три женщины!) – соизволила раствориться в воздухе со сладострастным вздохом!..

Артём поспешил попросить у соседа передать графин, и трясущимися руками налил себе полный стакан... Вопросов, правда, никто не задал, но все на него *посмотрели*.

Плохо.

Если в лоб никто и не спросит, всё равно – они подумают. И подумают правильно.

Что он – готов. Для досрочной пенсии. Переработал, дескать, старичок – нагрузка и нервы доконали! И если он в ближайшее время сам ничего не предпримет, есть шансы, и очень неплохие, что предпримут за него...

С-сука чёртова! Самка поганая! Вот уж поиздевалась!.. Всласть! Или... Мстила?

Как же тогда мелочна эта месть!..

Наконец планёрка закончилась.

Для него – всё вокруг происходило уже словно во сне... Во сне, в котором он играет главную, ведущую роль. Да уж, пусть он артист, пусть все – только игра. Но!

Остальные не должны понять, что он – уже не с ними.

Что его поле зрения куда шире, его восприятие – сверхвосприятие, и ему доступны *такие* глубины философии и явлений Природы, какие остальным и в волшебных грёзах не привидятся.

И – самая желанная Девушка его Мечты...

С другой стороны – и слава богу, что всё *это* доступно лишь ему!.. Зачем ему конкуренты?

Нет, до поры до времени он хочет остаться неузнанным, он, Сверхчеловек... Сверхлюбовник. Избранный. Неважно – кем! Важно, что он *это* ощутил. И – принял.

Согласился принять.

А сейчас, чтобы понадёжней замаскироваться под обычного, простого человека, работника, ему лучше всего...

Артём быстрым шагом двинулся прямо в медпункт, на ходу злобно расслабляя галстук, и сердито глядя на чёртовы кадки с фикусами-пальмами в коридоре – словно те в чём-то виноваты.

Бессменная и почти абсолютная властительница медпункта, Резеда Рафиковна, приветствовала его сразу атакой в лоб:

– Ба, Артём Саныч – вы что-то очень бледный сегодня... Давление?

– Добрый день, Резеда Рафиковна. Да нет – не давление... Что-то мне как-то – просто нехорошо. Задыхаюсь. И... Мысли дурацкие лезут... О смерти... – Боже, дурак! Зачем он

так сказал?! Ведь никакие мысли его не мучают! Особенно – о смерти... Что врачиха сейчас подумает?!

Но ведь должен же он был хоть что-то сказать?! Оправдать как-то свой приход сюда?!

Ведь слухи, которые наверняка поползут после этой планёрки, быстро дойдут и до медпункта – и очень даже быстро! «Сарафанное» радио на их небольшом Комбинате работает отлично!

– Чего-чего?! – огромные тела буквально заходили ходуном от громкого смеха. Доктор беспечно махнула ручкой в бриллиантовых перстнях, и непритворно развеселилась, – Вот уж потешил так потешил... Саныч! Прекрати свои дурацкие шуточки! Ты у меня тот ещё огурчик! Ну-ка, снимай рубашку с удавкой, и залезай сюда!..

Артём так и сделал, расслабленно откинувшись на вначале неприятно холодившую спину кожаную обивку древнего лежака. Резеда натянула на его плечо манжету танометра – новомодных штучек-дрючек она не признавала. Артём почти успокоено следил, как давление оказалось в норме, глаза – в порядке, колено-вскидывательные рефлексy – на месте, и всё остальное, что составляет вполне полное обследование тела...

Если бы ещё – духа. Но это – уж к психиатру!

– Ну, как там Клавдия-то твоя?.. А Лена? А внучата?..

Ощущая глупую улыбку на лице, которая возникла как-то сама по-себе, без всяких сознательных усилий, он действи-

тельно расслабился, отвечая на привычные бытовые вопросы, которые, как он знал, и правда волнуют Резеду – она-то уж реально «болела» за физическое и духовное здоровье своих подопечных. Да и вообще – к работе относилась не как к формальности, а... Да, наверное, как к продолжению собственной семьи – холёному и всегда обстиранному и наглаженному мужу, и трём цветущим девам-дочерям.

Через полчаса его не без ворчания, что «только время у занятых людей отнимает», и пожеланиями, чтоб он «шёл мозги трахать кому-нибудь другому», выдворили из кабинета, порекомендовав съездить, или сходить на рыбалку – благо, завтра суббота.

Артём вполне искренне порадовался и поблагодарил. Хоть с телом всё в порядке. А что с его новым Сознанием – остальным знать рано. Да, собственно, и незачем!

А что до «отнимания времени» – он был спокоен. Знал, что у Резеды вообще редко кто из мужчин бывает, а если и заходят с болячками – то всё больше женщины: потрепаться, а заодно и от работы официально откосить на часок-другой. Ну и правильно: к ним на работу задохликов всяких не возьмут – отсеют при обследовании... Потому как работёнка – не для хилых и нервных.

У себя в Отделе он теперь ходил гоголем: Резеда прописала-таки ему таблетки, и он поспешил парочку съесть прямо при всех: для общего укрепления комплексные витамины – отлично. А ново-пуссит поможет расслабиться... (А то, что

больше практически не выписали ничего серьёзного, а только какую-то фигню от давления – остальным знать не надо!)

Своё посещение медпункта он тоже прокомментировал для того же Петровича:

– Что-то я задохнулся у шефа в кабинете. Дай, думаю, схожу к Резеде – вдруг найдёт чего. А заодно и потреплюсь, о своих-то заботах...

Петрович, никогда не отличавшийся тактичностью, ляпнул прямо «в глаз»:

– Ну, и как там предынфарктное состояние?

– Отлично. Не обнаружилось... Пойду, поработаю – вдруг ещё не всё потеряно.

– Ага, мечтатель. Поговорка «от работы кони дохнут» не про нас, а про шахтёров!

– Ладно, жив пока, и хорошо. Ты как завтра – на рыбалку ходим?

– Хм... А чего не сходить, коль приглашают... Но – не больше одной!

Доработал до конца дня Артём уже почти успокоившись. В пятницу он заканчивал, как и все, на час раньше. Проверяя сметы и расчёты, засиделся на десять минут дольше обычного – когда выбрался в коридор, там уже замерли звуки шагов и весёлых переругиваний – все ушли.

Из кабинета шефа выскочила, оправляя юбочку, Юлия. Волосы всклокочены.

Из потаённых глубин его нового, почти во всю Вселенную расширенного сознания, выплеснуло водопад гнева и ревности. Он почти услышал, как от его злости и внутреннего крика зашатались звёзды на своих вековечных колеях-орбитах!..

Здесь же, в этом бренном и приземлённом мире, кровь бросилась Артёму в лицо:

– Ты!.. Что ты там делала?!

– Ой-ой-ой, какие мы ревнивые, скажите пожалуйста!.. Чё делали – чё делали... Отчёты мы читали! А очень, оказывается, приятный мужичок – твой Шеф!

Чувствуя, что от глупой и бессмысленной ревности теряет последний рассудок, Артём кинулся к с-суке, но она растаяла в воздухе! Тогда он рванул на себя дверь...

Шеф оторвал взор от бумаг на столе, и недоумённо уставился на Артёма. Следов беспорядка в одежде заметно не было... Вот зараза – подставила!.. Точно – мелко мстит и пакостит!

Чувствуя, что положение надо как-то спасти, Артём выдал:

– Геннадий Васильевич... Простите, что без стука... Можно?..

Шеф, если и удивился, виду не подал:

– Входите, Артём Александрович. Присаживайтесь – прошу.

Когда Артём уселся на ближайший к шефу боковой стул – пожизненное место Главного Инженера – шеф слегка улыб-

нулся – то есть приподнял кончики губ:

– Я вас внимательно слушаю.

Артём, ощущая, как огнём горят уши, и пальцы сводит судорогой, сглотнув, начал:

– Геннадий Васильевич. Не хотел вас зря беспокоить. Мне сегодня на планёрке... стало плохо. – шеф кивком дал понять, что от него этот факт не укрылся, – Но потом, когда меня осмотрела Резе... э-э... Простите – наш доктор, она сказала, что всё для моего возраста в порядке. «Лучше, чем у молодых»... Но я... Всё равно чувствую – что-то во мне... Не так. Не так, как всегда. Я...

В-общем, Геннадий Васильевич! Можно мне недельку – в счёт отпуска?! – Артём чувствовал, что вязнет, как муха в паутине в собственной неубедительной лжи, и никак не мог заставить себя взглянуть шефу в глаза, но остановиться не мог. Он должен восстановить психику! И хорошо, что так получилось, что он пришёл первым – а не ждал, когда про него наплетут и секретарше шефа, и... Всем остальным.

Шеф выказал себя молодцом. Практически не колебался:

– Конечно, Артём Александрович. Ваш отдел идёт без нарушений графика. Оставьте за себя Вадима Петровича, а заявление можете написать прямо сейчас – я подпишу.

Чувствуя буквально дикую благодарность – что за тактичность, что – за то, что пошли навстречу, ничего не выясняя – Артём, потея, тут же настроил заявление.

Шеф подписал. Артём поблагодарил и вышел.

И снова ему повезло: начальница Отдела Кадров, Ирина Юрьевна, оказалась ещё в Канцелярии – что-то, видать, подгоняла к полугодовому отчёту. С его листочком не церемонилась и не возилась: заявление подписала, зарегистрировала, подшила, буркнув только:

– Не забудьте, Артём Саныч – на работу двадцать первого!

Артём Саныч рассыпался в благодарностях, за что на него ещё раз сердито взглянули, и он отчалил, стараясь не мешать занятому человеку.

Чувствовал он... Глубочайшее удовлетворение.

Отлично он сыграл обычного человечешку: с его крохотными банальными желаньями, приземлёнными мечтаниями и хиленьким здоровьем с расшатанными и расшалившимися нервишками...

Его подлинную сущность – зреющего глубоко внутри Посвящённого – не заметил никто!

Да он уж позаботится – чтоб никто и не узнал, когда придёт его час!..

А пока продолжим игру в обывателя – примерного работника и семьянина.

Вечером он, для разнообразия, посмотрел ящик вместе с Ксенией.

Ему повезло: видать, в честь пятницы передачи шли поприличней, и он даже смог похихикать над усатым ведущим «Поля Весёлых ходоков» с их традиционными костюмами

для «Дорогого Леунида Аркедьевича», и съестными/напиточными приношениями...

Ксения помалкивала, но пару раз он ловил на себе её недоумевающие взгляды.

На ужин – вот уж кстати! – жена разморозилапельменей. Традицию лепить сразу два подноса, и складировать штабелями в морозилке она переняла от тёщи – царствие той небесное, хозяйственная была женщина! Так что Артём поел со вкусом – он предпочитал не со сметаной, а с хреном и кетчупом.

Затем он уж было собрался... Но поговорить не дали – позвонила Валентина Павловна, с работы Ксении, и они что-то специфическое о здоровье какого-то больного стали обсуждать.

Пожав плечами, Артём сел за комп.

Переписки набралось много – пока всех, кого надо поздравил, пока – что просили – переслал. Пока себе – скачал... Завозился даже дольше, чем планировал: до двенадцати.

Ксения не заморачивалась – уже спала, когда он пошёл в ванную.

Сегодня в маленькой каморке под тугими горячими струями он даже порадовался – Юлия не явилась. Вот уж не думал не гадал – что может тихо радоваться отсутствию знойной любовницы. Зато без неё можно буквально упиваться своими новыми тайными способностями. И обследовать сверх-

чутьем окружающую, но до этого – Скрытую Вселенную!

Какие цвета! Запахи... Странные, неземные звуки – явно из области инфра- и ультра- !.. Как божественны, оказывается, капельки даже самой обычной водопроводной воды! Любая – сияет ярче бриллианта!.. Потрясающе.

Что будет с ним дальше?! Что ещё он сможет... Понять, прочувствовать и ощутить?..

Укладываясь в так называемую семейную постель со своей стороны, он старался не шуметь. Это было трудно – любой шорох отдавался в мозгу гулким эхом...

Но снаружи... Он слышал: далеко в лесу – ухала сова. Где-то за Комбинатом пыхтела градирня, остужая пар и воду из Станции... Басовито гудел рой комаров. Бесподобно... Всё это складывалось в поистине неземную музыку!

Но поставить будильник на пять тридцать Артём не забыл.

Петрович уже ждал его на обычном месте.

Солнце светило вовсю – причём прямо в глаза. Оба пожилых мужчины щурились, но до своего «фирменного» места шли молча: негоже нарушать традиции почти священного действия. Осознание своих новых сил и возможностей не мешало Артёму предаваться упоительным мгновениям предвкушения. На то он и могуч – чтобы понимать и радоваться *всему* вокруг!..

На берегу всё приготовили, насадили по червяку. Поплевали. Закинули.

Затем занялись и закуской – порезали и разложили.

Артём достал из кармана плоскую ветераншу – бутылку из-под какого-то бальзама. Этикетка давно истёрлась до сквозных дыр, но сама тара верно и честно служила – пробка завинчивалась герметично. Петрович, опрокидывая под традиционное «Ну, будем!..», только крикнул.

Артём вдохнул полной грудью: хорошо. И вкус... Замечательный! Боже!..

Как он раньше не чувствовал всего этого... Букета! Корица, ореховые перегородки, ваниль. Сахар. Великолепно! И буквально чувствуешь живительное движение «нектара» по пищеводу...

Говорить, присев на травку, оба не спешили. Опять-таки – традиции...

Но когда Артём разлепил уже было рот, у него началась поклёвка! Подсёк. А, туды твою в качель, поздно!..

Сплюнув на нового червяка, он закинул снова. Спокойные мутноватые воды мирно кружили, образуя стоячие водоворотики в их заводи, и Артём вздохнул: благодать! Хоть первая и сорвалась... Плевать: не из-за рыбы же они здесь!..

Поклёвка началась снова. Он торопливей, чем надо, схватился за уд.

Вот это дела! Вода под поплавком прямо забурлила!

Что за... Ох!..

Всё его новое самоощущение, состояние гармонии с собой и Природой, Силы и сверхспособности вдруг словно рас-

творились – и он снова жалкая пешка в руках этой... Этой!..

Юлия сегодня вплела в волосы зелёные плети чёртовых водорослей – вылитая русалка!

Когда её лицо, а затем и обнажённое перламутрово-блестящее тело засверкало в лучах уже высоко стоящего солнца, он прямо-таки чувствовал, как краска щедро заливает ему лоб и шею. Ох и хороша же, чертовка!.. И ведь осознает это! Недаром же движется *так* – дает насладиться грацией и стройностью...

Артём только и смог, что закрыть рот, и набычиться, так и не произнеся ни слова.

Хотя это дорого ему далось – в ногах противно дрожало, и сердце так прихватило!

Вынув из внутреннего кармана ветровки тубик, он выкатил валидол, и сразу разгрыз таблетку. На «русалку-афродиту» он старался не смотреть, отвернувшись к кустам. Окрик: – Эй, Тема-стеснёма! Свинтус этакий! Руку подал бы даме!.. – не поколебал его нежелания обернуться, или действительно помочь!

Вот чёрт! Да что же это!.. Куда деваться?! Бежать?! Петрович не поймёт. Но и остаться...

Пока он колебался, отойдя на пару шагов дальше от воды, всё решили за него!

Шутливая – а может, и не очень! – подсечка опрокинула его спиной на пологий мягкий травянистый склон, и сверху его чресла оседлала обнажённая наездница! Уж она с ним не

церемонилась!

Артём попытался, вначале – вежливо и мягко... Затем, откинув всю стеснительность – и изо всех сил, и вспомнив приёмы боевого самбо, сбросить зар-разу с себя!

Какое там!.. Против своего же животного и «озабоченного» подсознания – не поборешься!

Зная, что сделать теперь ничего не сможет, Артём кое-как, пыхтя и отчаянно сопротивляясь, успел крикнуть только:

– Петрович! Умоляю! Отвернись! Отвернись и беги, беги отсюда скорей!.. – но тут ему заткнули рот сердитым поцелуем, одновременно сдёрнув штаны.

Всё дальнейшее проходило без текста, если не считать за таковой азартные выкрики всадницы, и слабые стоны и всхлипы Артёма. Юлию его слабые трепыхания в попытках увильнуть от основных обязанностей не останавливали. Да он и сам...

Уже не слишком сопротивлялся.

И, несмотря ни на что, он испытывал поистине неземное... Наслаждение!

Это...

Не могло не напрягать.

Отпустила и слезла она с него не раньше, чем добилась своего.

Артём снова чувствовал себя отвратно – в теле и душе

обычного смертного.

Довольно вздохнув, искусительница грохнулась рядом на спину и беззаботно хихикнула:

– А старичок-то твой... Напарник, в-смысле... Тот ещё пошляк! Небось, ничего из наших игрищ не упустил... Ничего, с меня не убудет – пусть завидует!

– Юлия. – Артём говорил негромко, так как видел Петровича всего в двадцати шагах, и даже с такого расстояния дикие глаза показывали, что – что бы тот не видел, это произвело неизгладимое впечатление! – Зачем ты это делаешь? Ведь ты не можешь не понимать – одно дело, пока мы только вдвоём. И совсем другое – когда при свидетелях! Ведь ты выставляешь меня полным идиотом и шизофреником! С глюками и психическими осложнениями!

– Ха-ха-ха!.. Ну что ты, милый, никакой ты не шизофреник! А так, банальный псих! – понять, говорит ли фантом его Первой серьёзно, или прикалывается, было абсолютно невозможно. Впрочем, точно так же было и не с фантомом...

– Нет! Я – не псих! – Артём невольно повысил голос, – А вот ты – настоящая сучка! Озабоченная самка! Как ты могла! Ну ладно – выставила меня шефу на посмешище, там он тебя хоть не видел! Так теперь – ещё Петровичу показала!.. Меня – «в действии!..» Мне теперь одна дорога – к психиатру! А я – не псих! Это... Это ты – мерзавка такая, хочешь, чтобы я спятил! Ну, говори – хочешь ведь?!.. – он уже кричал, и не мог остановиться. Плевать на Петровича – хуже тот про него

уже всё равно не подумает!..

– Ах вот ты как заговорил! Тоже мне, любовничек выискался!.. Посмотри на себя – да ты же жалок, как побитая собака! Штаны натяни!.. – Артём, глянув вниз, поспешил так и сделать. – Можно подумать, ты здесь – самый крутой ...арь! Вот уж нет! Вчера, пока ты пялился в свой комп и на кобылу свою дебёлую, я явилась Мишке!

Уж он-то «ситуацией» воспользовался! И проявил себя – ого-го!.. Дубль для него – раз плюнуть! Да и побольше у него всё, что положено, и покрепче!.. А ты – староват становишься... Обмяк хомяк!

– Заткнись!!! Замолчи, шлюха поганая, б... такая!!! Я тебе твои слова – в глотку!.. – Артём метнулся к Юлии, изо всех сил врезав в поганый рот кулаком...

Кулак ударился в склон холма. Хорошо, что там росла травка – иначе Артём точно что-нибудь в руке сломал бы. Но и так – отбил костяшки прилично... Пришлось сунуть их в рот. На глазах невольно выступили слёзы.

Чёрт... Вот тебе – и сверхспособности, и ощущение единства со Вселенной...

Его сучка доказала ему.

Что он – всё ещё обычный смертный. Раб своих чувств и земных страстишек и комплексов. Далеко ему ещё до глубинной сущности Космических откровений...

Нет, он будет бороться – он же видел... Ощущал в мозгу и всем теле... Что он – Избранный. Новый Человек! Нельзя

дать Сексу взять верх над Разумом! Над его новым Духом!..

Ну а пока...

Потный Петрович, с видом мученика, что-то тюкал на мобильнике. Не дай бог – вызывает санитаров со смирительным!.. Ну уж нет – этого Артём допустить не мог!

– Петрович! Петрович! Прекрати! Я уже – в порядке! Иди сюда!

Петрович подходить не спешил, но – вот спасибо! – хоть звонить кому-то перестал...

– Петрович! Я – серьёзно! Иди, не бойся. Всё закончилось... – Артём махал рукой, стараясь добавить бодрости в голос, чувствуя и нарочитость и искусственность. Но не опускать же руки!.. Может, стоит хотя бы попытаться – как-то сгладить впечатления от произошедшего?

Тем более, он так и не знает, *что же* происходит. И как это выглядит со стороны.

Петрович подошёл. Выглядел он, наверное, не лучше, чем сам Артём в первое «посещение». Во всяком случае теперь горе-любовник как бы смотрел на себя со стороны: трясущиеся руки, выпученные глаза, бледное, как у покойника, лицо – на лбу и шее капли пота...

– Что... Это было? – Петрович дважды сглотнул, прежде чем смог что-то сказать.

– Прости, Петрович... Это был секс. – Артём решил идти напролом, – Сам знаешь, Ксения-то моя... Со мной уже – никак, почитай, года три... Вот и выкручиваюсь, как могу!

– Саныч!.. Прекрати это! Не люблю, когда меня держат за идиота!

Не прошло. Артём, помолчав, и пялясь на ботинки друга, попробовал снова:

– Прости ещё раз, дружище... Я и сам точно не знаю, что это. – Артём тоже сглотнул, отвернувшись к реке. Поплавок Петровича давно ушёл под воду, дёргая кончик уды, но им сейчас было не до рыбы. Плевать на неё три раза – пришли сюда они уж точно не из-за неё...

– Садись-ка. – Артём хлопнул по траве рядом с собой, – Расскажу. Как на духу...

– Рассказывай. – Петрович присел. Правда, не совсем рядом, а где-то в шаге. «Опасается – зараза, что я буйный.» – подумалось Артёму. Да и правильно.

Сам бы он в такой ситуации – не поопасался бы?!

– Глюки у меня, Петрович. – Артём заговорил, только выждав с минуту, – Видать, на почве этой... Как её помягче-то... Сексуальной неудовлетворённости. Я же ещё – могу. А Ксюха – теперь ни за что... Думал, может любовницу себе завести... Стыдно – на старости-то лет! А три дня назад... – Артём и сам не заметил, как выложил Петровичу всю историю – действительно, как на духу.

Даже не дорассказав до конца, понял – зря. Ни единому слову Петрович не поверил.

Хотя виду и старался не подавать – поддакивал, кивал в нужных местах... Артём... Снова ощутив в себе воз-

вращающиеся сверхсилы и способности, видел его насквозь. Тогда он решил изменить амплуа: теперь он – шизофреник. Петрович купится. Обязательно – ведь Артём может... Быть убедительным!

Он закрыл лицо руками и зарыдал.

– Ты... Что?! – горечь и боль в голосе Петровича резанули своей искренностью.

– Я... Ничего. Я всё это придумал. Ты уж не обессудь, старый дружище – мне надо как-то свою шизу прикрыть... Я... – а слёзы-то текли по-настоящему!

– Спятил я, Петрович – по-полной спятил! – Артём так вошёл в образ, (Ну, прямо по Станиславскому! – всплыло услужливо из памяти!) что и чувствовал подлинное отчаяние, – Прости ещё раз – я... Домой пойду.

– Ну уж х...н тебе! Домой! Да я тебя одного теперь ни за что не отпущу!

Так. Плохо. Вот Петрович уже и хочет его... Не оставлять одного. Значит, точно – считает психом. Переиграл, стало быть... А с его новым Сознанием-то надо бы поосторожнее...

Наверняка старый друг боится – как бы Артём чего с собой не сделал!..

Ну уж это в его планы не входит... Как бы. Значит – по-плохому.

– Спасибо, дружище, может, так оно и правда лучше... – Артём встал. – Давай руку!

Возможно, Петрович и правда посчитал, что Артём хочет помочь ему подняться, и без задней мысли протянул ладонь.

Коротким боковым левой Артём послал незадачливого «контролёра» в нокаут. Он очень тщательно рассчитал удар, боясь перестараться. Хотя все эти людишки теперь были ему реально – до лампочки, Петровича, хотя бы в честь славных былых дней, он трогать не будет.

Когда он закончил связывать напарника, солнце стояло на полдень. Закатив коллегу, бешено вращающего глазами, и что-то из-под кляпа мычащего, в тень, под кусты, Артём подумал, что того найдут только к вечеру – когда забеспокоится и пойдёт ругаться с ними, «придурошными маньяками-рыболовами» Настёна, жена Петровича. Такое уже случилось – когда они брали с собой две. А сегодня – непорядок! – и одну-то не прикончили...

Ну, до вечера Артём уж как-нибудь со своими делами разберётся...

Новое Знание, новая фаза его развития, как индивидуума уже так прочно сидела в мозгу. И так однозначно выверена была для него вся последовательность дальнейших действий!..

Окончательный Переход в новое состояние – он ведь лежит только через...

И – Свобода! Полное приобщение к Мировому Разуму! Нирване! Торжеству над брэнной и обрыдлой повседневностью!.. Над примитивно-животной Плотью! Ведь он уже по-

что ощущал это – словно плывёшь в тонких неуловимых течениях Единого Информационного Поля Вселенной, как на надувном матрасе – по Чёрному морю...

Да, он знает путь. Он – готов к переходу на Высшую Ступень!

Но вот остальным про его новое Предназначение и Судьбу знать не надо. Он – самый банальный псих. Но – добрый. Сейчас он сыграет и эту мизансценку.

– Петрович. – в тоне Артёма слышалось подлинное раскаяние и стыд, – Извини, что связал. Но я не хочу, чтобы ты вспоминал обо мне, как о психе – я не псих. Просто... Наверное, это всё проклятый «Комплекс вины». Я уже лечился от него. Видать – не помогло. – он потупился. Помолчал.

– Прощай. Не поминай лихом. Отдел – смело оставляю на тебя. – чувствуя, что если задержится ещё, то разрыдается снова, Артём быстро встал и почти бегом поспешил домой.

Он точно знал, что найдёт там. И был уверен – времени и мужества ему хватит.

Да, как он и думал, нагая и вожделённая Юлия развалилась на семейной кровати вольготно, словно на своей.

«Ах ты ж сука бесстыжая, – ударило в голову Артёма, – Я точно знаю, чего ты хочешь!»

Так не бывать же этому!»

Никто больше не выведет его из... Как назвать-то?... Состояния, близкого к Окончательному Просветлению! А эта

наглая шляха... Наверное, на всё готова, только бы сбить его с праведного пути, с верного курса. Или она действительно хочет затрахать его до инфаркта – до того, как он?!..

Да, пусть он сволочь, подонок и трус, но: он убьёт её – первой!..

С равнодушно-пренебрежительным выражением на лице, (Очередная маска!) он принёс из кухни здоровый нож для разделки индюшки.

Юлия смотрела вызывающе: дескать, не испугаешь! Пу-ганные уже!

Ощувив в себе волну жгучей ненависти, и ностальгической тоски по себе, себе наивному и нормальному, и вождения по себе – будущему, просветлённому и всепонимающему, он с диким рёвом вонзил нож по рукоятку в скульптурно-точёную грудь!

И – выдернув – снова вонзил! С зубовным скрежетом и рыком выбивая из гнусной похотливой девки – жизнь, а из себя – безвольного раба своего х...!

И не мог остановиться, снова и снова пронзая фантом! Хоть и понимал где-то там, глубоко: что всё это – не взаправду... Что это – не он с ножом! Всё происходящее ему – только кажется...

А на самом деле он – выше всех!

Он – супергениален и могуч. Силён и крепок. Духом!..

Ксения и в смерти выглядела безобразно.

Невольно вызывая чувство брезгливости и грязи.

Конечно, не украшали её бегемото-складчатое тело и колото-рваные кровоточащие раны...

Стоя над распростёртым телом с широко открытым в предсмертных воплях криках ртом, (Бедные соседи!) с опустошённой душой, и как бы включившимся на миг старым, человеческим, Сознанием, Артём зачем-то начал эти раны считать.

Дошёл до сорока семи. И бросил – какая разница... Смертельным, похоже, оказался только первый удар – прямо в сердце. Здорово же его эта девка... Или – женщина?.. Или – они обе?..

Неужели *всё* шло только к этому – подсознательная долго накапливаемая и скрываемая ненависть вылилась... Вот в ЭТО?!

Ну а теперь ему лишь одна дорога – вперёд, герой-любовник! Будешь знать, как предавать наивных девочек... И жить с нелюбимыми старыми брюзгливыми коровами.

Он взглянул на свои руки. Да, по плечи в крови. Какое уж тут «состояние аффекта!...»

Маньяк. Не сверх-гениальный, (Все они про себя так думают!) а заштатный маньяк... Сексуальный.

Ну, а с такими Закон не церемонится.

Осознание своих титанических только недавно сил и мыслительных способностей почему-то окончательно покинуло его. Он не мог даже сосредоточиться – чтобы попробовать

возродить хоть что-то из этого, поистине божественного откровения в Душе...

Нет – ничего не выходило! Даже тени бывшего сверх-восприятия, Вселенского разума... О-о-ох...

Маленький затравленный мальчик глубоко внутри его груди готов был разрыдаться, и позвать маму – так всё запуталось... И – в то же время стало так кристально ясно!

Чёрт. Везде – обман!..

Ловко его... Или это – не было коварством? Может, он сам-по-себе – с детства готовился к чему-то... Этому?

И вот – всё сделано!

Значит, решение окончательное.

Вид с двенадцатого этажа открывался потрясающий. Вокруг их маленького и тщательно изолированного городка широко раскинулись леса. Зелень, зелень... И – где-то далеко, на пределе видимости – поля с желтеющей пшеницей. Ну, это он думает – что они желтеющие. Зрение – уже *не то*...

На самом деле всё вдали – просто светло-серое.

А асфальт стоянки под домом – тёмно-серый.

Там, в этой серой черноте – выход. Решение. Окончательный ответ...

От пронзительной окончательности этого знания свело скулы, и что-то сжало сердце ледяной рукой...

Уже в полёте, откуда-то из глубины этой летящей навстречу серости, к нему рванулось её упругое тело – но не

остановило, а наоборот: увлекло вниз ещё быстрее!

Голос возникший в ухе, злобно прошипел: «Ну вот и по-квитались!..»

Когда лицо ударилось об асфальт, он улыбался.

Человек в голубом халате устало стянул и кинул в кювету перчатки. Снял маску. Посмотрел зачем-то на руки. Повертел их. Покачал головой. Вернулся к столу под ослепительно сияющим колпаком.

С минуту задумчиво стоял над тем, что когда-то было его знакомым.

Не то, чтобы он испытывал жалость, или брезгливость: при его профессии это – непозволительная роскошь. Он и копать-то дотошно начал потому, что хорошо знал погибшего... И хотел *понять*. И, похоже, его подозрения подтвердились.

Этот человек так не поступил бы. Сам.

Он перевёл взгляд налево. В прозрачном лотке особенно хорошо выделялась неаккуратная красная клякса крови и крохотное белое зёрнышко – совсем как пшеничное. Кто бы мог подумать, что он, врач с почти сорокалетним стажем, до *такого* доживёт...

Проклятая «НТР». Проклятые мерзавцы из...

Что для них – жизнь человека?! Вот именно – пшик!..

Он вышел в коридор. Пока шёл до его конца, сердито хмурил брови: нет, староват он уже для всех этих хитрых при-

бамбасов. За три года еле освоил этот ...ренов томограф.

Телефон стоял на столе у дежурной сестры. Сама сестра мирно отсыпалась в дежурке, на пустующей койке для поступающих.

– Алло. Здравствуйте. Будьте добры, дежурного офицера... Хорошо, я подожду.

Бесстрастно-начальственный голос на том конце провода наконец отозвался:

– Капитан Ящиков, отдел внутренней безопасности. Слушаю вас.

– Здравствуйте, товарищ капитан. С вами говорят из Госпиталя. Я – патологоанатом Сиверцев Владлен Михайлович. – он знал, что каждое его слово автоматически записывается на плёнку, и специально говорил неторопливо и чётко выговаривая слова, – Думаю, вы захотите прислать дежурную бригаду сюда. Да – вот именно. Для вас есть... *Кое-что*. – человек слишком хорошо знал, что можно, а что нельзя говорить по телефону. Выучка осталась с тех далёких времён, когда в стране ещё водились «враги народа» и «шпиёны проклятого Запада».

«Враг не дремлет!»

И так будет всегда!

По-крайней мере, для него.

Телефон зазвонил в полвторого ночи.

По мере возможности тихо Александр Александрович Ка-

Калашников, тёзка знаменитого создателя «оружия всех времён и народов», буркнул в трубку:

– Калашников слушает.

– Здравия желаю, товарищ генерал. Майор Нигматуллин беспокоит. Дежурный по Управлению. Простите, но вам нужно сейчас же подъехать сюда.

– Это срочно? – это был не вопрос, а утверждение. Майора Калашников узнал.

– Так точно, товарищ генерал. Срочно.

– Хорошо. Через пять минут спускаюсь.

– Вас понял. Машина уже у подъезда.

Генерал соблюдал лозунг «Не болтай! Враг подслушивает!» ещё более свято, чем патологоанатом. Поэтому молча положив трубку, бросил обеспокоенный взгляд на жену – нет, не проснулась. Накрученные на палочки с цветными резиночками от денег русые волосы с пробивавшейся у корней сединой смотрелись по-домашнему трогательно.

Он прошёл к шкафу.

Если брюки висели на специальной подставке, то китель – только на вешалке.

Одевался и завязывал галстук Калашников всегда сам.

К началу рабочего дня, официально начинавшегося в Управлении в восемь, в кабинете генерала дым уже не позволял разглядеть портрет Железного Феликса над креслом его хозяина – всё серо-голубое сигаретное марево плавало

сверху.

Только когда все всё доложили, получили «руководящие указания», и разошлись выполнять, Калашников вспомнил, что окно у него можно распахнуть настежь. Оно – старинное, ещё из дерева, а вовсе не эти новомодные штучки из пластика, или алюминия, которые не открываются, а проворачиваются.

Бесстрастным взором окидывая город, раскинувшийся под окном, и поля с лесополосами, лежащие дальше, он думал.

Думал о том, что очередной виток омерзительной и смертельной игры для взрослых под названием «гонка вооружений» начался. На качественно новом уровне.

Плевать. Они и к *такому* готовы. Теперь, благодаря квалификации и сознательности ветеранов, и новейшей аппаратуре, знают, что и как искать.

Однако им, конечно, понадобятся эксперты...

Эксперт прибыл только утром следующего дня.

За «чрезвычайно занятым учёным» генерал послал в аэропорт личную «Волгу».

Через полчаса участники экстренного совещания рассаживались по стульям.

– Рашид Ахмедович. Будьте добры – доложите, что удалось выяснить.

Почти лысый, несмотря на всего-то тридцать семь лет,

майор доложил оперативную обстановку, и то, что выяснилось по показаниям свидетелей и опрошенных.

Возникшую паузу прервал новоприбывший:

– Товарищ генерал. Боюсь, мне придётся ещё раз побеседовать со свидетелями и опрошенными. Лично.

Нет-нет, я вовсе не покушаюсь на вашу компетентность в данном вопросе, уважаемый Рашид Ахмедович! – светило от науки не могло не заметить, что лицо майора после его заявления пошло красными пятнами, и поспешило обернуться к нему, доброжелательно взглянув в глаза. – Но вы даже не представляете себе *особой* специфики того, с чем... Столкнулись. Да и я... Не в полной мере представляю! Поэтому, если это не противоречит, так сказать... Я бы попросил вас даже присутствовать при наших... Э-э... Беседах.

Генерал и майор переглянулись. Генерал вздохнул:

– Это – не противоречит. Рашид Ахмедович. Будьте добры – выполняйте. И – окажите *всяческое* содействие. Дело для нас новое.

Поправившее очки на переносице светило криво усмехнулось:

– Я вас удивлю. Для нас – тоже!

Двое суток почти ни у кого не было возможности не то, что прилечь – присесть.

Бригада лучших специалистов, привезенных светилом, не вылезала из лаборатории.

Наконец, «светило» решило, что они выяснили все, что могли, и доложило то, что все знали и так: да, новый, «супер-продвинутый», виток Холодной Войны запущен. И указало методы профилактики. И выявления...

Когда дверь кабинета за отбывшим в столицу Академиком РАН закрылась, генерал встал.

В голосе вновь слышался скрываемый до этого металл:

– Товарищи офицеры. Не хочу сеять панику и мешать вашей работе... Рашид Ахмедович! Будьте добры к завтрашнему утру обезвредить *всех* ваших подозреваемых. Если к пяти утра не выявите, кто из двенадцати конкретно – наш «клиент» – пожалуйста, задержите их *всех*! Далее – полный досмотр, как указано в Отчете... Один враг внутри крепости страшнее, чем целая армия под ее стенами.

Мы столкнулись с новым типом «электронного шпионажа», и нам, можно сказать, – кивок в сторону двери, – повезло. А могли бы и списать на суицид... Спасибо бдительности наших патологоанатомов. Техника, конечно, на месте не стоит, но люди... Хм. Повторю: бдительности и добросовестной работы не заменит ни один ...ов аппарат!

Ясно, что враг на этом не остановится, и будет совершенствовать методику, и выбирать новые объекты... Для внедрения имплантов. Наша задача на данном этапе – ещё и не допустить «вживления», как выразился эксперт, новых имплантов. А пока – придётся всю работу, проведённую в КБ над чёртовым «Циркониумом» – переделать. Нет сомнения, что

враг кое-какие данные всё же получил. – Калашников кивнул директору Комбината, голос смягчился, – Лев Аркадьевич, я уверен, вы всё сделаете в наикратчайшие сроки... – неизбежный вежливый ответный кивок. Генерал продолжил:

– Соответствующий доклад я уже отослал Главнокомандующему. – тяжкий вздох. Пауза. – И я не смог назвать даже предположительные сроки готовности новой ракеты. Сейчас у нас здесь всё слишком... Запутано.

Заметно было, что дальнейшее тяготит председателя Комиссии.

– Теперь – о неизбежном и неприятном...

Томограф – уже здесь, в соседнем кабинете. И, чтобы никто ни в чём не считал себя униженным, я пройду сканирование первым!

В маленьком кабинете на двадцать восьмом подземном уровне сидело трое: двое в мундирах из дорогого сукна и с огромным числом звёзд на погонах, и один – в тоже дорогом, но отвратительно сидящем костюме. Штатский.

Генерал во главе стола подчёркнуто равнодушно спросил, кинув быстрый взгляд как ни странно, не на того, у кого спрашивал, а на штатского, после чего вновь уставился в карту на стене:

– Значит, агентура утрачена?

– Так точно, сэр, утрачена. К сожалению – вся. – щека отвечающего чуть дёрнулась.

Генерал фыркнул. Помолчал. Тон его не изменился. Он мягко и вкрадчиво, словно речь шла о заслугах, констатировал:

– Стало быть, четыре года исследований и работы наших лучших специалистов – коту под хвост! Не говоря уже о почти полутора миллиардах, и работы там, на местах...

Почему произошёл сбой?

– Как я уже докладывал, агент «механик» вероятнее всего, не смог точно выполнить рекомендации по установке. Место введения импланта не было им чётко определено. Даже в условиях лаборатории, у доктора, на это уходит до получаса. А уж в полевых!.. Хм. Здесь всё решают буквально доли миллиме...

– Я знаю! – от рева задрожали бы стекла. Если бы они здесь были, – Плевать на деньги – затребуем новых из Бюджета! Плевать на саму ракету – они всё равно теперь сделают новую... Меня бесит утрата новой *методики*! И потеря троих отличных агентов!.. *Наших* агентов! С таким прикрытием!

Чёрт с ним. Я знаю, кто отдал приказ на вживление... И *не помогут* ему теперь высокопоставленные родственнички в Пентагоне.

Никто за столом на гневную тираду не возразил ни словом ни движением.

– Ладно, – несколько успокоившись, генерал решил уточнить, – Сейчас у нас речь не об этом. Вот что меня интересу-

ет: что это за чертовщину передавала его камера на второй и третий дни после включения импланта? Что там за «Роковая Красотка?..» И почему она вообще оказалась нам видна?!

– Ах, это... Весьма любопытный побочный эффект – от неверного места установки. Микроизлучения этих долей таламуса генерируют весьма сильный... – увидев, как скривились оба военных, доктор, ни в малейшей степени не утративший хорошего настроения от «катастрофической ситуации с методикой и агентами», или от грозного рыка, поспешил перейти на нормальный язык. – Он видел картины и образы, проецируемые изнутри – собственной *совестью*!

Неспроста же мы выбрали его! Подавленные желания, стыд, разочарование – из-за того, что имплант как раз и работает на всех этих микросигналах, всё подавляемое до сих пор подсознание вполне реально встало перед его глазами!

При этом неважно, что объект знает о том, что сигналы – ложные... (Ну, то есть – они существуют только в *его* мозгу!) Это несколько не снижает эффекта воздействия!

Он действительно – трахался со своей старой возлюбленной, получая ни с чем несравнимое удовольствие! Это – как наркотик! Отвыкнуть невозможно! Привыкание же – мгновенное. Ведь речь идёт не о грубых аналоговых системах, типа ЛСД, или героина, или кокса, которые реципиент получает через вторичные системы – ну, через кровь и лёгкие. Нет – здесь всё происходит непосредственно *в мозгу* – ну как если бы мы телефон заменили телевизором – воздействие в

десятки, сотни раз сильней!

И если бы мы не выключили... Хм-м-м...

Повторяю: эффект абсолютной достоверности происходящего.

Ну, как бы попроще объяснить... Вот представьте человека под гипнозом. Если такому подопытному тронуть руку палочкой, и сказать, что это – горящая сигара, у него появится ожог!

Или – помните крысу, которой вживили электроды в область мозга, отвечающую за наслаждение. И подставили рычаг! Она и есть-то забывала: всё жала и жала...

То есть это – *самогипноз*. И – куда более глубинного уровня! Я даже не знаю, в какой слой подсознания мы случайно влезли, но ясно одно: вот оно, перед нами – оружие Будущего! Да и не только – *оружие!* Ведь что может быть желаннее для любого обычного человека – чем воплощённая МЕЧТА!

Причём – *своя*, индивидуальная для каждого конкретного человека!

Представьте, что вы совершенно реально сможете, ну... Скажем, предаться бурному сексу с... Мерилин Монро! С Клеопатрой! Лично застрелить товарища ...утина! Или – свою Бывшую! – человек в форме, явно представив *это*, закусил губу. Но промолчал. – Причём – абсолютно достоверно! И безнаказанно! Да мало ли...

Жить – в *воплощённой* Мечте! Причём – настолько совершенно воплощённой, что не отличить от жизни! Что там нар-

котики, СМИ, Деньги – *вот* средство управления каждым и всеми! Раз попробовав, за такое любой готов будет на ВСЁ!
НА ВСЁ!!!

Сэр, перед нами – самое *страшное* изобретение со времён письменности и кинематографа: полный контроль и управление Сознанием Любого Человека!

Да, мы облажались с этими ракетами – но что такое эти ракеты по сравнению с перспективами обнаруженного – даже *побочного* эффекта!!!

Вот только представьте – богатейший арабский нефтяной магнат вдруг добровольно отписывает своё состояние в Фонд... м-м... Пожертвований Ветеранам Вьетнамской войны! Или – Канцлер крайне строптивной союзнической державы вдруг... Разрешает разместить наши средства РЛС и аэродромы ударной авиации на своей территории.

Или – ещё круче: Наш любимый Президент вдруг подписывает небывалый Бюджет на Оборонные нужды! А гнусное сборище самовлюблённых упрямых баранов – наш дорогой Конгресс! – единогласно этот Бюджет утверждает!..

Мы, боюсь, выпустим... Да что там – уже выпустили джина из бутылки!

И, подумать только – это открытие пришло к нам в результате глупого провала! И пусть утрачен новый метод получения «неосознанных» шпионов, которые и не догадывались бы, что они – шпионы...

Жаль, повторяю, что этот план провалился...

Но поверьте, генерал: главное-то – впереди!

Полный Контроль над Сознанием положит к нашим ногам
весь Мир!..